

ХВАН СУНВОН ДЕРЕВЬЯ НА КОСОГОРЕ

ХВАН СУНВОН

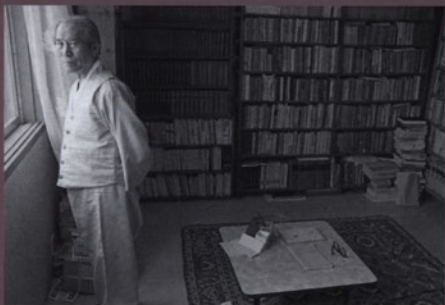
ДЕРЕВЬЯ

НА КОСОГОРЕ

РОМАН

ГИПЕРИОН

Хван Сунвон (1915–2000) — один из известнейших писателей Кореи. Он дебютировал ещё школьником, опубликовав в 1931 г. свои стихи, а в 1937 г. был напечатан его первый рассказ «Уличное наречие». Испытывая давление со стороны оккупационных японских властей, в 1942 г. Хван Сунвон удаляется к себе на родину в глубинку и предпочитает молчать. В эти годы он написал ряд произведений, в том числе рассказы «Гусь», «Больная бабочка», «Старый гончар», однако ни одно из них не было напечатано. Выпуск его рассказов возобновился лишь в 1947 г. уже после освобождения Кореи.

Роман «Деревья на косогоре», рассказывающий о судьбе солдат, прошедших корейскую войну, и описывающий внутренние переживания молодого поколения, глубоко раненного этой гражданской войной, был опубликован в 1960 г. Писатель старается с пониманием отнестись к ранам своих соотечественников и внушить им надежду на возвращение к мирной жизни. Тема романа актуальна и вне временных рамок, так как трагедия людей, столкнувшихся с насилием внешнего мира, может случиться в любую эпоху.

Это первая книга автора на русском языке.

ISBN 978-5-89332-367-2

9 785893 323672

СОВРЕМЕННАЯ КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХВАН СУНВОН

**ДЕРЕВЬЯ
НА КОСОГОРЕ**

РОМАН

Перевод с корейского

Пак Чжун Со

Елены Ким

ГИПЕРИОН

Санкт-Петербург

2021

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Культурного фонда «Дэсан»*

Хван Сунвон

Х19 **Деревья на косогоре** : роман / Хван Сунвон : пер. с кор.
Пак Чжун Со, Е. Ким. — СПб.: Издательский Дом «Гиперион»,
2020. — 208 с. — (Серия «Современная корейская литература».
XXVII).

ISBN 978-5-89332-367-2

Хван Сунвон (1915–2000) — один из известнейших писателей Кореи. Он дебютировал ещё школьником, опубликовав в 1931 г. свои стихи. Испытывая давление со стороны оккупационных японских властей, в 1942 г. Хван Сунвон удаляется к себе на родину в глубинку и предпочитает молчать. Выпуск его рассказов возобновился лишь в 1947 г. уже после освобождения Кореи.

Роман «Деревья на косогоре», рассказывающий о судьбе солдат, прошедших корейскую войну, и описывающий внутренние переживания молодого поколения, глубоко раненного этой гражданской войной, был опубликован в 1960 г. Писатель старается с пониманием отнестись к ранам своих соотечественников и внушить им надежду на возвращение к мирной жизни. Тема романа актуальна и вне временных рамок, так как трагедия людей, столкнувшихся с насилием внешнего мира, может случиться в любую эпоху.

Это первая книга автора на русском языке.

ББК 84(5КОР)

Для читателей старше 16 лет.

Original title: **Trees on a slope**
Copyright © 2020 by Sunshin Hwang
© Пак Чжун Со, перевод, 2020
© Е. Ким, перевод, 2020
© Издательский Дом «Гиперион», 2020
All rights reserved

ISBN 978-5-89332-367-2

ДЕРЕВЬЯ НА КОСОГОРЕ

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

«Такое ощущение, будто силишься пробиться сквозь толстое стекло», — пронеслось вдруг в голове Донхо. У подножия горы всё было залито лучами летнего дневного солнца. Видимость была предельно четкой. Семь-восемь хижин низко припали к земле, будто присев под тяжестью соломенных крыш. Казалось, война обошла их стороной. И вместе с тем вокруг стояла такая тишина, словно в окрестностях не осталось не только людей — вообще ни одного живого существа. «Почему же эта тихая, хрустально-прозрачная местность так угнетает и не позволяет двигаться вперед? Ведь и вправду еле-еле переставляешь ноги, словно проталкиваясь сквозь толстое-пре-толстое стекло», — продолжал рассуждать про себя Донхо. Каждый раз, когда он, выставив винтовку дулом вперед, с осторожностью делал шаг, это огромное стекло лишь на мгновение уступало ему небольшое пространство, а затем сразу же вновь плотно обступало его, преграждая путь. Он запыхался, со лба струями стекал пот.

Донхо, скорее, почувствовал, чем увидел, как Хёнтхэ, который также с винтовкой на боку, озираясь по сторонам, шел метрах в двух сбоку, повернулся к нему. Было понятно, что тот хотел перекинуться шуткой, но Донхо сделал вид, будто не замечает. Ему казалось — стоит хоть на миг отвлечься, как незримое стекло, сквозь которое он едва проталкивается, окончательно затвердеет и он будет обречен застыть здесь навсегда.

До первого дома оставалось еще метров сорок. Но как же это далеко!

Когда они начали обыскивать дома, все мысли Донхо сосредоточились на выполнении задания, и чувство, угнетавшее его, немного рассеялось. Хёнтхэ, командир их разведотряда, рукой подал знак трем товарищам стоять на карауле, а сам, взяв с собой Донхо, направился к дому. В обычное время Хёнтхэ был нерасторопен и любил пошутить, но в боевой обстановке становился до неузнаваемости быстрым и ловким. Он уже успел прижаться спиной к внешней стене дома, раскрыл настежь дверь и прокричал:

— Ни с места!

Голос у него негромкий, но уверенный.

За раскрытой дверью, которая была оклеена тутовой бумагой с темно-желтыми, расплывшимися от старости пятнами и местами залатана лоскутками ткани, находилась темная комната.

— Руки вверх, выходи!

Те трое, что стояли на страже на улице, тоже затаили дыхание. Однако из комнаты никто не выходил.

Направив дуло винтовки внутрь дома, Хёнтхэ быстро вбежал в комнату и оглядел ее. Пусто. Но они все же обыскали кухню и даже уборную. Единственное, что они обнаружили, — следы того, что хозяева наспех собрали свои скудные пожитки и в спешке покинули дом.

В других домах дело обстояло так же. Но Хёнтхэ, несмотря ни на что, каждый раз прислонялся спиной к внешней стене, резко открывал дверь и кричал: «Ни с места! Руки вверх, выходи!» Донхо же, прикрывавший его снаружи, расслаблялся все больше и больше. Непонятно почему, но теперь ему казалось, что Хёнтхэ движется в каком-то другом мире, ничем не связанном с его реальной жизнью, и сам он, Донхо, тоже находится в каком-то другом, нереальном времени. Один из солдат подобрал во дворе картошину и шустро сунул ее себе в карман. Вот это уже было ближе к реальности.

Но затем произошло нечто, что заставило насторожиться весь отряд. Юнгу, который с рацией на плечах караулил на улице, обнаружил ботинок в куче пепла возле туалета

одного из домов. Подошва была стерта до дыр, а передняя часть разорвана. С первого же взгляда можно было определить, что принадлежал он не местному жителю.

Только теперь они заметили, что в некоторых сараях разбросаны куриные перья, свиная и собачья шерсть. Все косточки валялись во дворе самого большого из деревенских домов. Было очевидно, что здесь собралось и поело немалое количество людей. К тому же чувствовалось: беспорядок устроили вовсе не местные жители, а чужаки. Судя по тому, что кости, кишевшие падальными мухами, еще не успели почернеть, люди эти побывали здесь не так уж и давно.

Все пятеро солдат сразу же принялись с осторожностью озиаться по сторонам. Впереди виднелись высокие и низкие холмы, меж которых на продолговатых равнинах раскинулись поля кукурузы и сладкого картофеля, сзади же возвышались горы с белыми скалами на вершинах, с которых бойцы спустились незадолго до этого. Все пространство перед ними по-прежнему было залито лучами летнего полуденного солнца, но они вдруг по-новому стали ощущать окружавшую их безмолвную тишину. От мысли, что, возможно, из какого-то укромного места кто-то следит за ними, на душе делалось жутко. На Донхо опять навалилось чувство, будто он находится внутри ужасно толстого стекла. Если стекло это хоть с одного из углов даст маленькую трещину, оно вмиг разобьется вдребезги, не дав и опомниться. И тогда тысячи острых осколков вонзятся в него. По телу Донхо пробежали мурашки, его передернуло.

Казалось, только какие-то новые действия могли избавить их от этого невыносимо угнетающего чувства, поэтому они продолжили обыск. Увиденное в шестом по счету доме насторожило их еще больше. Когда Хэнтхэ в очередной раз прижался к стене, резко открыл дверь и выкрикнул: «Ни с места!», в комнате почувствовалось чье-то присутствие.

Глаза Хэнтхэ загорелись, кивком головы он подал знак другим солдатам и крикнул решительным голосом:

— Поднимай руки и выходи!

Те солдаты, что стояли на карауле на улице, также наставили дула в темную дыру за раскрытой дверью и стали подходить с обеих сторон.

— Быстрей, я сказал!

Прошло некоторое время, и из темного проема высунулось и опять исчезло побледневшее от страха женское лицо.

— Эй, ты! Выходи живо!

Голос Хёнтхэ стал суровее.

Опять прошло несколько минут, и через порог босыми ногами переступила женщина. Лицо ее выглядело испуганным, губы мелко дрожали. На вид ей было чуть больше тридцати.

— Пускай все выходят, и поживей!

Женщина покачала острым подбородком из стороны в сторону.

Хёнтхэ быстро оглядел комнату. В темноте на полу, ближе к печке, неподвижно лежал накрытый грязным одеяльцем ребенок. Казалось, он спал.

— Те солдаты, что были здесь, — китаезы? Или северокорейские сволочи?

— Корейцы...

— Когда они пришли и когда ушли?

— Пришли вчера ночью... А ушли сегодня на рассвете, еще затемно.

— Куда?

Дрожащим подбородком женщина указала вперед.

— Сколько их было?

Немного подумав, она ответила:

— Человек пятьдесят... сто...

Вряд ли жительница такой глухой деревушки могла хотя бы примерно определить количество приходивших сюда людей.

— Где остальные жители?

— Молодых мужиков забрали с собой... А оставшимся сказали, что здесь теперь опасно, вот все и ушли...

— А ты почему с ними не пошла?

Голос Хёнтхэ немного смягчился, но взгляд его продолжал впиваться в глаза женщины.

Она заморгала и, избегая его взгляда, кивнула в сторону комнаты. Малыш лежал все так же, не шелохнувшись и выставив из-под одеяльца худенькие ручки. И рот его, и нос, и края глаз были облеплены черными мухами.

— Куда с таким маленьким пойдешь... Боялась, что по дороге помрет... — сказала она совсем притихшим голосом.

Обыскав два оставшихся пустых дома, они набрали во фляжки воду из колодца посередине селения и поднялись обратно в гору. Засветло впятером показываться на вершине горы было опасно, поэтому они прошли через лес в средней части горы и, не доходя до вершины, остановились на привал под тенью большого валуна.

Сначала нужно было доложить в штаб. Переговоры по перемирию длились вот уже два года, и по обе стороны от линии фронта проводились лишь разведывательные походы, крупных же сражений как таковых не было. При нынешних обстоятельствах информация о том, что вражеский отряд обратил в бегство целое селение, не должна была остаться без внимания, даже если это и было ложным маневром.

Хёнтхэ приказал Юнгу связаться со штабом. Тот поднял трубку рации, нажал на кнопку и проговорил:

— *Жаба... Жаба... Жаба...*

Для связи со штабом слова кодировались и произносились с определенным интервалом.

Когда он поднял палец с кнопки, ему ответили:

— *Головастик... Головастик...*

Юнгу посмотрел на Хёнтхэ. Штаб вышел на связь, и можно было передавать отчет.

— *Шесть километров к северо-востоку.*

Юнгу закодировал фразу:

— *Кальмары-минтай, шесть штук.*

— *Обнаружено восемь хижин.*

— *Четыре пары соломенных лаптей.*

Затем Хёнтхэ сообщил о том, что были обнаружены следы противника: сегодня утром на рассвете два-три северо-корейских взвода прошли через эту местность и ушли на запад; потом добавил:

— *Никого из жителей не осталось, все бежали.*

Юнгу, заслонявший ладонью трубку, чтобы не было звуковых помех, услышал последнюю фразу и вопросительно посмотрел на Хёнтхэ. Он хотел напомнить о той женщине.

Словно не замечая его взгляда, Хёнтхэ спокойно повторил:

— Ни одного жителя не осталось, все бежали.

Юнгу передал сказанное:

— *Все соломинки улетели далеко-далеко.*

Из штаба пришло указание: до ночи оставаться на месте и следить за возможными действиями со стороны противника.

Хёнтхэ приказал двум солдатам стоять на карауле с обеих сторон от склона, а сам достал сигарету и закурил. Он несколько раз затянулся и вдруг ни с того ни с сего спросил у сидящего рядом Донхо:

— Слушай, Поэт, а вот как бы ты описал сегодняшнее?

Доставая сухари из походного мешка, Донхо даже не взглянул на Хёнтхэ, хотя ему и было любопытно, о чем тот хочет поболтать на сей раз.

— Эй, Поэт, сейчас как раз самое время выкурить по сигаретке. Знаешь, покурить в такой горной глуши на чистом воздухе — это особое удовольствие. В голове все так и кружится.

Донхо получил прозвище Поэт, когда они однажды проходили вдоль крутого обрыва. Кто-то, посмотрев вниз, говорил, что у него подкашиваются ноги, кто-то — что потемнело в глазах, а Донхо лишь сказал: «Эх, холодно». С тех пор его и стали называть Поэтом.

Хёнтхэ опять заговорил с Донхо, который сидел и жевал сухари.

— Знаешь, Поэт, на душе сегодня жутко было. Вот мы шли к пустому селу, а почему-то казалось, что впереди что-то сдерживает и душит. Когда я посмотрел на тебя, у тебя тоже было такое серьезное лицо, будто ты чему-то всеми силами сопротивляешься. Вот не вру, препротивное было чувство.

«Неужели даже Хёнтхэ, который в боевой готовности всегда действует так хладнокровно и отважно, в том тихом, прозрачном пространстве ощущал какое-то особое давление?» Донхо хотелось поделиться своими ощущениями: как в тот момент ему чудилось, будто он пробирается сквозь

бесконечно толстое стекло. И что он подумал о том, что лучше, когда враг перед твоими глазами. Но потом, представив, что бы случилось, если бы противник действительно ждал их впереди и завязалась бы перестрелка, решил промолчать. Говорить с Хёнтхэ о боях и перестрелках он не смел. Ведь он столько раз так нелепо позорился перед ним.

Однажды на передовой позиции у перевала Чупхарен они попали под обстрел. Местность была ровной, укрыться негде. Все, что они могли делать, — лишь лежать, прижавшись к земле. Донхо, распластавшийся рядом с Хёнтхэ, машинально пытался зарыться головой ему под бок. Вдруг Хёнтхэ вскочил. Донхо машинально приподнял голову и увидел, как Хёнтхэ, низко пригнувшись к земле, побежал к яме, образовавшейся на месте только что разорвавшегося снаряда. Донхо решил побежать вслед за ним. Он знал, что по «закону рассеивания», как бы ни целились снарядом в одну и ту же точку, почти невозможно попасть дважды в одно и то же место. Донхо увидел, как другие солдаты один за другим побежали к Хёнтхэ. Среди них был и Юнгу. Но тело Донхо не слушалось, он не мог двинуться с места. Сквозь пыль и дым было видно, как Хёнтхэ, натянув каску до глаз, машет ему рукой и зовет к себе. Но Донхо не мог и пошевелинуться, тело сделалось словно ватыным. И ведь не скажешь, что причина в том, что Донхо был сержантом второго класса, а Хёнтхэ — первого, да еще с большим боевым опытом. Ведь каким шустрым оказался Юнгу, хотя тоже был сержантом второго класса. В конце концов Хёнтхэ пришлось подбежать к Донхо, схватить под мышки и потащить в яму. Оглушенный взрывом, Донхо волочился за Хёнтхэ в полубессознательном состоянии, но в голове его ясно пронеслась нелепая мысль: «Что же теперь будет? Все станут считать Хёнтхэ бесстрашным героем, а меня — безнадежно трусливым ничтожеством». Небывало долгий обстрел унес жизни многих. Донхо узнал, что солдат, лежавших на том месте, где вначале находился он, разорвало снарядом. Когда обстрел закончился, Хёнтхэ, с медным загаром на лице, весь замазанный грязью, улыбаясь белыми зубами, шутливо сказал Донхо: «Ты, па-

рень, вроде кости да кожа, а тяжелый, как мешок говна. Нужно иногда выпускать из себя пар, тогда станешь полегче и тело будет лучше слушаться». Временами, когда их дислоцировали на вторую линию фронта, Хёнтхэ и Юнгу ходили к проституткам, но Донхо никогда к ним не присоединялся. Над этим и шутил Хёнтхэ. После очередного похода в «дом утешений» он часто задирает Донхо: «Эй, Поэт, да не смотри ты на меня таким недовольным взглядом, будто тебя тошнит от вида какого-то грязного существа. Знай же, наоборот, я сейчас чище, чем кто-либо на свете, и на душе у меня легко, потому что сейчас я не испытываю ни любви, ни ненависти, я начисто освобожден от всех этих жалких человеческих чувств. Тебе не понять этого умиротворяющего спокойствия, когда можешь оставаться безразличным, какая бы красавица рядом с тобой ни сидела». Пьяный, он бормотал это и валился спать. Донхо никогда ничего ему не отвечал и только ждал, когда он заснет. Но в тот день после обстрела злобно огрызнулся: «Мне повезло, что сегодня ты не был освобожден от жалких человеческих чувств, а то бы ты ведь и не подумал перетащить меня в ту яму, а?» Хёнтхэ ему ответил: «Да, и оно того не стоило, за эту безрассудную отвагу я мог бы поплатиться головой». Донхо со злостью продолжил: «Зато теперь тебя все называют бесстрашным героем». Хёнтхэ улыбнулся, оскалив белые зубы: «Да ладно тебе. Еще недавно весь дрожал, не мог и пошевелиться, а теперь, вишь, разболтался. Если честно, я перетащил тебя не потому, что ты мой друг или боевой товарищ, а просто, может быть, как ты и говоришь, из приступа геройства. Кровь в голову стукнула».

Еще один похожий случай произошел в бою у реки Кымсонган. Всё смешалось: и свои, и чужие. Вдобавок ко всему свои же самолеты по ошибке стали их обстреливать. От неожиданности Донхо растерялся и не знал, куда спрятаться, а Хёнтхэ потащил его в укрытие под крону большого дерева. Он прижал Донхо к стволу и обнял сзади. Вместе с приближающимся ревом самолетов пули рикошетом пробивали землю с обеих сторон, втыкались

в ствол. Донхо казалось, что попадающие в дерево пули вбиваются ему в грудь. Со всех сторон раздавались отчаянные крики боли. Каждый раз, когда от охватывающего все тело страха он валился с ног, Хёнтхэ крепко прижимал его сзади к дереву. Когда же отстрелявшиеся самолеты пролетали и, блеснув в солнечных лучах серебристыми крыльями, разворачивались, бойцы передвигались так, чтобы снова находиться под защитой деревьев. Хёнтхэ еще успевал преспокойно давать Донхо указания. Он кричал, что руки нужно опустить, потому что обнимать дерево опасно. Донхо же испытывал неловкость, словно что-то его сдавливало. Так же тяжело приходилось в детстве, когда он играл на улице, а какой-нибудь сильный мальчик, закрыв ему глаза, крепко обхватывал сзади, и как он ни пытался вырваться из его рук, не мог этого сделать. Но в тот день, хотя Донхо и сделалось не по себе оттого, что Хёнтхэ прижимает его к дереву, он почувствовал, что их связывают какие-то особые дружеские узы, не признать которые было невозможно.

— А вы знаете, насколько должен человек обгореть, чтобы умереть? — спросил Донхо, запивая прилипшие к нёбу сухари водой из фляжки. Он спросил это не у кого-то в отдельности, а так, обращаясь ко всем.

Юнгу, накручивавший бумажку на поделенную надвое сигарету, ответил:

— Наверное, если сгорит больше трети.

— А сколько должно воткнуться осколков, чтобы убить человека?

— Вот этого не знаю.

Юнгу прикурил от сигареты Хёнтхэ и продолжил:

— Стекло — дело страшное. Если оно втыкается в кожу, то проникает все глубже и глубже. В детстве я как-то наступил на стеклянную ловушку для мух. Ох было больно, в сто раз больнее, чем ножом порезаться. Представляешь, даже после того, как осколки вытащили, боль не проходила, все покалывало. В ту ночь я не смог заснуть ни на минуту, а когда на следующий день пошел в больницу, оказалось, что там осталось два крохотных осколка. Знал бы ты, как они

глубоко ушли. Оказывается, всю ночь у меня покалывало и болело оттого, что они постепенно впивались в мое тело.

Донхо опять вспомнил охватившее его у подножия горы чувство, словно окружавшее его толстое-претолстое стекло вмиг разбивается и бесчисленные острые осколки вонзаются в его тело.

Тут Хёнтхэ встал и спросил:

— Ты что, хочешь теперь и о стекле стишки написать? Поэзия — это, конечно, хорошо, но сейчас самое время нам пересесть.

Солнце уже парило поменьше, но было начало июля, и сидеть под прямыми лучами было довольно жарко. Они перебрались под тень большого валуна.

— Ну вот, теперь можешь сколько угодно предаваться своим поэтическим размышлениям. Только хватит болтать о стекляшках, расскажи-ка лучше о чем-нибудь поинтереснее.

Донхо знал, что имеет в виду Хёнтхэ, прося рассказать историю поинтереснее. Он хочет, чтобы Донхо поделился с ними рассказом о своей девушке. Донхо еще ни разу не говорил товарищам о том, что у него есть любимая девушка. Хёнтхэ и Юнгу лишь догадывались об этом, видя, как он получает от кого-то письма. Получив письмо, Донхо никогда не вскрывал его прямо на месте. Он запихивал его глубоко в карман и читал только потом, уйдя подальше в какое-нибудь укромное место. Однажды Хёнтхэ захотел над ним подшутить. Это произошло в обеденное время примерно полмесяца назад, когда на линии фронта установилось относительное затишье. Хёнтхэ взял рюкзак Донхо и стал ковыряться в нем. Донхо, конечно, не мог допустить такого. Он вскочил, чтобы отобрать свой рюкзак. Хёнтхэ, сговорившись обо всем заранее с Юнгу, перекинул тому рюкзак, а сам попытался обхватить руками Донхо. Он хотел выиграть время, чтобы Юнгу смог прочитать письма Донхо вслух. Но вдруг Хёнтхэ, сдерживавший Донхо руками, резко отскочил назад: Поэт успел оставить кровавые следы зубов на тыльной стороне руки Хёнтхэ. В следующий миг Донхо словно тигр налетел на Юнгу, и тот бухнулся

спиной на землю. Он со всей силы боднул товарища головой в висок. Заговорщики, конечно, предполагали, что Донхо будет сопротивляться, но уж никак не думали, что с такой яростью. Донхо стоял и пыхтел, обхватив рюкзак обеими руками, глаза его покраснели, словно у пьяного. Чтобы разрядить обстановку, Хэнтхэ рассмеялся и сказал: «Ух ты какой! Придется теперь идти в бой и твой рюкзак вперед выставлять, для храбрости».

Хэнтхэ предложил рассказать «что-нибудь поинтереснее» просто так, к слову. Он прекрасно знал, что Донхо не станет делиться с ними рассказами о своей девушке. Ему хотелось хоть чем-то убить время.

— Ну же, Расскажи о своей чувихе, по которой ты так сохнешь. Жалко тебе, что ли? Верить или нет, но переживаю я за твою чистую любовь-то.

Донхо сделал вид, что не слышит, и устремил взгляд на сосновый бор внизу. На большом расстоянии друг от друга стояли высокие сосны, а между ними росли низенькие пушистые сосенки. Концы сосновых игл покраснели. Быть может, на них напали сосновые гусеницы.

— Стала ли она по-настоящему твоей? Вот что меня интересует. Времена, когда баб считали своими, любя их только платонической любовью, прошли. Те, кто считают женщин своими, не имея воспоминаний об их теле, глубоко ошибаются. Ну так какие же воспоминания остались у тебя о ее теле?

— Если тебе так нечего делать, лучше поспи. Хватит болтать глупости.

— Эх, ты. Да я ведь и вправду ради тебя стараюсь. Ну же, Расскажи, о какой части ее тела у тебя остались незабываемые воспоминания. О губах, ладонях, а может, и о том самом месте? И чего ты плюешься? Думаешь, все это гадости? Но ведь не зря люди говорят: в тихом омуте черти водятся. Может, ты уже изучил руками все ее тело? Вот, например, как этот наш приятель.

Юнгу, докуривающий завернутую в бумажку половинку сигареты, возмутился:

— Эй, а я тут при чем?

Ему не хотелось быть втянутым в болтовню о женщинах.

— Хочешь сказать, тебя это не касается? Ты же у нас такой щепетильный в этом вопросе, даже баб себе подбираешь с особым знанием дела. Всегда подавай тебе тех, что постарше. Чтобы больше старались понравиться. Да, ты в этом деле знаток...

Каждые три часа они сменяли друг друга и ходили караулить по обе стороны горного склона.

Когда Донхо вернулся из караула, солнце склонилось к западу и лучи его совсем ослабли, а прохладный вечерний ветерок задувал в полы военной формы. В этих центрально-восточных горных районах, где и в последний день марта навалило столько снега, что на время были прекращены все военные действия, даже летом, как только исчезали припекавшие днем солнечные лучи, сразу становилось холодно.

Теперь и Хёнтхэ молчал. Прячась от ветра, он сидел за валуном, скрестив руки на груди.

Донхо присел рядом и стал опять вспоминать свою девушку, Суги, о которой начал думать еще стоя в карауле на склоне. Два года назад, накануне его ухода в армию, на улице хлопьями валил снег, а они всю ночь провели в одной из гостиниц на пляже Хэундэ и почти не смыкали глаз. Он помнил, как в ту ночь они терлись губами так, что потом жгло вокруг рта. Сильнее же всего запомнилось, как на следующий день, когда валивший всю ночь снег прекратился, под яркими лучами солнца, лившимися из окна, он увидел, что веко на одном ее глазу из двойного сделалось тройным, и потом они смеялись этому как дети. Каждый раз, когда он думал о Суги, не ощущение всю ночь прикасавшихся друг к другу губ, не щеки, не шея и не груди, которые он ласкал, казались ему особым секретом, принадлежавшим только им двоим, а тот момент, когда они так беззаботно смеялись над ее разными глазами. В первом письме к нему на фронт Суги тоже вспоминала об этом. Она писала, что потом два дня не выходила на улицу, пока глаза ее не стали прежними. И что родным она тоже старалась не показываться. Ей казалось, что ее разные глаза — это их общий секрет, и не хотелось, чтобы кто-то из

семьи о нем узнал. Еще она писала, что ждет не дождется, когда Донхо вернется и вновь сделает ее глаза разными.

Глаза Сути с разными веками... Когда Донхо вспоминал о них, улыбка невольно появлялась на его лице.

— Чего это ты тут лыбишься сам себе? Ух, холодновато стало...

Сказав это, Юнгу встал и начал делать зарядку, вытягивая руки то вперед, то в стороны.

В горах наступил вечер. Не успел оранжевый закат потухнуть за вершиной с западной стороны, как серые тени заполнили овраги и, становясь все гуще, начали подниматься от подножия горы к вершине. Происходило это как-то неторопливо, но в то же время быстро.

На лиловом небе одна за другой зажигались звезды. Солдаты, караулившие по обе стороны склона, вернулись.

Теперь все только ждали приказа Хёнтхэ возвращаться на базу.

— Видно, печку затопила, — пробурчал один из солдат, посмотрев в сторону селения.

Вдалеке, за темными теньями сосен, более светлый на их фоне, к небу поднимался белый дым. Он шел из дымохода.

— Эх, мне бы тоже горячей рисовой каши, — пробубнил другой солдат.

— Да вряд ли, разве что кукурузную кашу варит. Видел ведь днем-то? Все у них забрали, даже картошины одной не оставили, — продолжил первый.

— Да мне бы хоть глоток горячей воды.

Первый солдат вдруг задумался и спросил:

— Слушайте, а ведь та женщина не может быть шпионкой?

Хёнтхэ встал и дал приказ Юнгу:

— Сообщай в штаб, что мы возвращаемся.

Затем он закинул винтовку за спину и медленно стал спускаться к подножию горы.

Донхо догадывался, для чего Хёнтхэ пошел туда. «Он собирается убить ту женщину. Даже если она и не шпионка, она может потом сообщить о нас врагу, поэтому ее нужно забрать с собой в штаб. Но это обременительно, и легче просто от нее избавиться. Так вот почему он днем велел сообщить в штаб, что не осталось ни одного жителя».

Донхо уставился в темноту, в которой исчез Хёнтхэ, и ждал, что вот-вот раздастся звук выстрела.

— Чего ты смотришь с таким серьезным лицом? Да не думай ты об этом, лучше давай, собирайся, — подойдя к нему, сказал Юнгу.

Выстрела так и не последовало. Прошло довольно много времени, прежде чем Хёнтхэ поднялся к ним, вытирая чем-то руки. Что же произошло?

— Всё, трогаемся!

Хёнтхэ вопросительно глянул на Донхо:

— Ты чего это как истукан?

Донхо, продолжавший смотреть в сторону селения, ничего ему не ответил.

На следующий день Хёнтхэ опять почувствовал на себе странный взгляд Донхо и спросил:

— Чего ты опять на меня так уставился? У тебя такой взгляд, будто видишь какую-то грязную вещь.

— Что ты вчера сделал с той женщиной?

— Эх, да ты все об этом? Ну ладно, раз уж тебе так интересно, расскажу. Когда я спустился, она уже не испугалась так, как днем. И вроде даже не сопротивлялась. А когда я встал и собрался уходить, вдруг схватила меня за руку. Я знал, чего она хочет. Ей было страшно, и она хотела, чтобы я с ней остался. Но разве я мог там остаться? Пришлось избавиться от нее. Вот и все.

II

Это случилось через несколько дней, ровно за две недели до заключения Соглашения о перемирии¹, тринадцатого июля 1953 года в десять часов ночи. На протяжении тридца-

¹ 27 июля 1953 г. силы ООН, представленные армией США, Корейская народная армия и армия Китайских народных добровольцев подписали Соглашение о перемирии, которое положило конец трехлетней Корейской войне.

ти миль по центрально-восточной линии фронта неприятель собрал армию в сто пятьдесят тысяч человек и перешел в генеральное наступление. По-видимому, северяне хотели по возможности расширить свои территории к югу, а также захватить электростанцию Куманни в Хвачоне.

В то время полк Донхо занимал восточную позицию «Стрелкового горного хребта».

Сначала враг прорвал линию обороны Столичной дивизии шестого американского корпуса и продолжал наступление, а когда эта дивизия отступила и поменялась позицией с третьим корпусом, враг направил свои основные силы на второй корпус южнокорейских войск и вышел на восток, пытаясь окружить шестой и восьмой корпуса центрально-восточного фронта.

Четырнадцатого числа полк Донхо был вынужден отступить на южный берег реки Кымсонган.

В тот день с утра довольно сильный юго-восточный ветер высоко в небе гонял белые летние облака, но от порохового дыма, возникшего из-за невиданного доселе отчаянного вражеского обстрела, небо опускалось все ниже и ниже. Тут, неожиданно пробравшись сквозь облака и пороховой дым, прилетели ООНовские бомбардировщики и закидали передний край неприятеля бомбами. Взрывы сотрясали землю и оглушали людей. На поле боя непрерывно завывал сильный ветер, несущий песчаную пыль и пороховой дым. И среди всего этого противник продолжал упорно бросать в атаку людские резервы.

Юнгу с тревогой на темном от пороха лице сказал:

— Вчера мне приснился плохой сон.

Ему приснилось, что живот его вздулся, и он пошел к врачу, а тот сказал ему, что он вот-вот должен разродиться.

— Чую я, сегодня мне не повезет.

Хёнтхэ поговорил с командиром взвода, и Юнгу освободили от участия в сражении. Если солдату накануне снился дурной сон, ему разрешалось в этот день не выходить на поле боя. Почему-то те, кому снился такой сон, обычно часто погибали именно в этот день. Почти никто никогда не обманывал по поводу снов только для того, чтобы

избежать участия в бою. Ведь на войне, даже если ты не находишься на поле боя, это вовсе не гарантирует тебе спасение от гибели. Наоборот, существовало поверье, что с теми, кто обманывает насчет сна, случается беда. Это говорит о том, насколько на войне все становились наивно-искренними.

После обеда облака еще сильнее заволокли небо. С наступлением ночи беззвездное небо стало чернильно-черным. На нем без конца загорались осветительные и сигнальные ракеты, но с той позиции, которую занимала часть, их было не разглядеть из-за порохового дыма. Наконец в отдельных местах разгорелись рукопашные схватки не на жизнь, а на смерть.

Ринулся в бой и полк Донхо.

— В таком деле ни пистолеты, ни гранаты ни к чему, — пробурчал в темноте Хёнтхэ, доставая кинжал.

Хёнтхэ и Донхо смешались с другими солдатами и потеряли друг друга из вида.

Отдалившись от Хёнтхэ, Донхо поначалу не знал, что делать. Его лишь давила мысль, что нужно начать делать хоть что-то. Пока он мешкал, кто-то схватил его за голову и стал сжимать рукой шею. Донхо безотчетно вытащил кинжал. Он не знал, в кого и как вонзает оружие. Они с противником метались из стороны в сторону и только через некоторое время, когда никто уже не сжимал его, Донхо понял, что противник мертв. Он не знал, откуда у него появилась такая мощь. Казалось, минутой ранее, когда он отчаянно боролся, закрыв глаза, им двигало не его сознание, а какая-то другая сила. Теперь сам Донхо, лишь проверяя в темноте на ощупь, коротко ли острижена у человека голова, наваливался, резал, пинал, хватал и валил на землю каждого, кто попадался под руку.

Только на рассвете противник на время отступил.

Со всех сторон доносились крики и стоны раненых солдат, которых во время жаркого боя никто не слышал. Кто-то ругался благим матом, вопил, чтобы его скорее добили и прекратили страдания. Кто-то звал мать и бормотал мо-

литвы. А один солдат лишь тихонько плакал, судорожно всхлипывая. Все вокруг свидетельствовало о приближающейся очередной жестокой битве. Только на этот раз враг атаковал так внезапно и в таком большом количестве, что не осталось времени выносить раненых с поля боя.

Когда Донхо увидел Хёнтхэ, обе руки того были сильно поранены.

— Похоже, ты потерял много крови.

— Да ладно, пройдет. А ты смотри какой! Вроде даже и не поранился. Теперь уже научился драться по-настоящему? Хотя кто же с рождения этому обучен? Жизнь любого заставит.

Тут к ним подошел Юнгу. Завидев его, Хёнтхэ попросил:

— Дай закурить. Мои теперь не покуришь.

Сигареты, которые он достал из кармана, намокли от крови.

— Какие тебе сигареты, иди лучше сначала перевяжи раны.

— Нет уж, сначала покурю.

Юнгу достал из кармана и дал Хёнтхэ половинку сигареты. Он всегда ломал сигареты «Хваран» из солдатского пайка на две части и курил по половинке. Даже когда у всех курево заканчивалось, у него еще оставалось.

Хёнтхэ прикурил, глубоко затянулся и, медленно выпуская дым, шутливо сказал:

— А раны у меня, видно, не глубокие. Дым из них не выходит.

Затем, оскалив белые зубы на медно-загоревшем лице, добавил:

— Да, битва была что надо. Одного прикончишь — другой наваливается, потом следующий, следующий...

С низко свисающего неба начал накрапывать дождь, все сильнее; хлынул ливень. Юго-восточный ветер задул крепче, чем в предыдущий день. Дождь хлестал резкими струями, густой туман застелил все вокруг. Перед глазами стало мутно, и линию фронта было почти не разглядеть.

Воспользовавшись непогодой, противник опять пошел в атаку. ООНовские бомбардировщики «В-29», несмотря на отвратительные условия, сбросили бомбы на базу снабже-

ния северян, и вновь местами разгорелись схватки. Вскоре солдаты извалялись в крови и глине, которую смывало потоками дождя. Земля, словно в ней уже не оставалось места, чтобы впитать их в себя, спускала все ручьями вниз.

Поначалу Хёнтхэ дрался, сжимая оружие ранеными руками, но то ли оттого, что раны начали воспаляться, руки его ломило, они стали неметь, и ему пришлось уйти с переднего края.

Дождь то ослабевал, то лил с новой силой. Трудно было воевать с противником, который бросил все свои людские резервы в этот смертельный бой. К вечеру вражеские войска прорвали линию фронта в двух местах.

Ночью ветер стих, дождь поубавился. Вдруг — не со стороны противника, а с обратной стороны — раздались звуки гонга *квенгари*² и рожка *наллари*³. Полк Донхо недоумевал. Оказалось, что они попали в окружение. Система командования была парализована, войска не могли больше действовать слаженно. В поисках спасения все кинулись кто куда.

Среди всей этой суматохи Хёнтхэ с Донхо побежали в одну сторону, Юнгу — в другую.

Они бежали вдвоем, находясь под прямым огнем противника, и лишь через часа два добрались до какой-то речки. В темноте можно было разглядеть, что она не шире пяти метров. По обе ее стороны, видимо, проходила вторая линия обороны противника и чувствовалось присутствие людей.

Донхо и Хёнтхэ вошли в речку. К счастью, ее глубины хватало как раз настолько, чтобы продвигаться полуприсев и высунув над водой лишь голову. Дно было каменистым. Скорее всего, в обычное время речка была мелководной, и только после дождей в ней набиралась вода.

Течение было довольно быстрым. Хёнтхэ и Донхо на полусогнутых ногах шли вверх по реке. Судя по рельефу местности, она текла от перевала Чупхарен на север. Хён-

² Квенгари — корейский ударный инструмент, латунная тарелочка.

³ Наллари — корейский духовой инструмент в виде горна.

тхэ прошептал на ухо Донхо: «Зато теперь не придется тратить силы на то, чтобы отстирывать кровь».

Идти, высунув из воды лишь голову, когда с обеих сторон противник, — нелегкое дело. К тому же Хёнтхэ не мог двигать ранеными руками. перевязка намокла от дождя, руки отекали и болели так, что он не в силах был и шевельнуть ими. Из-за этого ему приходилось еще труднее.

Не пройдя и четырехсот метров, Хёнтхэ почувствовал, как затекли ноги. Он стал отставать.

Донхо решил подталкивать его сзади, что тоже оказалось непросто. Тогда Донхо последовал совету Хёнтхэ и принялся тянуть его за ремень.

Так они стали продвигаться намного быстрее.

С темного неба снова полил дождь.

Но тут случилось нечто нелепое. Хёнтхэ и сам не заметил, как у него в паху под ремнем, который рукой тянул Донхо, становилось все тверже и тверже. Возможно, произошло это от прикосновения чужой руки к нижней части тела. Это была чисто физиологическая реакция, не зависящая от него самого. Он был раненым, уставшим, на волоске от смерти брел ночью под дождем. И хотя была середина июля, вода была довольно холодной. Однако эта часть его тела сама по себе наполнилась жизненной энергией — и глупо, и странно! Заметив эту реакцию, Донхо отдернул руку. Хёнтхэ шутливо прошептал: «Лучше возьми за него руками и тяни, так даже будет удобнее».

Лишь пройдя с трудом вверх по реке километра два, они смогли выбраться из вражеского окружения.

Поднявшись на берег, Хёнтхэ стал хвалиться:

— Пока моя штука здравствует, мне нечего беспокоиться о смерти.

Он стоял и мочился, выпуская из себя сильную струю.

III

К тому времени, как Хёнтхэ выписался после трехнедельного лечения в лазарете при электростанции Куманни

в Хвачоне, его полк расположился в местечке под названием Сотхогоми. Это было село километрах в восьми к северу от города Хвачон и двенадцати к югу от перевала Чупхарён, по которому проходила временная линия перемирия.

Хёнтхэ соскочил с военного грузовика и осмотрелся вокруг.

До войны село относилось к территории Севера, и когда в прошлом году полк Хёнтхэ отвоевал его, хижины у подножия горы были сожжены дотла. Теперь же, несмотря на то что не прошло еще и десяти дней со дня заключения перемирия, здесь уже успели понастроить дощатые хибары, а в двух-трех местах возводились новые дома.

Полк расположился по правую сторону от трассы. Держа рюкзак одной рукой, Хёнтхэ прошагал по раскаленной солнцем глиняной дороге и зашел на территорию воинской части.

— Хёнтхэ, ты ли это? — слышалось откуда-то совсем издалика.

Он обернулся и увидел вдалеке среди солдат, чинивших бараки, машущего ему рукой знакомого. Это был Донхо.

Хёнтхэ громко крикнул ему в ответ:

— Ну как, много стихов успел написать?

Хёнтхэ сходил в штаб-квартиру полка доложить о прибытии, а затем вернулся к приятелю.

Пожав ему руку, Донхо спросил:

— Теперь тебя можно потрясти за руку?

— Скажешь тоже!

Хёнтхэ стиснул руку Донхо с такой силой, что тому даже стало больно.

— Вот и отлично. А я-то переживал, что останешься безруким. Говорят, поначалу ты даже не мог сам есть и медсестра кормила тебя с ложечки? Это мне один парень, который вернулся из лазарета до тебя, рассказывал. Я бы многое отдал, чтобы хоть разок увидеть это зрелище.

— Да уж, и не говори. Раны загноились, пришлось помучиться. Кстати, а что с Юнгу?

— Что, что... Здесь он сейчас.

— Правда? А я боялся, что в ту ночь ему крышка.

— Он попал в плен, потом бежал.

— Ну, с толком провел время, ничего не скажешь. А где он сейчас?

— Сегодня утром ему нужно было поговорить кое с кем насчет радиосвязи, по-моему, он уехал в Хвачон. Сейчас уже четыре, значит, скоро вернется.

Парни, знавшие Хёнтхэ, подходили и радостно пожимали ему руки.

На базе появилось много незнакомых лиц. Это были солдаты из подкрепления. Хёнтхэ пришлось еще раз убедиться в том, что в сражении перед заключением перемирия погибло много его товарищей. Пока он по одному перечислял тех, кого не осталось в живых, на лица собравшихся однополчан ложилась тень. Но следовало признать, что обратная сторона этой тени освещалась лучом радости — сами-то они до сих пор пребывают в этом мире! И кто бы мог осудить их за это? Единственное, что им нужно было делать, так это не проявлять своего чувства открыто.

Уехавший в Хвачон Юнгу возвратился прямо к ужину.

Когда они поели и вернулись в казарму, Хёнтхэ заговорил с Юнгу:

— Я уж думал, тебе крышка. Спрашивал про тебя у раненых солдат, которых привезли в лазарет после меня, но никто о тебе ничего не слышал. Вот я и прикупил кое-что по дороге. Дай, думаю, хотя бы поминки по тебе справим.

Он достал из рюкзака две бутылки соджу⁴ и несколько сушеных кальмаров.

— Зато теперь будем пить по поводу счастливого возвращения. Конечно, на сытый желудок пить не так уж и приятно, но давай за выпивкой послушаем, как тебе удалось бежать из плена.

Он откупорил бутылку зубами и первым налил Юнгу в крышку его армейского котелка.

Неторопливо потягивая соджу, Юнгу начал рассказ:

⁴ Соджу — традиционный корейский алкогольный напиток.

— Той ночью, чтобы выйти из окружения, я решил бежать на юг, откуда слышались выстрелы наших. Только потом я понял, что ошибся. Нужно было двигаться на восток...

Оказалось, в тот день враг повернул с запада на юг и несколькими кольцами окружил наши войска. Поэтому, еле прорвавшись сквозь одно кольцо, Юнгу снова оказывался во вражеском окружении. Так он всю ночь напролет метался под дождем, который то прекращался, то лил по новой.

Когда рассвело, Юнгу пришлось забраться в первую попавшуюся яму. Она была залита водой, и в ней уже кто-то сидел на корточках. Это был товарищ по роте, младший сержант Ким по прозвищу Баламут. У них не было сил даже перекинуться словом, они молча, согнувшись в три погибели, сидели в яме. После долгого молчания Ким пробубнил себе под нос: «Эх, пошли бы наши в контратаку до обеда». Опять прошло много времени, и Ким снова пробурчал: «Если уж попадать в плен, то лучше к китаезам». Юнгу был того же мнения. Этого нельзя объяснить, но почему-то на этой войне сами корейцы были более жестокими. Так повелось, что даже когда имелась возможность оставить пленника в живых, свои же корейцы без суда и следствия отправляли его под расстрел.

Повезло им или нет, но Юнгу с Кимом были взяты в плен китайскими солдатами. Было решено отправить их в тыл, в окрестности Кымсон.

Сначала пленных заперли в землянке, которая была вырыта у разрушенного здания и еле укрывала от дождя и ветра. На полу лежали мокрые от дождя циновки. Здесь содержалось около пятидесяти пленных. Их по одному вызывали на допрос.

Неподалеку находилась еще одна маленькая землянка, также едва защищавшая от дождя и ветра. Здесь был поставлен старый стол, за которым сидел мужик с капитанским значком северокорейской армии. Этот мужик, которому на вид было за сорок, мягким голосом спросил у Юнгу имя, возраст и ранг.

— Рядовой первого класса.

Юнгу уже заранее все придумал, поэтому, отвечая неправду, не моргнул и глазом.

— Откуда вы родом?

— Из Сеула.

— Я тоже из Сеула. Родители сейчас где?

— Умерли, еще когда я был ребенком.

— Кто же вас вырастил?

— Дядя.

— А где сейчас ваш дядя?

— Все родные погибли во время Сентябрьской бомбежки. Тут во взгляде допрашивающего мелькнуло сочувствие по поводу смерти близких, он продолжил:

— Кем работал ваш дядя?

— Агентом страховой компании.

— А вы, товарищ, чем занимались, когда началась война?

— Учился в университете.

— На каком отделении?

— На торговом.

Мужик, одобрительно кивая головой, продолжил:

— Как же ваш дядя, работая страховым агентом, мог оплачивать вашу учебу?

— Я репетиторствовал и сам зарабатывал на учебу.

— Тяжело, значит, вам было, — сказал мужик, продолжая кивать головой. — Когда вы поступили на службу?

— Этой весной.

— Как же вы умудрились до двадцати четырех лет не служить в армии?

— Находил разные уловки.

Капитан постучал тупым концом карандаша по столу и спросил:

— А почему, когда началась война, вы не пошли в народные добровольцы?

К этому вопросу Юнгу не был готов. Не мог же он признаться, что в то время прятался под полом в доме, где репетиторствовал. Пока он стоял в нерешительности, мужик с улыбкой на лице спросил:

— Может, желаете хотя бы сейчас записаться в добровольцы?

Юнгу опять не знал, что ответить. Капитан продолжал:
— Можете сразу не отвечать. Мы дадим вам время, подумайте хорошенько.

Затем он сменил тему:

— Кого из пленных офицеров, что находятся здесь, вы знаете?

— Никого.

Юнгу знал, почему мужик спрашивает об офицерах. Ему нужно было выяснить, кто является офицером, чтобы выпытать из них хоть какие-нибудь важные сведения. Время было военное, поэтому до взятия в плен все отрывали свои значки, разрывали на клочки удостоверения и карточки для переключки, и невозможно было различить, кто был офицером, кто рядовым, а из рядовых — кто бывалый, а кто нет. Юнгу ответил, что не знает среди пленных ни одного офицера, не для того, чтобы кого-то защитить. Просто он на самом деле никого не знал.

Тут лицо допрашивающего приобрело строгое выражение, и он сказал:

— Вы лжете! Неужели вы не знаете ни одного офицера?

— Нет, не знаю.

Мужик повысил голос:

— Так ты стал настоящим приспешником капитализма. Во-первых, ты, товарищ, сказал, что учишься на торговом отделении, а простой арифметики не знаешь: этой весной и два-три года назад — разные вещи. Ты сказал, что пошел в армию этой весной, а я уверен, что служишь как минимум года два. Твой взгляд говорит мне об этом. Он только кажется спокойным, а на самом деле глаза у тебя постоянно бегают, я сразу это заметил. Когда началась война, ты, товарищ, как пить дать отсиживался где-то и мечтал о смене власти.

После допроса пленные сидели и ели ячменные кашки, розданные на каждого по одному. Тут зашел северокорейский солдат и назвал чье-то имя. Рты, жующие рассыпчатые крупинки ячменя, разом замерли, воцарилась тишина. Опять было названо имя. И только тогда поднялся человек, которого оклинули. Это был парень невысокого

роста. Когда он пошел за северокорейским солдатом, его шейные сухожилия резко передернулись, словно он разом проглотил ком ячменной каши.

К полудню дождь прекратился, мутное небо посветлело, а ближе к вечеру погода и вовсе прояснилась. Хотелось снять с себя липкую одежду и просушить ее на солнце. Закат пылал восхитительными красками — ему не было никакого дела до пленных в землянке. Когда же он потух и на улице стемнело, пленные вышли из землянки, выстроились в ряд и отправились в путь. Парень, которого увели, так и не вернулся.

На пять-шесть пленных было приставлено по одному конвоиру с автоматом. Им было неизвестно, куда их ведут. Лишь ориентируясь по звездам, они догадывались, что двигаются на север.

Так они прошли километра четыре. Когда колонна вошла в узкое ущелье, идущие впереди неожиданно остановились, а за ними и остальные. Подумали было, что решено передохнуть. Однако команды садиться не давали, только приказали выставить все свои пожитки. То тут, то там слышалось: «Ах ты сволочь! Думал, сюда запрячешь, и никто не узнает?» У Юнгу тоже отобрали наручные часы, которые он спрятал за пояс, завернув в складки формы.

Колонна двинулась дальше. В темноте Юнгу считал количество перевалов: миновали четвертый. На извилистой тропе пятого перевала пленным дали передохнуть. Конвоиры всех усадили и, прикрывая ладонями огонек, прикурили.

Вскоре они пошли дальше. Вот и очередной перевал. Вдруг послышался рев ООНовских бомбардировщиков, и начался обстрел. По всей видимости, целью был какой-то объект прямо на соседней горе. Незаметно облака опять заволокли все небо, скрывая звезды. И только самолеты, словно падающие кометы, прилетали один за другим, отстреливались и улетали.

Конвоиры спереди и сзади не переставали кричать, чтобы все не двигались и сидели на месте. В этот момент несколько пленных побежали вниз по косогору. Позади них слышалось «тра-та-та-та-та» из автоматов, и два-три

конвоира погнались за беглецами. Вскоре после того, как бомбардировщики улетели, по ту сторону, в темноте у подножия притихшего косогора, опять несколько раз с промежутком раздались очереди — «тра-та-та-та-та». Затем оттуда донеслось: «Троих поймали». Один конвоир, посчитав оставшихся пленных, крикнул в сторону подножия горы: «Одного не хватает». Внизу еще долго разыскивали беглеца, но потом, видимо, так и не найдя его, поднялись обратно. Никого из троих пойманных пленным конвоиры не привели, принесли с собой лишь их сапоги. Конвоир, ведущий пленных, в числе которых был Юнгу, тоже пришел с парой сапог. Он стряхнул с них грязь, перевязал между собой шнурки и перекинул сапоги себе через плечо.

На рассвете следующего дня они добрались до выступа какой-то горы. У подножия кое-где зияли пещеры, входы в которые были прикрыты ветками.

Когда колонна пленным приблизилась к ним, из одной пещеры вышло несколько солдат. По-видимому, здесь конвоиров должны были сменить. Они провели переключку, отметили имена троих вчерашних беглецов, которых расстреляли, и одного пропавшего без вести, а затем передали документы тамошним солдатам. Конвоиры, несшие на плечах сапоги, сняли свои ботинки и переобулись.

Пленным дали съесть по одному ячменному катышку, поделили их на две группы и загнали в пещеры. Им было разрешено немного поспать.

Уставшие, они штабелями легли на травяной настил. Все вскоре заснуло. Юнгу лег рядом с младшим сержантом Кимом и, увидев, что тот еще не спит, тихо спросил у него: «А кто тот парень, которого вчера вызвали?» Ким, не открывая глаз, ответил: «Это новый командир какого-то взвода, прибывший с пополнением». В отличие от Юнгу, Ким, начавший служить еще в пограничном отряде, знал в лицо почти всех военных из других частей, которые по рангу были выше старшего сержанта. «Кто же его заложил?» — спросил Юнгу. Тут в голове его пронеслась мысль, что это мог сделать и сам Ким. Его прошлое, за которое его прозвали Баламутом, вполне это объясняло. Прошлым

летом его вот-вот должны были повысить до звания старшего сержанта второго класса, но он вдруг дезертировал и вернулся только дней через двадцать. Говорили, что он ездил к себе в деревню помочь родным с полевыми работами, но это маловероятно, ведь он был известным бездельником, который подался в пограничный отряд лишь для того, чтобы избежать тяжелого труда на полях. По правилам его следовало отправить под арест и понизить в ранге, но, учитывая его долгую службу в пограничных войсках, ему лишь отложили повышение. А прошлой зимой он совершил еще одно нарушение — украл продукты из подвоза, когда полк менялся позициями с тыловыми частями. Ходили слухи, что на выкраденные вещи он купил себе проститутку. За это его посадили на гауптвахту и разжаловали на два ранга. После всего случившегося Ким и краем уха не прислушивался к командам простых сержантов и разговаривал с ними на равных. Все это давало повод подозревать, что ему вполне могло стукнуть в голову заложить вчера на допросе того командира взвода. Ким, продолжая лежать с закрытыми глазами, безучастным голосом проговорил: «Скорее всего, какой-нибудь глупый новичок из своего же взвода заложил. Наверняка решил, что, если заложит, судьба его изменится, а сейчас жалеет. Думаю, его отправили вместе с нами». Услышав это, Юнгу спросил себя: а может ли он с уверенностью сказать, что вчера на допросе не заложил бы того командира, зная бы он его? Если бы ему сделали какое-нибудь выгодное предложение... Ему стало даже как-то стыдно за то, что он подозревал Кима. Вдобавок ко всему Ким открыл глаза, повернулся к Юнгу и шепотом добавил: «Сейчас не время обсуждать такие вещи, нам нужно подумать о себе. Эта ночь очень важная. Если не сбежим сегодня, нас заведут слишком далеко на север, тогда уж точно ничего не получится. Видел, вчера что было? Трое умерло, а один остался в живых. Тех троих поймали, потому что они поторопились далеко убежать. Сначала нужно отбежать на пять кхан⁵, не

⁵ Кхан — корейская мера длины, равная 1,82 м.

дальше, и только потом бежать, когда эти придурки уйдут. А сейчас стоит поспать, чтобы быть готовыми к сегодняшней ночи». Ким повернулся к Юнгу спиной.

— И тогда я решил, что буду действовать вместе с ним, — продолжил рассказ Юнгу.

Когда стемнело, пленные съели по одному катышку и тронулись в путь. Юнгу шел позади Кима, их разделяло человека три. Они шагали почти в конце колонны.

Начался сезон дождей, так что и этой ночью небо заволокло низкими тучами.

Юнгу шел и рассчитывал расстояние в пять кхан. Пять кхан, пять умножить на шесть — тридцать, выходит тридцать ча⁶. До того как отправиться в путь, он тайком измерил длину одного шага. Выходило чуть больше одного ча. Значит, пять кхан — это не больше двадцати шагов.

Ночью им дали передохнуть только тогда, когда они миновали шестой перевал.

Юнгу даже в темноте знал, что справа возвышаются горы, а слева идет крутой косогор. «Место что надо!» — мелькнуло у него в голове. В темноте он высматривал Кима, от которого его отделяло несколько человек.

Конвоир, стоявший рядом с Юнгу, пошел за огоньком к товарищу впереди. Там кто-то из пленных предлагал своему конвоиру: «Давайте я дам вам свои сапоги вместо ваших ботинок, а вы дадите мне одну сигарету». Тот ответил: «Посмотрим, доживут ли твои сапоги до завтрашнего утра», — и разразился смехом.

Юнгу увидел, как младший сержант Ким на месте свернулся клубком и скатился по косогору, и тоже, крепко прижав руками колени к груди, покатился. Сначала конвоиры подумали, что кто-то спустил с горы вниз большие камни, чтобы напугать их, и прокричали: «Эй, не баловать!» Только потом до них дошло, в чем дело. Низко опустившееся небо и безмолвный воздух ущелья разрезала громкая автоматная очередь.

⁶ Ча — корейская мера длины, равная 30,3 см.

Юнгу откатился шагов на двадцать и слушал эти выстрелы, схватившись за тонкий ствол дерева. Он чувствовал, что Ким лежит в нескольких шагах слева от него. Вдруг Ким стал скатываться вниз. Видимо, ветка, за которую он держался, не выдержала его веса. За ним, прочесывая заросли ногами, спустились вниз двое конвоиров.

Вскоре внизу прозвенела по ущелью автоматная очередь — «тра-та-та-та-та», и послышалось: «Одного поймали». Через некоторое время сверху прокричали: «Еще одного не хватает». Было слышно, как внизу с младшего сержанта Кима снимают сапоги и ворчат: «Вот сволочь, еще умудрился на ногу часы нацепить».

Конвоиры прочесали то место, где поймали Кима, и стали шарить в местах подальше, но в конце концов плюнули и злые вернулись на вершину горы.

Юнгу убедился, что колонна двинулась дальше, и спустился по косогору вниз. Он стоял и высматривал, в какую сторону ему лучше бежать, как вдруг поблизости в траве кто-то его позвал. Это был голос Кима, которого он считал убитым. Оказывается, ему попали в пах и он упал, но терпел до сих пор, делая вид, что умер. Совсем не так, как подобало бы выражаться умирающему человеку, он проговорил: «Эх, все равно что кончаешь игру, когда хорошая карта идет. Ну, ничего не поделаешь». Голос его был спокоен. Он сказал, что напоследок у него есть просьба: «Прошу тебя, отправь это моим». Он протянул руку Юнгу. В ней была горсть земли. «Пожалуйста, обязательно отправь им это. Ничего не пиши, отправь только это от моего имени».

— Вот то, что он мне тогда дал.

Юнгу притянул к себе лежащий в углу рюкзак, достал из него пакет из-под сухарей и раскрыл его. В пакете лежала горстка красной глины, которая, видимо, за все это время подрастерялась, — теперь от нее осталось совсем немного.

— И что означает эта глина?

Один из солдат с покрасневшими от выпитого глазами сказал:

— Может, в этой глине золотой песок?

— Не говори глупости. Даже если это чистый золотой песок, что толку-то? — Сказав это, сидевший рядом сол-

дат продолжил: — Думается мне, Ким просто был не в себе перед смертью.

Донхо уставился на глину в пакете:

— Нет. Так он хотел сообщить родителям о своей смерти. Мол, «я возвращаюсь в землю».

Хёнтхэ же сказал Юнгу:

— Что за глупости... Выкинь! И чего ты до сих пор с этим носишься?

Юнгу ответил:

— Нет, все-таки нужно будет передать. Придется сдерживать обещание.

— Да, ведь это воля умершего. Давайте завтра я схожу в управление, узнаю адрес и отправлю, — предложил Донхо.

— Дело твое. Ну, выпьем за возвращение Юнгу, за упокой Кима и за наших ребят, которые погибли в прошлом бою.

Хёнтхэ снова налил сидевшим вокруг него товарищам в крышки котелков.

IV

То, что на лица оставшихся в живых ложилась тень, когда они вспоминали о погибших, и то, что они сдержанно скрывали изливающуюся из-под этой тени радость за свою собственную жизнь, было своеобразным этикетом человеколюбия. Но этикет этот был придуман людьми, оставшимися в живых, поэтому в любое время мог быть ими же нарушен. В мире мужчин выпивка зачастую становилась поводом к нарушению подобного этикета.

База Сотхогоми располагалась всего лишь километрах в двенадцати от линии фронта, поэтому до обеда в казармах и окрестностях проводились учения, а после обеда солдаты занимались починкой и уборкой барачных. Даже по воскресеньям всем приходилось оставаться на базе. Однако после того, как в середине сентября, согласно мирному соглашению, совершился обмен пленными, желающим отдохнуть по воскресеньям стали выдаваться увольнительные.

Те, кто получал разрешение на увольнение, в основном шли в кабаки, а если позволял карман — в «дома утешения».

Сразу после заключения мирного соглашения в Сотхо-гоми стали съезжаться предприимчивые дельцы, желавшие подзаработать на солдатах, и теперь в окрестностях были открыты многочисленные бары с девушками, а кроме официальных «домов утешения» появились и сутенеры, набравшие себе по несколько проституток.

Опьянев от выпитых почти без закуски соджу и макколи⁷, солдаты или затевали драку без особой на то причины, или же шатались по «домам утешения» и проституткам. Привычное дело. В алкогольном возбуждении и запахе женщин они находили радость бытия.

— Ну что, пошли? У меня еще остались деньги от моего старика, — предложил товарищам Хёнтхэ и стал собираться. Ему как-то удавалось каждое воскресенье доставать увольнительные не только для себя, но и для Донхо и Юнгу.

Деньги Хёнтхэ отправил отец, когда тот был еще в лазарете. До войны его отец вел довольно крупное дело, торгуя говяжьим салом, использовавшимся в производстве мыла; когда же началась война, он все потерял. Затем, бежав на юг, в Пусан, отец Хёнтхэ открыл новое дело и стал торговать сахаром.

Товарищи сидели в одном из кабаков и уже прилично набрались. Хёнтхэ достал деньги из кармана, поднес их к носу и, делая вид, что нюхает, сказал:

— Хоть убей, а от них сладостью пахнет. Не дело нам тратить бабки только на горькую выпивку.

Он повернулся к Юнгу и продолжил:

— Ну, пойдем отметимся?

Потом посмотрел на Донхо и сказал:

— А ты, как всегда, иди купи себе карамельки, грызи их и пиши свои сладкие стишки.

Хёнтхэ бросил несколько купюр в сто хван на стол перед Донхо и вышел вместе с Юнгу из кабака.

⁷ Макколи — корейский традиционный алкогольный напиток, вино из риса.

Юнгу никогда не противился и молча последовал за Хёнтхэ. Он не видел особых причин отказываться от маленьких удовольствий, тем более за чужой счет.

Донхо же был благодарен Хёнтхэ за то, что хоть тот и издевался над его чистоплотностью в отношении женщин, никогда не настаивал и не тащил вместе с собой.

Донхо купил пачку сигарет, прикурил и поднялся на гребень горы, которая возвышалась за их базой. Там торчали пеньки от сосен, срубленных на доски для починки барачков и дрова. Обычно Донхо срывал траву, стелил ее на пенек, чтобы не замазаться смолой, садился и спокойно уходил в свой мир. Вот и сегодня, пребывая в этом мире, он мысленно рисовал перед собой образ Суги.

Под горой рядом с базой расстиралась пустошь, на которой едва виднелись следы межи. Земля, которая вот уже три года не вспахивалась плугом и мотыгой, была усеяна затвердевшими кусками глины и густо поросла сорняком. За время, что прошло со времени прошлого его появления здесь, трава на пустоши стала желтее. На нее падали беспечные октябрьские солнечные лучи, от которых созревают все плоды.

Перед глазами Донхо расстирался осенний пейзаж со всеми его дарами и будоражил воображение. В отличие от Хёнтхэ и Юнгу, он выпил всего-то чуть больше двух стаканов и был почти трезв. Сидя здесь, он ощущал прохладный горный ветерок, с легкостью проносящийся по его горящим ушам. Донхо стал представлять себе Суги в образе фруктового плода.

Это был персик. Не лысый персик, у которого на коже совсем нет волосков, и не обычный волосатый, мягкий персик. Он не знал, как называется этот сорт, только мог вообразить его. У этого персика была белая кожица, короткий пух и упругая мякоть.

Раньше, чтобы посмотреть на Суги в новом ракурсе, Донхо специально пересаживался с одного места на другое. Черты, которые не бросались в глаза в анфас, вычерчивались по-новому в зависимости от угла наблюдения и направления лучей. Когда они падали сзади или свер-

ху, ее другие части лица находились в тени, и вычерчивалась только прямая линия носа, а ноздри-крылышки были окружены беленьким гало. Эта гармония создавалась мелкими волосками, которых при привычном свете не увидишь. Их можно было сравнить с восковым налетом на коже винограда или хурмы. Но беленькое гало Суги было гораздо мягче и нежнее фруктового налета, его хотелось не вытирать рукой, а растопить дыханием. Так было и два года назад, накануне ухода Донхо на фронт. Суги сказала, что уже давно решила устроить ему теплые проводы наедине. В тот день они собрали все имеющиеся сбережения и пошли в гостиницу «Хэундэ». На улице падали хлопья снега, а они в тихом гостиничном номере почти всю ночь не сомкнули глаз. Утром следующего дня он после долгого поцелуя потерял губами о кончик ее носа и о края ноздрей-крылышек. У нее от природы были двойные веки, но за ночь одно веко стало тройным, и глаза ее были теперь разные, над чем они стали смеяться словно дети. В этот момент солнечный луч, падающий с прояснившегося неба через окно прямо в комнату, осветил ее сбоку и создал беленькое гало вокруг кончика носа. Донхо пробубнил про себя: «Такие мягкие и нежные волосики, а мне не поддаются».

Донхо спустился с гребня горы и заглянул в крупную продовольственную лавку перед базой.

Хозяин лавки, которому на вид можно было дать лет сорок, смахивал метелкой пыль с товара. Увидев Донхо, он вышел навстречу.

— Добро пожаловать!

Донхо окинул взглядом лежавшие кучками яблоки, груши, хурму и спросил:

— Не скажете, какие бывают сорта персиков?

Хозяин рассчитывал на клиента, который купил бы товар, но услышав неожиданный вопрос, пришел в замешательство и стоял, растерянно уставившись на Донхо.

— Мне нужно знать это кое для чего. Какие есть сорта, кроме китайского и волосатого персика?

— Даже не знаю... — протяжно ответил хозяин.

Солдаты были его основными клиентами, терять которых было нельзя, поэтому он подчеркнуто вежливо продолжил:

— Вообще говорят, что сортов персиков даже больше, чем сортов яблок.

— А ведь есть такой сорт, который и не слишком мягкий, и не совсем без волосков на кожице?

— Ну... Из тех, что potwierже, есть нектарин, у него кожа и мякоть красные. На конце он заостренный, а сбоку проходит бороздка.

— А есть персик, похожий на обычный... только чтоб с белой кожей и не так много волосков?

— Это вы, наверное, про сорт «Белый персик» говорите. У него короткие волоски, мякоть немного жестковатая и очень белая. Вкусные персики. Ах, да! У нас как раз имеются эти персики, в консервах.

Хозяин достал с полки банку консервов, стряхнул с нее пыль и передал Донхо.

— Вот в этой банке персик того самого сорта.

На этикетке была картинка с двумя персиками неестественно круглой формы, окрашенными в желтоватый цвет, и красной надписью «Персик белый».

Донхо вернул банку хозяину. Деньги на консервы у него были, но когда он подумал о том, что внутри лежит персик со снятой кожей, разрезанный наполовину, у него пропал к нему всякий интерес. Будет лучше добавить описание хозяина к тому образу, который он рисовал перед собой на гребне горы.

Когда Донхо вернулся на базу, Хэнтхэ и Юнгу уже были на месте.

Юнгу молча взял кальсоны вместе с носками и пошел к колодцу, а Хэнтхэ, лежавший на спине, посмотрел на Донхо и сказал:

— Эй, Поэт, где это ты бродил до сих пор? Может, у тебя проблемы какие? Терпи, немного осталось. Скоро вот отслужишь и встретишься со своей любовью.

Он засучил рукава и, выставя руки напоказ, продолжил свою болтовню:

— Слушай, представляешь, там одна баба увидела мои следы от ран, и так они ее тронули. Говорит, новая розовая кожа на них такая гладкая, что сводит с ума. И давай ее лизать и посасывать. Тьфу ты! Терпел я, терпел, а потом и говорю: «Раз уж тебе так нравятся следы от ран, я тебе сделаю такие же». А она не растерялась, стерва, и отвечает, что у нее, мол, и без того много ран. Еще и таких, что за всю жизнь не заживут. И, значит, мне говорит, как будет она счастлива, если мы, оба раненные жизнью, заживем вместе. Вот ведь черт! Рот у нее как помело, сама не знает, какую ерунду несет. Все настроение испортила. Ни за что к ней больше не пойду!

Донхо дождался, пока Хёнтхэ заснет, и стал писать письмо Сути. Он рассказал ей о персике. В конце он приписал, что мечтает в следующем году увидеть свой персик-Сути еще до того, как поспеют белые персики.

V

В следующее воскресенье они втроем опять взяли выходной. Было пасмурно, дул холодный, пронизывающий ветер.

Прилично выпив, Хёнтхэ и Юнгу пошли к женщинам, а Донхо остался в кабаке. Погода была скверная, и гулять по улицам или же подниматься на гребень горы совсем не хотелось. Донхо научился пить спиртное только в армии и не очень любил это дело, поэтому в одиночку почти никогда не пил. Но сегодня он сидел один и медленно потягивал из заново наполненного стакана.

За стойкой в углу жарили лепешки из маша, а по эту сторону в ряд стояло три стола из грубо отесанных сосновых досок, за которыми могло разместиться человек десять.

Рядом с Донхо сидели за выпивкой четверо рядовых солдат. Один из них рассказывал о том, как запихал пару украденных покрывал в канистру, вынес их и продал. Он жаловался, что вытащить покрывала из узкого горлышка оказалось труднее, чем запихать их туда. «Надо ведь было хоть как-то заработать на выпивку?» Парень был пьян

и совсем не беспокоился о том, что его услышат другие. Казалось, он и не думал о том, что за проступок его могут отправить на гауптвахту. Наоборот, он словно гордился своей выходкой. В его словах чувствовался тот особый жизненный восторг, который знаком лишь тем, кто побывал в бою на волосок от смерти.

Донхо, попивавший по глоточку из своего стакана, вдруг почувствовал, что восторг пьяной болтовни за соседним столиком все с большей силой передается и его душе. Это нарастающее чувство восторга вмиг переполнило его душу и расплзлось по всему телу, словно кровь. В этот день, может оттого, что он выпил больше, чем обычно, образ любимой Суги представился ему несколько с другой стороны.

Она была в постели тихого номера гостиницы «Хэундэ», а Донхо держал в руках ее лицо. «Ой, горячо!» Она положила свои руки на его. Губы их соприкоснулись. Ему казалось, что он притрагивается к прохладному растению. Только дыхание Суги было горячим. Постепенно губы ее стали теплыми, а щеки и ладони покраснели. «Ой, я задыхаюсь», — прошептала она, поворачивая голову в сторону. Край его уха обдало жаром ее дыхания.

Донхо захотелось, чтобы этот разгорающийся пыл растекался по всему телу Суги. Рука его стала нащупывать путь к ее груди. Но она успела крепко прижать к себе одеяло. А затем, словно прося милости, сказала: «Давай не будем заходить дальше, остановимся на этом». Донхо же с сожалением шептал: «Ну, еще немного, только немного». — «Нет, давай больше не будем. Сегодня я хочу просто побыть с тобой. Дурачок ты мой, и чего тебе все мало? Это совсем на тебя не похоже. Я ведь и так вся твоя». Донхо подумал, что, возможно, желание его и в самом деле разгорелось из-за некоего нечистого чувства, и вернулся на место. С самого начала, расстилая одеяла на двоих, Суги предложила: «Давай договоримся, что каждый будет лежать только на своей постели. Мне достаточно и того, что я могу вот так одну ночь провести рядом с тобой». На тот момент Донхо тоже охотно с ней согласился. Но когда он поцеловал ее, желая спокойной ночи, губы его невольно стали прика-

саться к ней, и пока они обменивались горячим дыханием, желание его опять перенеслось в неподобающую часть тела. Донхо вернулся на свою постель и тихо лежал в темноте с открытыми глазами. За окном, судя по всему, продолжал валить снег, что было редким явлением для южных провинций, и слышался стук бьющихся о стекло снежинок. Донхо заставил себя прислушаться к звуку падающего снега. Пока он лежал, в голове его постепенно прояснилось, и он почувствовал, что желание, охватившее его, также постепенно убывает. С одной стороны, было немного досадно, но с другой — на душе становилось спокойней. В темноте Сути прошептала: «Ты злишься?» Донхо ничего ей не ответил. В дальнем уголке его успокаивающейся души проснулась мысль, что он действительно немного зол. Почему любящие друг друга люди, которые спят вместе в одной комнате, должны считать это порочным? «Я не хочу, чтобы ты злился», — вновь прошептала в темноте Сути. Но Донхо лежал и ничего не отвечал. Он поразмыслил и решил, что ему будет только на руку, если он продолжит всем своим видом показывать, что сердит. Может, это будет и нечестно с его стороны, но ничего непорядочного он в этом не видел. «Ты и вправду злишься?» — еще раз спросила в темноте Сути. Затем он услышал, как она поворачивается к нему. Она протянула руку и ощупью стала искать его руку. Ее ладонь, мягко обхватившая его, была теплой. Его же руки, наоборот, успели остынуть, и это доставило ему некое тонкое наслаждение. Нужно вести себя с ней холоднее, чтобы она беспокоилась. Тогда будет легче соглашаться на его просьбы. Он нарочно лежал не шелохнувшись, бездвижно оставляя свою руку в ее руке. Ее пульс через ладонь напрямую передавался ему. Донхо не мог больше сдерживаться и тихонько потянул руку Сути к себе. Она приподнялась, и лицо ее высветилось в темноте. Он тоже присел и обхватил руками ее щеки.

Они были горячими. Как и ее губы. Их жар мгновенно передался ему, и ладони и губы его загорелись вместе с ними. Сути слегка прикусила было его нижнюю губу, но потом отвернулась от него. Ее взволнованное дыхание го-

рячо пронеслось мимо его уха. «Ну а теперь ложись. Еще, не дай бог, простудишься». Она взяла его за плечи и попыталась уложить. Он не поддался ей и сам с силой плюхнулся на постель. Сути натянула одеяло ему до подбородка и сказала: «Ты опять разозлился? Донхо, дурачок, я ведь тебя так люблю». Она склонилась над ним и прижалась к его губам. «Мне тяжело видеть, как ты мучаешься. Но сегодня я хотела бы просто провести время вместе. Я ведь та, кто будет всегда ждать тебя». Меж их целующимися губами текла солоноватая жидкость. Наконец она поднялась и вернулась в свою постель. Донхо почувствовал, как его пыл опять потихоньку угасает. Но в то же время он не мог просто лежать на месте. Он приблизился к ней и прижался губами к ее глазу. Влажные ресницы трепетно дрожали. Он медленно стал всасывать в себя их влагу. Прodelал то же самое и с другим глазом. Затем спустился губами по следу стекшей влаги к щеке. Губы ее были сухими. Донхо своими губами раскрыл их. Внутри он почувствовал необыкновенно влажную мягкость. Он погрузился губами в нее. Видимо, на этот раз она не собиралась сопротивляться. Рука его, поглаживая ее шею, стала опускаться все ниже. Сути же крепко сжимала руки поверх одеяла, которое прикрывало ее грудь. Донхо проскользнул ладонью под одеяло. А потом ей под нижнее белье. Ее руки, лежавшие на одеяле, спустились ниже. Однако было не похоже на то, что она пытается остановить его. Медленно, очень медленно он стал пробиваться кончиками пальцев все дальше. Ладони его прижались к мягкому телу, и запах этого тела стал страстно щекотать его нервы. Он чувствовал, что руки ее прижимают к себе одеяло все слабее и слабее. Но тут она стала шептать словно сама с собой: «Это я виновата, я предложила провести ночь здесь... Но я ведь не знала, что мы будем так мучиться, я ведь думала только о том, как было бы хорошо пробыть всю ночь вместе... Эта была всего-навсего моя мечта. Ладно уж, я отказываюсь от нее». Сказав это чуть ли не со стоном, она перестала сжимать одеяло руками. В этот момент его рука, которая уже спустилась до впадинки меж ее возвышающимися грудями, замерла на месте.

«Да нет же, нет», — стал страстно уверять ее Донхо. Про себя он окончательно принял решение. Он не имеет права разбивать ее мечту и поэтому этой ночью сделает так, чтобы мечта любимой сбылась. И тут пришло ощущение, будто с него сняли камень, который давил на грудь. Теперь он только слегка притрагивался губами к ее щекам, лбу и глазам. Потом в темноте он слабо терся губами о мягкий пушок на кончике и вокруг ее носика, словно хотел снять с него налет. Но даже такие действия внезапно пробуждали его мужское желание вновь и вновь. И каждый раз он возвращался в свою постель, откидывался на подушку и, чтобы усмирить себя, сосредотачивался на звуке бьющегося о стекло снега. То, что он ради осуществления мечты Суги сдерживает свое мужское желание, доставляло ему непонятное удовольствие. Он сдерживал себя до рассвета, пока они не заснули, и было уже не важно, насколько мучительно были его усилия. Он думал лишь о том, что должен беречь эту девушку и что она теперь — его. Навечно.

Он и сейчас по-прежнему верил в это. Донхо стал про себя вести тихий разговор. Он вспомнил, как однажды Хёнтхэ сказал ему, что единственный способ сделать женщину своей — это овладеть ее телом. «Да пойми ты, Хёнтхэ, дурачина! Ну, допустим, наслаждаешься ты сейчас прикосновением к телу какой-нибудь девки, облапанной руками всех мужиков в округе, и что? Зато ведь тебе никогда не узнать того чистого и прекрасного чувства, которое я испытал, прикасаясь губами, щеками и ладонями к Суги».

— Эй, придурок, отстань от меня! — вдруг послышалось со стороны двери. Это кричал пьяный парень, который только что вошел.

Донхо лишь окинул его взглядом и сразу же вернулся к своему занятию: поднял стакан и отпил из него. «Интересно, станут ли ее глаза опять такими смешными, когда мы встретимся в следующий раз? Сможем ли мы обнимать друг друга, не томясь и не сдерживаясь?»

— Давай сюда, здесь свободно!

Незнакомый парень, который с криком вошел в пивную, качаясь из стороны в сторону подошел и плюхнулся

за столик Донхо. Судя по погонам, он был старшим сержантом второго класса.

Покрасневшими от выпивки глазами парень посмотрел на Донхо, развернулся и прокричал:

— Неси сюда выпивку!

— Послушайте, старший сержант Сону, кончайте пить и пойдете на базу, — пытался уговорить парня солдат, который пришел вместе с ним. Он, по-видимому, был совершенно трезв.

— Да иди ты своей дорогой, чего пристал?

— Вставайте, ну хватит уже!

Судя по нашивке и погонам, второй парень был сержантом второго класса по фамилии Ан. Одной рукой придерживая спину старшего сержанта Сону, а другой схватив его за руку, сержант Ан стал поднимать пьяного товарища, но тот заорал:

— Ах ты, сука! А ну, вали отсюда!

Старший сержант отшвырнул руки Ана, вытянул побагровевшую от выпивки шею и вновь прокричал:

— Неси выпивку, чего медлишь!

Донхо встал с места, решив, что лучше будет уйти.

— А ты куда это собрался?

Старший сержант Сону уставился на Донхо покрасневшими глазами и продолжил:

— Западло со мной выпить, да? Эй, ты... сержант...

Окосевшим взглядом он оглядел Донхо и, прочитав фамилию на нагрудной нашивке, заорал:

— Эй, ты, сержант Юн, садись... Приказ старшего сержанта!

Его спутник не знал, как выйти из положения.

— Ты сегодня явно переборщил. Вставай!

— Заткнись... Он-то хоть пить умеет, не то что ты... Эй, сержант Юн, сесть, я сказал!

Всем своим видом Ан просил не обращать внимания на пьяного товарища. Донхо понял, что вляпался, и сел обратно на место.

Уловив, к чему идет дело, хозяин принес выпивку, поставил стаканы и спросил:

— Чем закусывать будете? Есть машевые лепешки, вяленый минтай...

— Обойдемся и без закуски. На эти деньги лучше выпивку возьмем. Вон тому парню тоже налей... — старший сержант Сону указал хозяину рукой на стакан Донхо.

— Спасибо, мне не надо. Я больше не смогу пить, — сказал Донхо и прикрыл ладонью стакан.

— Хочешь сказать, со мной выпить запаadlo, да? Не боись, пей, я сам за все заплачу.

Донхо ничего не оставалось, как позволить хозяину наполнить свой стакан. Тут старший сержант Сону отупелым взглядом уставился на Донхо и сказал:

— А ты посмотри, какие у него нежные ручки. Не для автомата. Хотя разве есть в этом мире руки, созданные для того, чтобы автомат держать? Вот, посмотри, у меня какие руки...

Его руки, которые он выставил на стол, оказались худыми и совсем маленькими.

— Ну, как тебе? Они, конечно, немного загубели, но наверняка и у женщин редко увидишь такие маленькие руки. Сколько я себя помню, всегда стеснялся их и никому не показывал... Всегда держал в кармане. Однажды в школе один учитель сказал, что с моими руками нужно работать гинекологом... Я пришел в бешенство от его слов. А в жизни оказалось, что и моими руками можно спускать курок... Вот так...

Он сделал вид, что левой рукой поддерживает винтовку, а правой несколько раз нажимает на курок.

— И даже совсем не хуже других стреляю... Нет, может, и получше.

Он поднял стакан, сделал несколько глотков и опять посмотрел на Донхо красными глазами.

— Ты откуда родом?

— Из Инчона.

— Значит, моя родина ближе. Я с севера, из провинции Хванхэдо... Только что толку-то, что ближе? Туда теперь все равно не попадешь... А если даже и попадешь, что с того? Родина ведь это не само место, где родился...

Родина — это то место, где тебя ждут, где есть люди, которые рады твоему возвращению. Согласен? Ну, уж тебя-то наверняка кто-нибудь да ждет, правда?

Пока Донхо думал, что ему на это ответить, старший сержант спросил:

— Родители живы?

— Бежали на юг, в Пусан.

— Какая разница где — в Пусане ли, на Чеджу, да хоть по ту сторону тридцать восьмой параллели — главное, чтобы был хотя бы один-единственный человек, который тебя ждет. А вот у меня, знаешь, у меня лично...

Тут старший сержант Сону несколькими глотками осушил свой стакан и, тряся им над головой, крикнул хозяину:

— Неси выпивку!

Он грохнул пустым стаканом о стол и сказал Ану, который, видимо, решил дожидаться, пока старший сержант не напьется вдоволь:

— Сукин сын, попробуй только еще раз мне такое сказать. Рот порву, так и знай. О родителях он, мол, беспокоится, что на севере остались. Говорит, лучше было бы, если своими глазами увидел, что они мертвы. Убить тебя мало за такие слова. Нашел кому завидовать, это мне-то? Когда ты днем и вечером молишься Богу о здоровье родителей, о чем прикажешь мне молиться?.. Молиться о себе самом? Спасибо тебе, Господи, что дал мне спокойно поспать прошлой ночью, обереги меня своими объятиями и сегодня, так, что ли?..

Старший сержант Сону, вероятно, был из тех, кто, напившись, не может остановиться и болтает без умолку. Он все говорил и говорил, не то кому-то, не то самому себе:

— Да, было время, когда я по утрам и вечерам молился об этом. Но потом передумал и стал молить Бога об обратном... Чтоб быстрее забрал меня к себе. Но он не услышал мои молитвы... И наконец до меня дошло, что Бога нет. То есть я решил поверить в то, что его нет. Если бы Бог был, разве он мог такое допустить? Ты, конечно, скажешь, что Бог испытывает мою веру. Как испытывал веру Авраама из Ветхого Завета. Но я не вынес этих испытаний... Человек

ведь такое слабое существо, а Бог к нему так безжалостен. Если уж Бог таков, то лучше в него не верить. А ты хочешь сказать, что готов пройти все эти испытания?! Что страдания, наоборот, укрепят твою веру?! Выходит, я тут пьянствую, а ты бегаешь за мной, охраняешь меня, и это тоже все ради твоей веры? Помнишь, Иисус три раза спросил у Симона Петра: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?», на что тот трижды ответил: «Да». И после каждого ответа Господь говорил Петру: «Паси агнцев Моих»...

Проговорив эти слова, старший сержант Сону искривил губы в усмешке и продолжил:

— Что, решил стать пастырем Божьим? Да еще таким, который больше заботится не о ста овцах, а об одной заблудившейся. Хочешь сказать, я и есть та самая блудная овца? Придурок, да ты вообще знаешь, что значит слово «пастырь»? Шепард! Это собаки такие бывают — шепарды. Вот то-то и оно! Но тебе и до собак этих далеко. Ты просто дворняга, обычная дворняга... Ну, кобель, потаскался за мной и будет. Ага, так тебе, наоборот, мою ругань сладко слушать? Ты же у нас пастырь: должен мучиться. А ну-ка, давай, попробуй стерпи... Эй, псина, оближи-ка мою подошву! Не можешь? Ну, тогда вот хоть этот стол оближи. Это тот самый стол, за которым сидели и будут сидеть спасшиеся от смерти парни, чтобы на мгновение испытать радость жизни. И стол облизать не можешь? Ну, тогда я сам оближу его, сам...

Старший сержант Сону склонился к столу и несколько раз облизал его, но потом он вдруг сложил руки перед собой и уткнулся в них лицом. Он несколько раз помотал головой из стороны в сторону и застыл.

— Его родители погибли во время Июньского инцидента. Он ведь был пастором... А теперь напивается, чтобы обо всем забыть, — тихим голосом поделился с Донхо сержант Ан.

Солдаты за соседними столиками, не желая слушать пьяный бред старшего сержанта, уже успели куда-то уйти.

Донхо, улучив момент, тоже собрался уходить, но тут старший сержант вдруг поднял голову и снова заговорил:

— Эй, дворняга, что ты тут все лаешь да лаешь? Чего это я не могу забыть и напиваюсь? Ничего подобного! Вот и наоборот: я пью, чтобы все вспомнить. Когда я выпиваю, я начинаю вспоминать все до мелочей... А ну-ка, давай выпьем за память...

— Хватит уже, ей-богу! Что толку повторять одно и то же?!

Не обращая на эти слова никакого внимания, старший сержант Сону залпом осушил по новой наполненный стакан и сказал:

— Эй, сержант, как бишь тебя зовут? Юн? Вот и ты выпей. Выпей и вспомни о чем-нибудь... Да хоть как младенцем грудь матери сосал. Давай, покопайся в своей памяти.

Затем он уставился красными глазами куда-то вверх и продолжил:

— А я как выпью, так словно наяву вижу тот момент. Мы тогда спрятались в землянке, а когда вылезли наружу, всё и увидели: окровавленные тела отца и матери... Мне тогда так хотелось бы поглядеть, как изливаются кровью те, кто это с ними сделал... Но ничья кровь не смогла возместить крови моих родителей... Поэтому я каждую ночь молился, чтобы заснуть и не проснуться на следующий день. А по утрам просил, чтобы это был мой последний день жизни. Вот я и вызывался каждый раз биться в передних рядах. Но ведь все еще жив да еще внеочередное повышение получил. Выходит, все это воля Божья? Но ведь это так зло и жестоко... Призвать к себе мать и отца таким образом...

Во время Июньского инцидента на горе за деревней была вырыта большая яма. Ночью туда загнали человек двадцать местных жителей, в числе которых были и родители Сону, и расстреляли всех из автомата. Отцу повезло, пули не задели жизненно важных органов, и он остался жив. Ему удалось сползти с горы. Он потерял много крови, и его мучила жажда. Еле добравшись до одного жилища, отец попросил воды, но оказалось, что это был дом, в котором расположился сторожевой отряд. Увидев отца, солдаты поняли, что убили не всех, и сразу же поднялись опять в гору. Там они добили еще двоих, которые остались в живых и спрятались среди поваленных деревьев.

— И что, это была Божья воля на то, чтобы отец попал именно к охранникам? И чтобы из-за него погибли еще двое? Выходит, это и есть та самая премудрость воли Божьей, которую не постигнуть человеческим разумом? Но ведь отец все шестьдесят лет своей жизни посвятил служению Богу и церкви...

Старший сержант с яростью закончил:

— И не смейте мне больше говорить, что на то была воля Божья!

Тут он встал с места и стал осторожно пробираться между столиками к выходу, но его немного заносило в сторону. Потом он вдруг остановился и медленно, очень медленно, повернулся направо и двинулся к Донхо. На лице его была ухмылка.

У Донхо невольно замерло сердце. Движения и выражение лица старшего сержанта совершенно не вязались с его поведением до этого и со всей той историей, которую он рассказал.

— Ну как?

Лицо его было устремлено на сержанта Ана и Донхо, но казалось, что обращался он не к ним, а к самому себе. Он больше не мог держаться на ногах и чуть не свалился на столик, за который держался рукой, но потом выпрямился и закричал, словно подбадривая самого себя:

— Я не пьян, совсем не пьян... Сколько с меня?

Сержант Ан хотел было что-то сказать Донхо, но передумал и побежал к Сону и взял его под руку.

Через несколько дней Донхо встретил старшего сержанта Сону в питейной на территории казармы. Потому как они служили в разных войсках, встретиться где-либо в другом месте они вряд ли могли.

В тот день Хэнтхэ из дому прислали денег, и, чтобы отметить это событие, три друга решили выпить, не уходя далеко, прямо на базе. Старший сержант появился, когда они сидели за выпивкой и болтали о том, что будут делать после дембеля.

Обычно, если познакомишься с людьми, когда они в пьяном виде, и потом вновь встречаешь их, но уже трезвыми,

они кажутся тебе совсем другими. Так было и со старшим сержантом Сону. Несмотря на загар, протрезвевшее лицо его выглядело довольно бледным, щеки были впалыми. Взгляд, которым он небрежно оглядел присутствующих, входя в питейную, был светлым и спокойным. Он встретился глазами с Донхо, но сделал вид, будто не узнает его. Видимо, ему не хотелось продолжать знакомство. Он прошел дальше и, может случайно, а может и нет, сел спиной к Донхо и его товарищам.

Хёнтхэ, уже изрядно выпивший, продолжал свою болтовню:

— ...Ты, Юнгу, у нас учился на торгово-финансовом, поэтому будешь банкиром, только для этого тебе нужно лысоватым стать, а у тебя кудри. Ну, короче, будет у тебя свой банк — помоги моему старику дела делать.

Сидящий рядом Донхо перебил:

— Да при чем здесь дела твоего отца? Пока этот товарищ банкиром станет, бизнес отца будет уже в твоих руках.

— Да нет, к тому времени вряд ли. Мой старик так быстро с позиций не сойдет. Я, конечно, сам решил поступать на факультет общественных наук, но отец это очень поощрял. Он считает, каким бы бизнесом человек ни занимался, важно иметь широкий кругозор. Честно говоря, я тоже думаю: если уж браться за дело, то по-большому и чтобы как можно круче. Вошкаться в мелких делишках не по мне. Думаю, у меня точно должно получиться. Конечно, это звучит как бахвальство, но...

В этот момент в пивную вошел сержант Ан и стал оглядывать глазами помещение. Встретившись глазами с Донхо, он поприветствовал его, и Хёнтхэ пришлось прервать свою речь.

Ан тихонько подошел к старшему сержанту Сону и стал ему что-то говорить, а тот, казалось, и ухом не повел, только осушал свой стакан. Он сидел спиной, поэтому нельзя было сказать наверняка, но, скорее всего, был уже довольно-таки пьян, так как ничем не закусывал, кроме кимчи. Тело его склонилось вперед, прижимаясь грудью к столу.

Донхо знал, что Ан был другом старшего сержанта Сону еще с начала войны, когда они укрывались в землянках

на Севере, но все равно никак не мог понять, почему Ан, терпя все эти оскорбления, с таким усердием продолжает ухаживать за старшим сержантом.

— Ты с ним знаком? — спросил Хёнтхэ.

— Да так, немного.

Хёнтхэ продолжил свою болтовню:

— Ну так вот. Старик мой так легко мне свой бизнес не отдаст. Он прирожденный делец, ему запросто не угодишь. Представляете, после Июньского инцидента он бежал в Пусан без гроша в кармане, а уже успел поднять новое дело, да, по-моему, не хуже прежнего. В сегодняшнем письме прочитал, что еще до заключения соглашения о перемирии старик постоянно ездил в Сеул, подготавливал почву, а как соглашение заключили, так сразу и вернулся в Сеул. Знали бы вы, какой он к тому же упрямый. Никому не доверяет свои дела. Однажды, еще до войны, когда у отца была торговая фирма, мать попросила его устроить на работу в офис какого-то родственника своей одноклассницы, так он категорически отказался. Если ему нужен сотрудник, он обязательно дает объявление в газете, сам проводит собеседование и только тогда берет к себе на работу. Это его железное правило. Хотя, может, это и хорошо. Полюбова, чтобы работать со стариком, мне нужно будет с ним не раз повоевать.

— Да ладно, понятно.

— Чего ты все нам объясняешь? Боишься, что потом попросим тебя взять к себе на работу, вот и страхуешься, — сказал Юнгу, моргая черными глазами на бордовом от загара и выпивки лице.

— Ну, ты, как всегда, в своем репертуаре. Конечно, можно и так все рассудить. Но если ты не станешь банкиром и будешь слоняться без дела, обещаю, я из кожи вон вылезу, а найду тебе место. Да ладно, замаяли. А наш Донхо вот станет литератором. Время от времени будет стихи писать. Ты говорил, твой старик учитель? А что преподает? Корейский язык? Ну вот, пойдешь по отцовским стопам. Тоже неплохая работа. Станешь ученым — перво-наперво очки себе заведи. Чтобы оправа черная такая была. Чего

рожу кривишь? Зрение будет хорошее, все равно носи очки. Только не какие-нибудь, а обязательно с большими стеклами. У тебя лицо удлиненное, поэтому с маленькими очками будешь выглядеть несолидно. И оправа чтобы тоже мощная была. А еще...

— Да ладно, ладно. Хватит обо мне, лучше расскажи, как ты будешь жить? Даже если когда-нибудь и станешь директором фирмы, все равно быть тебе ученым-обществоведом. Как же ты будешь выглядеть? Вот, придумал. Не стригись, отрасти волосы ниже плеч и бороду заведи. А в руках всегда носи деревянную трость. Как тебе? Только смотри, держи образ, даже если станешь директором и будешь разъезжать на собственной тачке.

— Вот ты каким меня представляешь! Точь-в-точь сумасшедший, которого я в детстве видел, только тросточки у него не было. То был сумасшедший, но очень даже представительный. Иногда мы играли, а он подходил к нам и, показывая рукой на свою обросшую голову, ни с того ни с сего говорил: «Не хотите залезть сюда и поиграть? Здесь много разных цветов». А мы кидали в него камешки и издевались над ним, но, если подумать сейчас, хоть он и был сумасшедшим, все-таки был клевым. Значит, хочешь, чтобы я был таким клевым сумасшедшим? Большую честь оказываешь. Ну, раз сам Поэт мне образ создал, так уж и быть, принимаю. А теперь давайте выпьем за наши будущие образы!

— Эй, придурок, заткнись! — вдруг со злостью прокричал старший сержант Сону.

Рука Хёнтхэ, подносящая стакан ко рту, застыла на полпути, глаза его сверкнули в свете карбидной лампы. Видимо, он подумал, что сержант Сону сказал это специально, чтобы оскорбить их. Бордовое лицо Юнгу тоже застыло, и он искоса посмотрел в сторону оскорбителя.

— Да нет, это он сказал тому парню, который рядом сидит, — пояснил Донхо и тихим голосом вкратце рассказал товарищам ту историю, которая недавно произошла с ним в кабаке.

— Наверняка опять напился. Сам говорит, что пьет якобы для того, чтобы вспомнить прошлое, но всем понятно, что ему хочется обо всем забыть.

Старший сержант Сону стал стучать бутылкой по столу и кричать, чтобы ему принесли еще выпивки. Возле него уже стояли две пустые бутылки от соджу.

Заведующий питейной подошел к старшему сержанту с листочками бумаги в руке.

— Товарищ начальник, на вашем счету больше ста сорока хванов, — сказал он, показывая неоплаченные счета старшему сержанту.

Спиртное выдавали и на талоны, но сумма, на которую Сону выпил, уже превысила зарплату. В пивной можно было пить в долг, но общая сумма не должна была превышать сумму получки. Те, кто по званию были старшими сержантами и выше, могли брать выпивку под расписку, остальные же должны были заранее получать разрешение начальника.

— Да ты что? Ну ладно, ладно. Короче, хочешь сказать, что больше не дашь? Ничего не поделаешь.

Старший сержант Сону расписался на бумажке, которую протянул ему заведующий пивной, встал, развернулся и посмотрел в сторону Донхо и его товарищей. От выпитого бледное лицо его стало темно-красным, а глаза налились кровью. Он встретился глазами с Донхо и, прямо устремив на него взгляд, не так, как прежде, при входе в пивную, подошел к нему.

— Эй, сержант... как тебя там? Не можешь угостить меня выпивкой сегодня?..

Сержант Ан подбежал вслед за ним и стал уговаривать:

— Ну чего это вы сегодня опять? Хватит уже, пойдемте.

— Ах ты, щенок, здесь тебе не место гавкать. Иди к своему господину и там лай себе сколько угодно и как угодно. Мол, «Господь мой, благодаря твоей бесконечной милости я остался жив и сегодня» и все тому подобное. Эй, бойцы, разрешите к вам присоединиться?

Хёнтхэ и Юнгу неподвижно сидели с недовольными лицами, а Донхо отодвинулся и освободил место. Он попросил принести еще один стакан и наполнил его.

— Ого, а у вас тут настоечка!

— Не стоит смешивать, вам потом плохо будет. Хватит, вставайте! — уговаривал сержант Ан с озабоченным видом.

Старший сержант Сону ничего не ответил и, подняв стакан, залпом осушил его.

— А я вот слышал, как вы тут интересные разговоры ведете. Продолжайте, что же вы... Или я вам помешал? Раз вместе воюем, значит, и я вам друг. Может, вы и мое будущее опишете?

Затем он красными, налитыми кровью глазами уставился на них и стал по очереди осматривать одного за другим.

Донхо подумал, что раз уж им пришлось сидеть за одним столом, то лучше было бы разрядить обстановку.

— Да это мы так болтали, от нечего делать. А вы вот как демобилизуетесь, чем собираетесь заниматься?

— Ну, это сложный вопрос.

— Чтобы мы могли вам хоть что-то рассказать о будущем, вы должны ответить.

— Эй, сержант... как тебя там... ах, да... Юн... Сержант Юн, давай сегодня забудем о наших званиях. К черту уважительные слова, мы ведь одного возраста. Так ведь? Ты спрашиваешь, чем я буду заниматься? В отличие от вас, мне некуда возвращаться... Допустим, стану я профессиональным военным, и что тогда?

— Ну, значит, можно представить, что ты станешь военачальником.

— Ну, это вряд ли... Как бы я долго не служил, у меня нет никаких шансов стать начальником. Хотя, давай-ка послушаем...

— Во-первых, тебе надо носить перчатки. Не только зимой, но даже летом. Да еще такие, чтобы потолще и побольше.

— Хорошо, согласен. Чтобы не показывать подчиненным, какие у меня маленькие, как у гинеколога, руки... Давай дальше!

Донхо посмотрел на Хёнтхэ. Он хотел, чтобы тот тоже принял участие в разговоре.

Хёнтхэ, увидев, что старший сержант человек не особо кичливый, расслабился и продолжил:

— А я вот думаю, вид у тебя не грозный совсем, поэтому надо что-нибудь придумать. Хорошо бы бороду... Нет, тебе она не очень подойдет... А что, если ты будешь время от времени дергать краем рта? Особенно, когда чем-то недоволен или надо о чем-то серьезно подумать. Ничего не говори и только несколько раз подергай краем рта. Как тебе это?

— Да ну тебя.

Старший сержант Сону сделал два-три глотка из заново наполненного стакана, призадумался, а затем сказал:

— Я вот сидел там, слушал вас и мне пришло в голову: а что, если все эти образы соединить в один?.. Облысевший лоб, остатки волос спускаются ниже плеч, лохматая, нестриженная борода, большие очки и длинная трость... Этот образ мне кое-кого напомнил. Я подумал об Иеремии, перед которым я так преклонялся. Ну, тот самый Иеремия, что был одним из великих пророков Ветхого Завета. Поверьте, если бы перенести его в наше время, то он выглядел бы именно так... Хотя, конечно, современный Иеремия отличался бы от старого не только внешностью. Ветхозаветный Иеремия пророчествовал, потому что получал откровение Божье, а современный бы пророчествовал совсем не так. Он бы громким голосом убеждал: «Бог и есть, и его нет, то есть он и существует, и не существует. Он есть для тех, кто верит в него, и его нет для тех, кто не верит в него. Каждый имеет право выбрать одно из двух, на все воля самого человека, а не Господа Бога...» Именно так бы он и говорил.

— Ну, это ты уже в другую степь забрел. Выходит, ты станешь этим самым современным Иеремией? — спросил Хэнтхэ, которого разговор не столько даже удивил, сколько заинтересовал.

Старший сержант Сону направил взгляд своих красных глаз на Хэнтхэ и стал ему объяснять:

— Да нет же, нет. Куда уж мне? Я не гожусь. Я ведь всегда должен буду ходить в перчатках и кривить рот только для того, чтобы хоть немного заставить себя уважать. К тому же перчатки я должен буду носить не для

величественного вида, как вы говорите, а для того, чтобы скрыть те постыдные дела, которые я совершал своими руками... А кривить угол рта время от времени я буду не для того, чтобы придать себе грозный вид, а потому что буду вспоминать некие образы, которые не должен был бы видеть своими глазами... Ну как может такой ничтожный человек, как я, стать Иеремией? Современный Иеремия должен быть человеком сильной воли, который воплощает свою веру в жизнь... Он вообще не должен сожалеть о содеянном.

— Но ведь ты сейчас и есть тот самый сильный духом человек, который живет в своей вере в то, что Бога нет.

— Ничего подобного... Я только недавно решил, что Бога нет. Потому что так на душе становится легче. Если бы Бог управлял миром, в нем не могло бы быть столько противоречий. Лучше думать, что его нет... В любом случае, такому, как я, Иеремией не стать.

Старший сержант залпом выпил содержимое стакана и поднялся со словами, что отлучится на минуту по нужде.

Сону побрел к выходу качающейся походкой. Затем неожиданно остановился. Он медленно, очень медленно повернулся через правое плечо и вернулся к компании. На лице его была зловещая улыбка.

Донхо, как и в прошлый раз в кабаке, почувствовал холод на душе. Хэнтхэ и Юнгу не отрывали от старшего сержанта глаз, так как он всем видом показывал, что готов выкинуть нечто непредсказуемое.

— Ну как? Круто? — как и в тот вечер, он сказал это не кому-то из товарищей, а самому себе.

— И сегодня опять напился в стельку. А ведь в трезвом виде ни с кем даже парой слов перекинуться не хочет, — пробубнил себе под нос сержант Ан, который сегодня просто сидел рядом с Донхо и ждал, пока его товарищ не утомонится сам по себе.

Старший сержант Сону выпрямился и, слегка покачиваясь, побрел к выходу.

— По его словам, он где-то застрелил одного повстанца. Развернул того и выстрелил прямо в спину. Говорит,

тот закачался и именно с такой же улыбкой на лице упал навзничь. А может, он просто корчился от боли. Но Сону уверен, что тот улыбался. И теперь, как только напивается, все пытается скорчить такое же лицо, представляете? Вот я и переживаю, как бы он чего не натворил. Приходится за ним ходить повсюду... Он как напьется, начинает обзывать меня щенком, всячески оскорблять, но я знаю, что в душе он так не думает. Эх, как бы чего не случилось...

Ан рассказывал все это тихим голосом. Когда на улице за дверью вдруг слышались звуки рвоты, он выбежал из питейной. Было слышно, как он, постукивая старшего сержанта ладонью по спине, говорит: «Ну чего вы все напиваетесь!» Опять слышались звуки рвоты, и дальше голос старшего сержанта Сону: «Щенок! Не твое дело, вали отсюда. Вали, я сказал!» Немногим позже старший сержант опять вошел в пивную, вытирая рот полотенцем. Ан держал его под локоть и пытался вытянуть на улицу, но Сону отмахивался от него и кричал:

— Сукин сын, отстань, я говорю!

Качающейся походкой он вернулся на место, глаза его были мокрыми и сверкали в свете карбидной лампы.

— Ты смешал соджу с настойкой, вот тебе и плохо, — сказал Хёнтхэ.

— Ничего, теперь уже лучше. Нужно выпить по новой.

Он сам налил себе в стакан и выпил залпом. Затем оглядел сидящих покрасневшими влажными глазами и сказал:

— А вы слышали, что мужики и бабы умирают по-разному? Мужики тонут лицом вниз, а бабы — наоборот. И если застрелить их, точно так же — мужики лицом вперед падают...

Он замолчал, опять налил себе и разом осушил стакан.

Все ждали, что он скажет дальше, и сидели молча. Но он ничего не сказал, только опять налил себе и выпил, а потом вдруг встал.

Ничего никому не говоря, он пошел к выходу, на этот раз качаясь еще сильнее. Затем, еле удерживаясь на ногах, остановился и медленно развернулся. На лице его опять была та самая улыбка. Но на этот раз он не успел спросить:

«Ну как? Круто?» — и, не удержав равновесия, рухнул на месте лицом вниз.

Ан сразу же подбежал к нему.

Прижавшись щекой к полу, Сону отчаянно размахивал руками и стонущим голосом, вырывавшимся из глубины души, кричал:

— Не трогайте меня, никто... Лучше выключите скорей свет... Слишком светло... Выключите свет...

Юнгу, который до сих пор сидел молча и только жевал ножки сушеных кальмаров, вдруг бросил небрежно:

— Да, играет он очень даже неплохо.

Однажды пришло письмо от родных младшего сержанта Кима, того самого, который в бою накануне заключения соглашения о перемирии был взят в плен вместе с Юнгу и застрелен при попытке бежать.

Чтобы наладить радиосвязь, Юнгу ездил по делам в Чупхарён и зашел отчитаться в штаб как раз в тот момент, когда полученные письма рассортировывали по войсковым частям. Солдат, сортировавший письма, отложил в сторону одно письмо, сказав, что человек, которому оно пришло, погиб. Это и было письмо младшему сержанту Киму. Несомненно, оно было ответом на то письмо, в котором, по просьбе погибшего, была отправлена горстка земли.

Юнгу рассказал об этом Хёнтхэ, а тот попросил начальника и получил письмо.

Адрес на конверте был выведен детским почерком. Четыре листа были исписаны с обеих сторон — видимо, под диктовку взрослого писал ребенок. Карандаш время от времени слюнявили, поэтому некоторые буквы были жирнее других, а местами слова были стерты и написаны заново.

В начале письма спрашивали о здоровье и сообщали, что дома все живы-здоровы. «И чего только в жизни не бывает? Мать твоя недавно сказала, что видела тебя во сне, а тут от тебя и радостная весточка пришла. Я как открыл письмо, так сразу и понял, в чем дело. Ну, в смысле понял, как поступить с тем, что ты отправил прошлой зимой. Как ты и просил, пока ты не дашь следующих указаний, я все

хорошенько завернул и спрятал под горшок со святым духом. Ты ведь сам прекрасно знаешь, что отец твой только и знает, что на земле работать. День и ночь я только и мыслю о том, как бы так работать, чтобы семья наша могла не волноваться и наедаться вдоволь. Помнится, ты говорил, что если, как я, всю жизнь копать в земле, то мы точно все умрем с голоду, и целыми днями шастал по игорным домам, терзая наши с матерью души. Слава Богу, теперь ты одумался. Прошлым летом ты приезжал помочь по хозяйству и все ворчал, что труд землепашцев самый тяжелый на свете, а я вот и часу не смогу прожить без земли. Больше всего меня радует то, что ты хоть сейчас стал понимать меня. Наверняка духи возрадовались твоему прозрению, потому что как раз в эти дни семейство Чунбо выставило свои земли на продажу».

Далее, в духе сельских разговоров, следовал довольно длинный рассказ о земледельце по имени Чунбо.

Оказалось, Чунбо сказал, что переезжает с семьей в провинцию Канвондо к своему двоюродному дяде. Тот зовет его, утверждая, что там хорошее житье, но на самом деле все обстоит не совсем так. Как бы хорошо там ни было, как же может земледелец оставить свои края? Так получилось, что в позапрошлом году умер отец Чунбо, который несколько лет пролежал в постели, а в прошлом году его младший брат погиб на войне, вот им и стало жить труднее, и они долгов наделали. Как бы они в этом году землю ни возделывали, все равно этого не хватило бы им даже на проценты. Теперь они оказались в безвыходном положении, и приходится им продавать землю да уезжать.

«Нам так жаль, что семейство Чунбо покидает нас, ведь они из поколения в поколение жили с нами в одной деревне. Вот я и думаю, раз уж он продает свою землю, дай-ка я куплю у него один участок, доброе дело сделаю. Рисовую чеку, что за каменным мостом, он отдал вместо долга Син Чанбону из центра, а чеку возле района Суричжэ выкупили мы. Земля, конечно, не очень плодородная, но одно то, что нам достался хоть такой участок, — большая удача. Ты, конечно, будешь смеяться, но земля на нашем

новом участке такого же красного оттенка, как и та, которую ты нам прислал. Я так рад тому, что у нас теперь своя земля! Хотелось рассказать тебе обо всем в подробностях, вот и получилось письмо длинноватым. Еле заставил твоего братишку сесть и писать под мою диктовку. Ну, будь здоров, сынок! Наверняка ты отправил нам горстку земли без письма, потому что были на то причины, но все же потрудись как можно скорее написать нам».

— Эх, вот мы сдурили. Нельзя было отправлять только землю. Надо было хоть какое-нибудь прощальное словцо написать, — сказал Донхо, оторвав взгляд от листов бумаги.

— Мы же не знали, что оно дойдет быстрее извещения о смерти, — ответил ему Хёнтхэ.

— Может, надо хоть сейчас сообщить им всю правду?

— Да хорош париться. Они отправили это письмо, а потом наверняка получили похоронку.

— Выходит, все их мечты разбились.

— Беднякам о многом мечтать не дано. Кто знает, может, покупка своего участка земли для них поважнее смерти сына.

Юнгу, сидящий рядом, добавил:

— Этот парень прошлой зимой все провизию воровал. Может, он ее домой отправлял? А я-то думал, он на баб тратит.

— Да, точно. Был тот еще повеса, а мыслил прагматично и дело свое крепко знал. Представляете, был бы он сейчас жив, точно бы на гауптвахту посадили. Тут ведь в письме все понятно... Эх, отец-то мужик простой... Только как же он так просто все рассудил? Как он мог получить горсть земли и подумать, что сын просит его купить землю? Сын-реалист отправил, отец-реалист получил... Земля — она ведь и есть реальность, — сказал Хёнтхэ.

— Да, земля — это реальность, — повторил Донхо. — Но должна же быть у человека, который по ней ходит, мечта?

— К чему она нам? Чтобы мы, не зная, что сегодня на ужин, мечтали, не дадут ли нам чего вкусненького? Или чтобы надеяться, не произойдет ли чего интересно-

го, когда завтра выйдем погулять? Да забудь ты наконец о своих мечтах!

VI

Запах сырой земли резко ударил в нос.

— Ну и вонища тут! — Морща нос, Донхо оглядел комнату.

Видно было, что стены оклеили газетными обоями слишком рано, не дав глине обсохнуть, поэтому местами были вздутия и складки.

Это довольно большое питейное заведение находилось недалеко от шоссе, ведущего из Хвачона в Чупхарён, и состояло из шести-семи комнатушек, наскоро пристроенных друг к другу. Девушек для клиентов здесь было человек шесть. Наверняка хозяин заведения рассчитывал обслуживать не только военных с базы в Сотхогоми, но и всех проезжих.

— Да, ты у нас нюхач, — подшутил Хёнтхэ.

Это он сказал товарищам, что нашел отличное место, и притащил их сюда. Посмотрев на Юнгу, Хёнтхэ продолжил:

— А помнишь, как нас тогда переместили в тыл, где не было ни одной живой души? Донхо еще сказал, что пахнет пудрой. Я думал: что за бред он несет? И тут вправду из-за угла появилась девушка. Да, нужно признать, нюх у него отменный. У людей такого не бывает... Слушай, Донхо, если уж тебе так не нравится запах сырой земли, посади эту девушку рядом и нейтрализуй его.

Сказав это, он попросил девушку, которая сидела между ним и Юнгу, сесть рядом с Донхо.

— Не надо, оставайся на месте. Ты же сам сказал, что у меня отличный нюх, так что я и отсюда все запахи чувствую.

— Господин, может, вам лучше позвать еще девушек?

— Точно, так и сделаем. У вас вроде сегодня клиентов маловато, зови других.

Хлопнув в ладоши, девушка позвала прислугу и приказала привести еще двух.

Все три девушки — и та, что сидела с ними с самого начала, и те, что пришли потом, — обслуживали в основном солдатню, поэтому выглядели не особо опрятно. Белыми у них были только накладные воротнички на платьях.

Две из них особой красотой не отличались, но были пухленькими и на вид здоровыми. Только та, что сидела рядом с Донхо, оказалась другой: узкое лицо, заостренный кончик носа, тонкая шея. К тому же выцветшая желтая кофточка традиционного костюма придавала ей болезненный вид. Ровный лоб и ясные, черные глаза отличали ее от девиц из таких заведений, которые чаще всего отталкивали его своим внешним видом.

— Вы, девушки, из каких краев? — спросил Хэнтхэ, закуривая сигарету.

— Ой, мы забыли вам представиться.

Девушка, с самого начала сидевшая с Хэнтхэ, назвала свое имя и сказала, что родом из города Чунчон.

Та, что обслуживала Юнгу, была из Пхочона, а девушка рядом с Донхо сказала, что приехала из Сеула.

— Из Сеула, говоришь? Дальняя у тебя получилась командировочка, — пошутил Хэнтхэ.

— А вот и нет. У нас есть девушка даже из самого Мокпхо.

— Да ты что? Так у нее, значит, целая экспедиция получается.

В комнату занесли выпивку и кастрюльку острого супа с минтаем и тофу.

Они сидели и пили, перекидываясь шутками.

— Мужики, слышали, демобилизоваться нам будет не так-то легко? — задал вопрос Юнгу и посмотрел на Хэнтхэ.

— Да, сначала ходили слухи, что солдат-студентов уже скоро отпустят на гражданку, да видно, так не получается. Говорят, нужно ждать еще как минимум до следующей весны.

— А правда, что в конце ноября нас опять отправят на передовую?

— Говорят, да. Теперь всю зиму придется просидеть в снегах на перевале Чупхарён. Вот только жалко нашего Донхо. Хотя, кто знает, может ему понравилось ждать встречи со своей любимой. В общем, мужики, пока мы здесь, нужно вдоволь наслаждаться выпивкой и женщинами.

— А можно мы тоже выпьем?

— Пейте, только потом без фокусов. Хоть убей, терпеть не могу, когда бабы напиваются и устраивают сцены.

Девушка из Чунчона, сидящая рядом с Хёнтхэ, наполовину наполнила стакан, занесенный на всякий случай, выпила и передала его сеульской девушке. Та отказалась, покачав головой. Сделала она это как-то неестественно резко.

Стакан перешел к девушке Юнгу из Пхочона. Она почти до краев сама налила себе, в несколько глотков осушила стакан и, шутливо скорчив лицо, передернулась.

— Молодец, умеешь пить.

— Ой нет, что вы. Вообще-то, Окчжу у нас лучше всех пьет. А чего это ты сегодня отказываешься?

— Вчера вечером так перебрала, что до сих пор живот крутит, — ответила девушка, сидевшая рядом с Донхо.

Девушка Юнгу, словно о чем-то вспомнив, вдруг сказала:

— А знаете, вчера тут проходили солдаты и рассказывали, что позавчера возле электростанции один солдат скатился на машине вниз и погиб.

— Это возле электростанции Куманни, что ли?

— Да, видно, ехал на джипе, не так повернул руль и полетел с обрыва в воду.

Похожий несчастный случай уже происходил, когда Хёнтхэ лежал в госпитале Куманни. Речь шла о пятнадцатикилометровой дороге, идущей вдоль плотины и соединяющей районы Куманни и Оымни. Она проходила на высоте нескольких метров, а внизу простирались глубокие синие воды. Стоило водителю хоть на секунду отвлечься, как машину заносило прямо в воду. Место было такое, что не представлялось возможности вытащить ни пострадавшего, ни машину.

— Да, выходит, отслужил еще один сухопутно-воздушно-морской солдат.

Девушка Хёнтхэ поинтересовалась:

— Как вы сказали? Сухопутно-воздушно-морской? А что это?

— А ты не знала? Ехал на джипе, значит, сухопутный, полетел с высоты — воздушный, упал в воду — морской, вот и выходит, что служил он в сухопутно-воздушно-морских войсках.

Две девушки громко рассмеялись, удивляясь тому, как Хёнтхэ удачно все придумал. А сеульская девица совершенно серьезно сказала:

— Вот бы мне так умереть.

— В смысле?

— Хочу тоже поехать так на всей скорости на джипе, взлететь и полететь прямо в воду. Как, наверное, хорошо-то! И тело потом не найдут.

— Это ты вместе с любимым человеком так хочешь?

— А если с любимым, так и того лучше... Только не так, чтобы любить да любить, и только потом, в конце жизни, умереть. Лучше умереть вместе с человеком, которого любить тебе нельзя, и именно в тот момент, когда почувствуешь, что жить без него не можешь.

— Вишь, какая сентиментальная. Только в наши времена под такие душещипательные истории люди не пьют. Они никуда не годятся. Даже играть в «камень, ножницы, бумагу» и давать пить проигравшему и то будет интереснее, чем слушать подобную чепуху.

Они уже опустошили один чайник с выпивкой, и им принесли новый. Девушки возле Хёнтхэ и Юнгу тоже время от времени наливали друг другу.

Девушка из Сеула же вытащила из пачки на столе две сигареты, прикурила одну и дала ее Донхо, а вторую закурила сама. Донхо сигарету взял, но курить не стал. На ней были следы красной помады. Не столько потому, что он брезговал следами губ женщины из такого заведения, просто ему отчего-то не хотелось прикасаться к ней своими губами. Он немного замешкался, затем незаметно опустил руку с сигаретой под стол, оторвал замазанный конец и только потом взял ее в рот.

Сеульская девушка глубоко затянулась и, выпустив дым, неожиданно залпом опрокинула стакан Донхо. Затем опять наполнила его и всучила в руки Донхо. Он отпил с той стороны, где не было следов ее губ, и поставил стакан на стол. Как всегда, он за весь вечер не выпил и половины того, что выпили Хёнтхэ и Юнгу. Ему по-прежнему было непонятно, почему Хёнтхэ так нравится ходить по таким местам. Он сидел и не мог дожидаться, когда Хёнтхэ с Юнгу допьют и пойдут развлекаться дальше.

Девушка из Сеула поторопила Донхо осушить стакан. Казалось, она не столько предлагала ему выпить, сколько хотела, чтобы он освободил стакан и передал его ей. Донхо ничего не оставалось, как выпить содержимое до дна.

— Вот и молодец! Выходит, когда выпить предлагает девушка, ты не отказываешься, — с усмешкой заметил Хёнтхэ, выставив белые на фоне загоревшего лица зубы.

Не успел Донхо передать стакан девушке, как она сразу же потребовала наполнить его. Залпом выпив содержимое, она налила по новой и всунула стакан обратно в руки Донхо. Увидев, что он пить не собирается, девушка отобрала стакан и выпила сама. Донхо украдкой посмотрел на нее. На висках ее проступили вены, а щеки залились румянцем. Он никак не мог понять, почему эта девушка с таким рвением выпивает стакан за стаканом, ведь незадолго до этого она сама сказала, что плохо чувствует себя из-за выпитого накануне.

Когда они уже приканчивали второй чайник, Хёнтхэ встал, делая вид, что ему нужно сходить по нужде, и вышел из комнаты. Вслед за ним вышла и обслуживавшая его девушка из Чунчона.

— Вам еще принести? — спросила девушка из Сеула, налив себе оставшуюся в чайнике выпивку.

— А может, хватит? — спросил Донхо у Юнгу.

— Не знаю... Хёнтхэ вернется, потом решим...

Сказав это, он тоже встал и вышел. За ним вышла девушка из Пхочона.

Немного погодя из-за двери позвали сеульскую девушку. Розовощекая, она недовольно вздернула свой острый носик и вышла из комнаты.

Донхо с безразличием уставился на грязный стол, на остатки супа в кастрюльке, рыбы кости, сигаретный пепел, остатки выпивки и ждал, когда вернутся Хёнхэ с Юнгу. Слышно стало, как во дворе о чем-то тихо переговариваются, затем дверь приоткрылась, и девушка из Сеула, просунув лишь голову, попросила его выйти к ней на минутку. Донхо в недоумении встал и вышел.

Девушка провела его мимо комнаты, из которой раздавались громкие голоса подвыпивших людей, и очутилась с ним на заднем дворе. Донхо плелся вслед за девушкой и думал: «Может, они решили подшутить и сидят пьют в другой комнате?»

Добравшись до какой-то комнатухи на заднем дворе, девушка остановилась и открыла дверцу, потянула Донхо и втолкнула внутрь. Затем зашла вслед за ним и закрыла дверь на крючок.

На улице еще было светло, но в комнате с маленькой дверцей, оклеенной бумагой, было довольно темно. Здесь еще сильнее пахло сырой землей, будто сюда никогда не проникал солнечный свет.

Он стоял и не понимал, в чем дело. Перед ним на полу была расстелена постель. Миг спустя девушка уже растянулась на одеяле, на ней было только нижнее белье. Лишь сейчас Донхо понял, что к чему.

В голове у него пронеслась мысль, что тело ее не совсем естественное. Лицо ее было худым, шея — тоненькой, в общем, имела она нездоровый вид, но женские формы ее, вопреки ожиданиям, оказались довольно-таки пышными: узкие плечи и высоко поднимающиеся груди; тонкая талия контрастировала с бедрами, которые оказались настолько богатыми, что явно не соответствовали по размерам всей фигуре. Вдруг перед глазами Донхо всплыл образ Суги. Он подумал, что в таком месте нельзя думать о ней и что нужно немедленно выйти отсюда.

Глаза Донхо успели привыкнуть к темноте, и он различил темное пятно промеж раскрытых ног лежащей на полу девушки. Его захлестнуло чувство отвращения и брезгливости. Он подумал, что сейчас самое время развернуться и уйти.

— Выходит, я вам не нравлюсь? Считаете меня грязной женщиной?

Девушка вскочила с постели, подошла к нему вплотную и продолжила:

— А там, в комнате, за столом... Я вам прикурила, а вы отломили сигарету. Побрезговали тем, что я прикоснулась к ней своими губами, да? А мне вот все равно...

Донхо почувствовал, как его обдало запахом дешевой косметики и женского тела. Девушка крепко схватила его руку и потянула ее к себе. От того румянца, который заливал ее, не осталось и следа.

Он подумал, что нужно вырваться из ее рук. Но она так настойчиво добивалась его, что он не мог ничего поделать и просто поддался ее воле.

Донхо старался сосредоточиться на чем-нибудь другом. «Нижняя часть у нее оголенная, и ей наверняка холодно. Ведь комната совсем не топится».

Женщина расстегнула пуговицы на его брюках. Донхо повиновался ей и опустил на колени. Он вошел в нее.

Через некоторое время женщина, словно освобождаясь от тяжелого груза, оттолкнула его, поднялась и, подбирая одежду, стала одеваться.

— Я свое дело сделала. Теперь можете идти, куда хотите. Ваш товарищ обещал заплатить за вас, — сказала она формально-равнодушным тоном и вышла из комнаты.

Оказалось, что Хэнтхэ в шутку сказал ей, что если она сможет уложить Донхо в постель, то он за него заплатит. Он, конечно, и не предполагал, что у нее это получится. Ведь он был уверен, что никакая женщина не сможет переспать с ним.

Выйдя на улицу, Донхо не стал заходить в комнату, в которой они пили. Он сразу вышел за ворота и направился в сторону базы. Прохладный ветер обдувал его лицо.

По дороге ему пришла мысль, что он был только что изнасилован женщиной. Но эта глупая и нелепая мысль несколько его не рассмешила. Больше всего его волновало то, что часть его тела стала грязной. Справляя нужду, он попытался обмыть свой член мочой. Но казалось, что, наоборот, грязь расплзлась по телу еще больше. Он закурил. После нескольких затяжек из глубины его желудка вдруг стала подниматься жуткая тошнота. Он присел на корточки прямо на дороге. Его тошнило, но рвать было нечем, и желудок выворачивало.

Сзади к нему кто-то подошел, он услышал голос Хёнтхэ:

— Приятель, и чего это ты так быстро сделал оттуда ноги, что забыл даже свои вещи?

Он накинул на голову Донхо военную шапку.

Донхо продолжал тошнить. Тело его содрогалось, и шапка чуть было не упала. Хёнтхэ перехватил ее и натянул ему на голову, а затем стал легко постукивать и гладить его рукой по спине:

— А ты, оказывается, не калека. Я сегодня с ней поспорил — и проиграл.

Донхо было неприятно, что рука Хёнтхэ прикасается к нему.

— Не трогай меня!

Юнгу, стоящий рядом, закрутил бумагу на половинку сигареты, закурил и сказал:

— Не трогать тебя? Ишь ты, недотрога! Только не говори, чтобы потушили лампочку. Карбидную лампу, может, и затушим, а вот солнечный свет ведь не выключишь.

Хёнтхэ смотрел сверху на Донхо, которому становилось немного легче, и с улыбкой на лице сказал:

— Ничего не поделаешь, не так-то легко стать настоящим мужчиной.

VII

В жизни бывают такие случаи: хочешь перепрыгнуть через канаву, но оступаешься и одной ногой попадаешь

прямо в воду. Довольно-таки неприятная ситуация. Если же в канаве была грязная или помойная вода, злишься еще больше. Но если ко всему прочему на тебе была новая обувь, то гневу твоему не будет предела. Можно ведь было сделать разбег побольше и перепрыгнуть без всяких приключений? Тут, в конце концов, возникает желание плюнуть на все, ступить в воду второй незапачканной ногой и прыгать сколько душе угодно. Что-то похожее происходило сейчас и в душе Донхо.

В этот день, вернувшись на базу, он до глубокой ночи не мог заснуть, его мучили угрызения совести и чувство раскаяния за свой поступок. Да, безусловно, его застали врасплох. Да, это были всего лишь произвольные физические движения. Даже если это произошло неожиданно и не по его воле, нужно признать тот факт, что возможность избежать отношений с той женщиной у него была. Не оставалось ничего другого, как признать, что ему не хватило силы воли. Раскаяние не переставало грызть его душу.

Терзания не оставили Донхо и на следующий день, когда он пошел на учебную стрельбу. В начале он еще как-то целился, но потом мишень стала казаться ему оскверненным собственным членом, а перед глазами накладывались друг на друга образы Суги и вчерашней девицы, и он стал как попало нажимать на курок. Командир взвода, стоявший сзади, орал на него: «Ты что, придурок, первый год служишь? Даже стоять правильно не умеешь! Целься в мишень и стреляй, не торопись!»

Однако проходили дни, и Донхо стал думать, что переживания его неуместны и глупы. Он просто поступил так, как поступил бы на его месте любой другой мужчина. Донхо даже рассердился на себя за излишнее малодушие. Почему бы не отнестись к этому инциденту, как все другие? Ведь он по-прежнему всей душой любит Суги. Да что говорить, сейчас он скучает по ней даже еще больше. Просто его никчемная чистоплотность в отношениях заставляет его мучиться без особой на то причины. Хэнтхэ прав, пора избавляться от этой нудной идеи целомудрия, которую лелеют лишь молоденькие девчонки.

Получив с товарищами очередную увольнительную, Донхо предложил Хёнтхэ пойти в то же питейное заведение с девушками.

— Ничего себе, событие! Это ты сам предлагаешь туда пойти?! Ну хорошо, пойдем, отметим! Ты ведь теперь у нас настоящий мужик.

Они протопали вдоль наспех сделанного из прутьев забора и вошли в деревянные ворота. Девушка из Пхочона, сидевшая в прошлый раз рядом с Юнгу, первая узнала их и радостно поприветствовала:

— Добро пожаловать! Я так и думала, что вы сегодня к нам заглянете.

Когда они заглянули в комнату, в которой по-прежнему стоял резкий запах сырой глины, и стали рассаживаться по местам, явилась девушка из Чунчона, обслуживавшая Хёнтхэ. Она радостно присела рядом с ним и положила руку ему на колено.

Донхо заметил, что у этой кокетливо улыбающейся девушки во рту золотой зуб. Помнится, он видел его и в прошлый раз. Донхо пригляделся к нему повнимательнее. Зуб был неестественно красного оттенка и совсем не блестел. Наверняка меди в нем больше, чем золота. Донхо остался доволен собой, ему было приятно осознавать, что на этот раз он расслабился настолько, что мог думать даже о таких мелочах.

— Что будете заказывать? Можете взять настойку, а на закуску у нас есть суп в котелке, салат из фунчозы, фасовый студень и овощные жареные лепешки.

— Неси нам фунчозу и студень. Только вот...

Тут Хёнтхэ посмотрел сначала на Юнгу, потом на Донхо.

— Может, позовем других девушек?

Юнгу кивнул в знак согласия.

— А мне ту же, — поторопился ответить Донхо.

Он почему-то был уверен, что сегодня ему нужно побыть именно с той сеульской девушкой, мысли о которой так долго мучили его.

— Помнишь, там у вас была девушка из Мокпхо? Зови ее, потом ту девушку из Сеула, которая вот этого парня

обслуживала, и еще какую-нибудь другую, — сказал Хёнтхэ сидящей рядом девушке.

— А почему? Я вам чем-то в прошлый раз не угодила? — обиженно спросила она.

— Да нет. Просто хотим новых ощущений.

— Сейчас никого уже нет, все заняты гостями.

— Ну, тогда мы подождем, пока они не освободятся.

— Да хватит вам упрямиться. Сегодня я вам обязательно поправлюсь.

— А мне можно остаться? — спросила девица, сидящая рядом с Юнгу, натянуто улыбаясь и заглядывая ему в глаза.

Юнгу сидел молча, делая вид, что ничего не слышит. Судя по всему, он решил в этом деле положиться на Хёнтхэ.

— Что у вас тут за обслуживание такое? — немного повысил голос Хёнтхэ.

Затем резко добавил:

— Мне что, нужно обязательно вашего хозяина позвать, чтобы вы меня поняли?

В другой раз Донхо обвинил бы Хёнтхэ в том, что тот нисколько не считается с гордостью девушек, но в этот вечер он, наоборот, позавидовал его решительности.

Две девицы сделали обиженные лица и надменно вышли из комнаты, не удосуживаясь придерживать развевающиеся юбки.

— С ними больше одного раза общаться не стоит. Хотя... что эти, что другие — один черт, — пробурчал Хёнтхэ, поднося зажигалку к сигарете и закуривая.

В комнату занесли столик с выпивкой, и вошли две новые девушки.

— Кто из вас из Мокпхо?

Одна из девиц поклонилась и собиралась уже подсесть к Хёнтхэ, но он указал ей на место рядом с Юнгу:

— Нет, иди лучше к нему. Это он у нас таких любит.

Юнгу притянул девицу за руку и усадил рядом с собой.

Донхо подумал про себя, что из всех работающих в этом заведении женщин девица из Мокпхо выглядит старше всех. Однако ее продолговатое лицо было довольно

приятным, а пухлые губы казались даже чувственными. Он вспомнил, как однажды Хёнтхэ сказал, что Юнгу только на вид парень стеснительный, на самом же деле — ужасно хитрющий, поэтому выбирает себе девиц постарше, таких, которые из-за своего возраста больше стараются угодить клиенту. «Скорее всего, так оно и есть», — согласился про себя Донхо.

Вторая девица, приехавшая из города Каннын, была с неправильным прикусом, нижняя челюсть ее чуть выдавалась вперед.

— А почему еще одна не идет? — набравшись смелости, спросил Донхо, поднимая стакан. Он и сам почувствовал, что сказал это неестественно громко. «Так не пойдет, нужно говорить как можно непринужденнее».

— Вы это о ком? — спросила девица из Мокпхо.

— Ну, та, что из Сеула.

— Ах, так это вы про Окчжу? Она сейчас в другой комнате с клиентом.

Возможно, Донхо и в прошлый раз слышал ее имя, просто не запомнил. Теперь же он решил точно запомнить, что девушку из Сеула зовут Окчжу.

Они сидели за пустыми разговорами и выпили уже почти весь чайник, а Окчжу все не появлялась.

— Может, какую-нибудь другую позовем? — спросил Хёнтхэ у Донхо.

— Да нет, не стоит.

— Ну, ты, парень, даешь. Видно, она сразу запала тебе в душу. Эй, милашка из Мокпхо! Позови-ка на минуту эту Окчжу.

Девушка из Мокпхо хлопком вызвала официанта, приказала принести еще выпивки и позвать Окчжу.

Немного погодя официант принес чайник с настойкой и сказал, что клиент Окчжу скоро уходит.

Эти слова вызвали в Донхо противоречивые чувства. Что он будет делать, если Хёнтхэ и Юнгу, закончив с выпивкой, выйдут со своими девицами, а Окчжу так и не появится? Лучше бы так оно и случилось. Тогда он сможет просто выйти отсюда и вернуться на базу. Но в то же время

он прекрасно знал, что при таком раскладе душевного покоя ему не обрести. Если он уйдет, так и не встретившись с Окчжу, его жалкое целомудрие будет вечной тенью преследовать его и не давать житья. Нужно воспользоваться случаем и освободить себя от этого никчемного чувства. А для этого он должен дожидаться Окчжу. Он был уверен: в какие бы отношения он с ней ни вступал, его чистая любовь к Суги не изменится. Донхо осушил свой стакан, передал его девице из Мокпхо и предложил:

— Ну, выпей и ты.

Затем он налил ей и спросил:

— Ты сюда прямиком из Мокпхо приехала?

— Нет, сначала была в Чончжу, Пусане, Тэгу и только потом сюда попала.

— Выходит, продвигалась с юга на север. А дальше куда?

— Кто знает, только ведь дальше тридцать восьмой параллели все равно не уедешь.

Девушка из Мокпхо выпила и вернула стакан Донхо.

Он опять налил в него и выпил, стараясь не обращать внимания на тот край, где остались следы ее губ.

Затем Донхо передал стакан девице из Каннына.

— Вот дает! Всю неделю ходил с утрюмой рожей, а сегодня, видно, в настроении, — подтрунивая, сказал Хёнтхэ.

Донхо почувствовал укол совести. Он прекрасно знал, что на самом деле просто изо всех сил пытается вести себя так, как вели бы себя на его месте другие мужики. Он надеялся, что выпивка поможет ему.

Вдруг из соседней комнаты послышалось женское пение.

Девушка из Каннына, сидевшая рядом с Хёнтхэ, прислушалась и сказала:

— Это Окчжу поет. Видать, ее клиент до сих пор не ушел.

Голос Окчжу был хриплым и низким. Он совсем не вязался с ее внешностью. Вдруг перед Донхо всплыл ее образ: большая грудь и широкие бедра, так контрастирующие с тонкой и стройной талией. Он осушил очередной стакан.

Мужской голос перехватил мелодию. Донхо не особо разбирался в песнях, которые поют в таких заведениях, но и ему было понятно, что поет тот хорошо.

— Это руководитель местной молодежной организации, — объяснила девица из Каннына, хотя никто ее об этом не спрашивал.

Справа от военной базы возвышались горы, а в глубокой ложбине меж них располагался поселок домов из тридцати. Он был удален от большой дороги, поэтому, в отличие от других поселков, пламя войны обошло его стороной. После заключения соглашения о перемирии жители вернулись в свои дома и жили здесь почти так же, как и до войны.

— Он ее постоянный клиент? — спросил Донхо у девицы из Каннына.

— О таких вещах не спрашивают, — пожурила его девица из Мокпхо.

Она попыталась развеселить гостей:

— А давайте и мы споем!

— Отличная идея, начинай! — поддержал ее Донхо.

На вид она казалась совсем трезвой, только глаза были немного влажными. Все знали, откуда она родом, поэтому она решила спеть песню о родном городе «Слезы Мокпхо»:

— *Слышатся звуки песни паромщика, плещутся волны у берега Самхакдо, а на пристани девушка льет слезы, слезы разлуки...*

Донхо, знавший эту песню, начал было подпевать, но потом передумал:

— Хватит, хватит. Слишком заунывная. Давай другую.

Девица из Мокпхо нисколько не обиделась и предложила девице из Каннына спеть песню о ее краях — «Канвондо Ариран».

Опьяневшая и покрасневшая до ушей девица из Каннына запела:

— *Не цветы, ризинка, не цветы, камелия, не береги душу девицы, что живет в горах...*

Донхо посмотрел на впалый рот девицы и подумал, что поет она неплохо, плавно переходит от одной мелодии к другой:

— *Арии-ран, аарии-ран, аараа-риио, аари-ран, когэро...*

— Погоди-ка, — неожиданно прервал ее Донхо.

Он на время забыл о соседней кабинке, но сейчас вдруг понял, что пение там уже прекратилось. Ему так хотелось узнать, что же теперь, когда песня закончилась, делает тамошний гость: продолжает пить или собирается уходить? А может, они с девицей ушли в другую комнату? Какая-то непонятная тревога охватила Донхо.

Наконец стало слышно, как из соседней комнаты выходят. Донхо весь превратился в слух. Судя по всему, гость покидал заведение. Вскоре раздался стук приближающихся женских каблуков. Донхо сделал легкий выдох и поднял стакан.

Хёнтхэ, все это время кутивший и наблюдавший за Донхо, спросил:

— И чего это ты сегодня так напиваешься?

Окчжу вошла в комнату, она была немного пьяна. Как и в прошлый раз, на лице ее выступил легкий румянец, отчего заостренный кончик носа казался еще блее. Какая-то мысль бросила Донхо в краску, и он отвел глаза в сторону.

Окчжу же, напротив, совершенно невозмутимо поздоровалась с гостями и села рядом с Донхо. Затем, продолжая действовать согласно этикету заведения, предельно вежливо по очереди налила выпивку сначала Хёнтхэ, потом Юнгу и, наконец, Донхо. То, что она вела себя так, словно между ними ничего не произошло, успокоило его.

Хёнтхэ протянул свой стакан Окчжу и сказал:

— Спасибо тебе за то, что сделала нашего друга настоящим мужчиной. За твоё здоровье!

— Скажете тоже!

На ее тонких губах промелькнула не то улыбка, не то усмешка. Она приняла стакан от Хёнтхэ левой рукой. Донхо подумал, что, возможно, она была левшой.

Когда они опустошили второй чайник, Донхо заказал еще один.

— А тебе плохо не будет? — удивленно спросил Хёнтхэ.

— Ничего подобного! При желании могу и больше выпить!

— Да ему сейчас и море по колено. Только ведь пить научился.

Донхо и вправду впервые пил так много, но сознание его продолжало оставаться ясным.

— Окчжу, спой-ка нам ту песню, которую ты в той комнате пела, — попросил Донхо, смотря на нее в профиль.

— Какую такую песню? — спросила она, не оборачиваясь к нему. Острый носик делал ее профиль еще изящнее.

— Ну... «Ветер, ветерок»... Что-то вроде того.

— Это он про песню острова Чечжу, — пояснила девица из Каннына.

Окчжу ничего не сказала, только взяла со стола сигарету, затянулась один раз и запела:

— *Мой любимый вышел в море. Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле...*

Две остальные девицы, отбивая такт палочками для еды, подпели ей:

— *Ты да я, живем мы гладко, день и ночь мы любим сладко...*

— Да, вот так и надо. Любимый вышел в море... Ветер, ветерок... Сколько дней, говорите, дуть? Да-да, дней сто... Хорошо, вот это хорошо, — бормотал себе под нос Донхо. Губы его от выпитого стали ярко-красными.

Когда из вновь принесенного чайника все выпили стакана по два, Хёнтхэ шепнул что-то на ухо девице из Каннына, и они вместе вышли из комнаты. Юнгу, толкнув свою девицу в бок, вышел с ней вслед за ними.

Донхо подумал про себя: как легко они договариваются, — а сам сидел и никак не мог придумать, каким образом намекнуть об этом Окчжу. Почему же он не встал сразу за приятелями и не позвал Окчжу с собой? Тогда бы все вышло легко и просто. Постепенно его охватило волнение. И чем больше он волновался, тем больше терялся и не знал, как предложить ей выйти вместе, чтобы это выглядело естественно. «Теперь не остается ничего другого, придется сидеть и ждать, пока они не вернуться», — подумал Донхо. Но эта мысль промелькнула лишь на поверхности его сознания. В глубине же души не переставал раздаваться отчаянный крик: «Сегодня я должен сделать то, для чего сюда пришел. Не то придется каждый

раз мучиться угрызениями совести за свое малодушие». Он решил выпить еще и только сейчас понял, что от волнения у него совсем пересохло во рту.

— А вы что будете делать? — тихо и спокойно спросила его Окчжу. От той заносчивости, которую она проявила в прошлый раз, не осталось и следа. Ее тихий и спокойный голос придал ему смелости. Вставая с места, он похлопал ее по хрупкому плечу и потянул за собой.

Окчжу пошла впереди и повела его в ту же комнату, где они были в прошлый раз. Сегодня она сама первая вошла в нее, а когда Донхо зашел за ней, закрыла дверь на крючок. Как и тогда, запах сырой глины резко бил в нос.

На этот раз, когда Окчжу легла на расстеленное одеяло, Донхо сам расстегнул брюки и опустился на колени. После того как все закончилось, она не оттолкнула его, а тихо встала и начала одеваться. Все прошло банально просто. Неужели он столько мучился всего лишь из-за такого пустяка? Каким же он был глупцом!

Когда девица оделась, Донхо достал из кармана шесть-семь купюр.

— Наверное, ваш товарищ за все заплатил.

— Все равно, возьми.

Девушка взяла деньги и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

Смотря на ее удаляющиеся узкие плечики, Донхо почувствовал какую-то неудовлетворенность и сожаление.

Со следующего дня во время учебной стрельбы Донхо изо всех сил пытался сосредоточиться и попасть в цель, активно участвовал во всех военных учениях. Такое же рвение он проявлял и при ремонте барачков, и при уборке территории, а во время перекуров не переставая болтал с товарищами о пустяках. Словом, всеми силами пытался сделать так, чтобы не оставалось времени для размышлений в одиночестве. В душе он боялся, что мысли о Суги, уловив момент, снова проникнут в голову.

Нет, он не думал, что его чувства к любимой изменились. Как и прежде, он дорожил ею и любил ее. Чувства

к Суги — это одно, а сейчас его волновало другое. Донхо хотелось начисто разобраться с теми беспорядочными эмоциями, которые неожиданно ворвались в его теперешнюю жизнь.

До того как избавиться от идеи целомудрия, он долго боролся с самим собой, но когда наконец добился близости с Окчжу, все прошло до нелепости просто. Теперь ему не давала покоя та непонятная неудовлетворенность, которую он испытал, провожая взглядом ее узкие плечи. Пока он не разберется с этим, он не успокоится.

В следующий раз, получив увольнительную, товарищи отправились в кабак, сколоченный из фанеры на скорую руку. Когда они уже прилично выпили, Хёнтхэ с Юнгу решили развлечься с новыми девушками, а Донхо опять пошел к Окчжу.

Он прошел вдоль того же забора из прутьев и добрался до деревянных ворот. Из них вываливался какой-то полупьяный мужик. На вид ему было лет сорок. Когда он проходил мимо, Донхо подметил, что мужик одет в костюм защитного цвета. О чем-то вспомнив, Донхо развернулся, чтобы взглянуть его. Мужик был приземистый, полноватый, он топал, разводя носки в стороны и широко размахивая руками.

Как раз в тот момент, когда Донхо вошел в ворота, Окчжу открыла дверь кабинки и начала убирать со стола. Увидев Донхо, она удивленно приподняла брови и как-то странно улыбнулась.

— Добро пожаловать!

— Тебе смешно, что я один?

— Да нет. Проходите в комнату.

Она позвала официанта и велела ему убрать со стола.

— Когда вы заходили, у вас был такой серьезный вид, что мне стало смешно. Кто же такой походкой идет в увеселительное заведение?

Донхо был уверен, что выпитое до прихода сюда придало ему некоторую уверенность. Но то, что эта уверенность выглядела неестественной и Окчжу это заметила, задело его. Теперь, хотя бы для того, чтобы забыть об этом, ему нужно было выпить еще.

— Скажи, пусть скорей несут выпивку.

Когда подали спиртное, Донхо опрокинул два стакана подряд, потом передал Окчжу и налил ей. Она почти не пила, только пригубила несколько раз.

— Ты же сказала, что хорошо пьешь.

— Я уже выпила. Днем больше нельзя. Мне еще других гостей надо принимать.

Всю заказанную выпивку Донхо выхлестал почти один.

— Вам еще принести?

Донхо отрицательно покачал головой, схватил Окчжу за руку и встал. Ему хотелось поскорей остаться с ней наедине в другой комнате. Это его желание и то, как он потянул ее за руку, уже казались вполне естественными.

— Сначала рассчитайтесь.

Он заплатил за выпивку.

— Вы должны заплатить еще...

Оказалось, что за дальнейшее нужно было платить вперед. Донхо всунул ей в руки все, что осталось у него от месячной полочки. Выходило что-то около семисот хван.

Они пошли в ту же комнату, и, когда она уже собралась раздеваться, он рукой остановил ее:

— Подожди, Окчжу.

Она остановила руку, развязывающую узелок на жакете, и недоуменно посмотрела на него.

— А ведь ты левша, правда?

Эти слова вызвали у нее еще большее недоумение, и она спросила:

— Ну и что с того?

— Да так, просто. Знаешь, я хотел бы побольше о тебе узнать.

— О чем это вы?

— Ну, например, какая ты на самом деле.

Она нервно рассмеялась и сказала:

— А почему вы об этом спрашиваете с таким серьезным видом? Ну, раз уж вам это интересно, расскажу. Мое настоящее имя Че Менъэ, мне двадцать три года, родилась в Сеуле, в двадцать один вышла замуж...

— Ты мне не о прошлом, а о настоящем расскажи...

— О настоящем? Вы же знаете, все меня здесь зовут Окчжу, работаю дешевой проституткой... Продаю себя и за пятьсот хван, и за триста...

— Нет, лучше скажи... Тебе кто-нибудь нравится?

— Это мне-то? Да много кто. Мне нравится каждый, кто мне платит.

— Не язви, пожалуйста. Тот мужик, который до меня сюда заходил, — это тот самый руководитель молодежной организации?

— А вам-то что?

— Да это я так спрашиваю. Он ведь и в прошлый раз здесь был, выходит, каждый день к тебе приходит?

Она весело рассмеялась и, глядя на него, словно на наивного мальчишку, спросила:

— А что, нельзя?

— Не то чтобы нельзя...

— Хватит об этом, делайте свое дело скорей. Если мы будем тут слишком долго, получу нагоняй.

Быстрыми движениями рук она стала снимать с себя одежду.

— А сколько за ночь нужно платить?

— За всю ночь? Две тысячи хван.

В этот день, как и раньше, все закончилось быстро, это было чисто механическое движение тел. Но наблюдая за тем, как она подбирала одежду и одевалась, он почувствовал, что они стали ближе.

Они вышли из комнаты на улицу. На свежем воздухе мысли прояснились, но в то же время Донхо почувствовал какое-то опустошение, которое приходит после сильного напряжения или возбуждения. Только теперь выпитое начало давать о себе знать. Такое состояние ему понравилось. Он возвращался на базу неуверенной походкой. Шел и, сам того не замечая, напевал себе под нос:

— *Мой любимый вышел в море... Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле... Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле...*

Какой-то встречный прохожий остановился и спросил у него:

— Сержант Юн, не вы ли это?

Это был сержант Ан. Донхо поднял руку в знак приветствия и прошел мимо. Ан бросил ему вслед:

— Вы откуда?

Донхо ничего не ответил.

— Совсем пьяный.

— Да-да, отлично погулял.

— А вы, случайно, старшего сержанта Сону не видели?

— Знать ничего не знаю.

— Да вы и вправду совсем пьяный. Так ведь нельзя, здоровье погубите.

Донхо, ничего не отвечая, пошел дальше своей дорогой и продолжал напевать:

— *Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле...*

Когда он вернулся на базу, Хёнтхэ и Юнгу были уже на месте. Донхо крикнул им:

— Эй, парни, слушайте! Сейчас я пребываю в самом чистом состоянии. Настолько чистом, что какая бы красавица рядом со мной ни сидела, я и глазом не моргну. Я начисто отошел от жалких человеческих чувств, никого не люблю, никого не ненавижу и чувствую такую легкость бытия... Ветер, ветерок и тайфун в придачу, да дуйте вы не сто дней, а хоть сто лет, мне будет все равно...

Он прошел мимо Хёнтхэ, завалился на свою постель — и через несколько минут послышался храп. С этого дня он запил по-другому, не так, как раньше.

Там, где располагалась разведывательная рота Донхо, армейского кабака не было, поэтому им приходилось ходить на территорию стрелкового батальона. Чтобы солдатам было удобнее, командир роты договорился со штабом, и несколько дней назад у них открылась своя питейная лавка. Здесь было довольно убого: сбоку от кухни установили полки, на которых лежали товары первой необходимости, дешевое печенье, сушеные кальмары да несколько бутылок спиртных напитков.

Донхо по талонам покупал в этой лавке выпивку. Время от времени Хёнтхэ и Юнгу захаживали туда вместе с ним, но в основном он пил там в одиночку. Здесь он впервые

узнал, что корейский драй джин действует сильнее, чем простое соджу. А еще эффективнее было выпить этот джин после двух-трех чашек рисового вина. Иногда он приносил выпивку прямо в казарму.

— Толком пить не умеешь, а все туда же, — не удержавшись, упрекнул его однажды Хёнтхэ.

— Какая разница? Главное — напиться. А для этого, что ни говори, драй джин лучше всего!

— Эх, ты, дурень! Разве не знаешь, будешь пить по-черному, без нормальной закуски — желудок накроется?

— Да с каких это пор ты стал так заботиться о здоровье? К черту желудок, для душевного здоровья нет ничего лучше выпивки. Самое главное — спится хорошо. Мучает тебя какая-нибудь мысль — выпей, и сразу заснешь.

Однажды, вернувшись из лавки, Донхо долго рылся в своем походном мешке, пока не достал откуда-то со дна связку писем. Вместе с этой связкой он пошел на задний двор казармы. Затем бросил письма на землю, собрал их в кучу и зажег спичку. Листы, охваченные огнем, загибались в разные стороны и дымились. Дым чуть поднимался над землей и тут же растворялся в темноте. Донхо сжег все письма дотла.

Вернувшись в казарму, он сказал в пустоту:

— Хочу, чтобы на душе стало легче. Я просто хочу, чтобы мне стало легче!

В эту ночь Донхо приснился кошмар. Он был один в пустом автобусе, ехал в Инчон, чтобы встретиться с Суги. Шофера не было, а автобус катился сам по себе. От шума мотора закладывало уши, старый драндулет скрипел, все его детали ходили ходуном. «В какой-то части этой машины есть один-единственный болт, который все это удерживает, — подумал Донхо. — Стоит только этому болту выпасть, и машина развалится на мелкие части. Тогда меня тоже вышвырнет куда-нибудь. И всему наступит конец». Тут вдруг автобус поехал вниз по склону и стал набирать скорость. В голове Донхо опять пронеслось: «Эта развалюха до сих пор еще держится только благодаря скорости. Если же она сбавит скорость и в какой-то момент остановится, то

сразу рухнет на месте, как дом после пожара». Дорога, по которой с бешеной скоростью катился вниз автобус, была та самая пресловутая дорога на перевале Вонтеи. Стоит лишь чуточку ошибиться на повороте, и машина непременно перевернется. Донхо закричал во сне: «Это перевал Вонтеи! Перевал Вонтеи!»

— Эй, ты, бредишь, что ли? — разбудил его лежавший рядом Хёнтхэ.

Донхо весь взмок от пота.

Юнгу, спавший по другую сторону от Хёнтхэ, тоже проснулся и проворчал:

— А еще хвастался, что хорошо спишь, когда напиваешься.

— Слушай, Вонтеи — это что? — спросил Хёнтхэ.

Донхо, уставившись в темноту, немного помолчал, а потом ответил:

— Это название ущелья между Сеулом и Инчоном.

— А при чем здесь ущелье?

Донхо больше ничего не ответил, только взял бутылку с джином, стоявшую у изголовья, отпил несколько глотков и повернулся к Хёнтхэ спиной.

За несколько дней Донхо сильно исхудал. Лицо его и до этого было худощавым, а тут щеки запали, большие, ясные глаза провалились и теперь всегда были налиты кровью, даже когда он не был пьян.

В одно прекрасное утро выпал большой иней, а после обеда Донхо получил письмо от Суги. Он уже давно не получал от нее писем. Судя по адресу на конверте, оно было отправлено из Инчона. Значит, она вернулась из эвакуации домой. Донхо, даже не раскрыв конверта, пошел на задний двор и сжег его.

Увидев это, Хёнтхэ спросил:

— Все играешь в чистые чувства?

— Письмом тут не поможешь. Нужно будет встретиться и поговорить лично.

— О чем ты? Чему письмом не поможешь?

— Не твое дело.

В следующую субботу после обеда Донхо попросил Хёнтхэ:

— Достань мне увольнительную.

— А зачем она тебе вдруг понадобилась?

— Не спрашивай меня ни о чем, просто достань.

— Опять хочешь пойти к той худышке?

— Да отстань ты...

— Ну ты, парень, даешь! Я, конечно, догадывался, почему ты день и ночь напиваешься, но ведь пора уже и успокоиться! Чего ты?

— Я и сам не знаю чего. Но сегодня мне нужно обязательно пойти туда.

— Да хватит морочить себе голову! Давай завтра пойдем в другое место, погуляем. С такими девицами долго встречаться нельзя. И чего ты к ней повадился?

— Так ты достанешь мне разрешение или нет?

— Эх ты, дурачина!

Хёнтхэ пришлось через знакомого начальника доставать увольнительную.

— И еще, одолжи мне тысячи три, — попросил Донхо.

В этот вечер Донхо вышел с базы как можно позже. Но все равно, чтобы дожидаться наступления темноты, ему пришлось побродить вокруг питейного заведения Окчжу. Был конец ноября, дул пронизывающий вечерний ветер. Донхо заметил, что каждый раз, приближаясь к заведению, невольно замедляет шаг. Опомнившись, он прибавлял ходу и быстро проходил мимо. «Сегодня ни в коем случае не буду пить! Нужно хоть раз пообщаться с ней в трезвом состоянии».

Военные автомобили, проезжающие по шоссе, стали включать фары. Еще немного, и он встретится с Окчжу. Вдруг в голове его пронеслась мысль: «Почему же я так уверен, что мне нужно обязательно с ней встретиться?» Он и сам не знал ответа на этот вопрос. Но то, что он должен пойти и увидеть ее, было для него неоспоримой истиной.

Донхо дождался, когда совсем стемнело, и вступил в ворота заведения. «А вдруг она сейчас с клиентом?» — подумал он с тревогой.

Во дворе он увидел какую-то девушку и попросил ее позвать Окчжу. Девушка исчезла в доме, и через некоторое время показалась сама Окчжу. Она подошла к нему поближе и, будто смотрясь в зеркало в темноте, приблизила к нему лицо. Его обдало запахом дешевой пудры.

— Думаю, кто меня ищет? А это, оказывается, вы!

Судя по голосу, она не была пьяна.

Донхо сунул ей в руки заранее отсчитанные две тысячи хван.

— Сейчас еще слишком рано. Сначала зайдите, выпейте немного.

Донхо отдал ей последнюю тысячу, которая осталась от тех денег, что он занял у Хёнтхэ.

Видимо, этой суммы оказалось достаточно для того, чтобы не принимать сегодня других гостей. Она повела его в ту же комнату, сказала подождать внутри, а сама принесла керосиновую лампу. Затем снова вышла, сказав, что нужно затопить печку и согреть пол.

Стекло керосинки совсем закоптелось. Должно быть, его давно не протирали. Но почему-то эта лампа казалась ему теперь родной. Он чувствовал, что уже привык и к резкому запаху сырой глины, и к этой постели, всегда расстеленной на полу. Окчжу, видимо, уже разожгла огонь, потому что горький запах дыма стал проникать в комнату. Но даже этот запах не претил ему.

Наконец Окчжу вернулась. Она занесла свои туфли, поставила их рядом с сапогами Донхо и закрыла дверь на крючок. Затем, как всегда, собралась снимать одежду. Донхо остановил ее:

— Не раздевайся.

Окчжу удивленно посмотрела на него.

— Не надо, просто полежим.

Сняв только верхнюю юбку, она легла в постель, а Донхо накрыл ее одеялом до подбородка и закрутил фитиль лампы. Он полежал рядом с ней, затем, немного приподнявшись, предложил:

— Давай сегодня просто проведем ночь вместе. Можешь просто спать...

Сказав это, он легко поцеловал ее в губы.

Они были холодными. Донхо обхватил лицо Окчжу ладонями и стал тереться об него губами.

— Чего это вы?

Она увернулась от него. Ее дыхание, коснувшееся его уха, совсем не было горячим.

Он погладил рукой ее шею, потом стал продвигаться вниз. Ладонь его залезла под одеяло и проскользнула под одежду. Окчжу лежала, раскинув руки в сторону, и даже не пыталась остановить его. Хотя она вовсе и не сопротивлялась, он осторожно, очень осторожно, словно преодолевая препятствия, пробирался кончиками пальцев по ее телу. Ладонь его нащупала ее шершавую кожу, никакого запаха тела он не почувствовал. Донхо стал спускаться ниже и дошел до ложбинки меж грудями. Он подумал, что груди ее, возвышающиеся по обе стороны ложбинки, не такие упругие, как у Сути. Тут она вдруг отбросила его руку в сторону.

— И правда, чего это вы? Давайте уж, развлекайтесь скорее, — бросила она раздраженным тоном.

От этих слов у Донхо пропало всякое желание. Он вернулся на свою подушку. Ему захотелось покурить. Достав из кармана сигареты, он закурил. На душе его было так же темно, как и в этой комнате. Он не мог просто лежать и молчать, ему надо было хоть о чем-то поговорить.

— Послушай, Окчжу. Почему человек никак не может переступить за рамки своего мышления?

Она лежала, ничего не отвечая.

— Знаешь, мне кажется, эти рамки устанавливаются еще в детстве.

— Я такие сложные вещи не понимаю. Делайте ваше дело, и давайте спать.

Донхо продолжил свой разговор.

— Когда мне было лет восемь, со мной произошел один случай. Я сидел на террасе и делал домашнее задание. Тут ко мне подбежала двоюродная сестренка, которая была у нас в гостях, и стала совать мне под нос свое яблоко. Представляешь, половину сгрызла, а остальное сует мне? Я стал качать головой, потому что в тот день бабушка

принесла нам большую сумку яблок, и я уже успел съесть целых два. Как я ни отказывался, сестренка упорно настаивала на своем. Судя по всему, она решила обязательно накормить меня. Лицо у нее в тот момент было очень серьезное. Мне пришлось откусить от ее яблока один раз. Потом еще раз, и еще раз. Вдруг сестренка выронила яблоко из рук, скривила лицо в ужасе и стала плевать. На яблоке расплылось пятно крови, которая, видно, вытекла из моих десен. Я был еще ребенком, но уже тогда почувствовал ужасный стыд за то, что запачкал чужое яблоко. После того случая я до сих пор боюсь есть целые фрукты, и если ем, то только нарезанные.

Раньше он как-то рассказывал эту историю Суги. Она сказала, что это так на него похоже, рассмеялась и попросила есть перед ней не стесняясь. Оккжу же никак не отреагировала на его рассказ и просто молча лежала в темноте.

— Когда я думаю об этой истории, мне вспоминается еще один случай.

Этот случай был связан с той же сестренкой. Насколько он помнил, это произошло весной, когда он перешел в пятый класс. В тот день он вернулся домой со школы и услышал, как мать разговаривает с сестренкой в спальне. Поднимаясь на террасу, Донхо уловил слова матери: «Они у тебя обильные?» Он и понятия не имел, о чем она говорит. Когда он открыл дверь спальни, мать и сестра прервали свой разговор. Лицо сестренки казалось бледнее, чем обычно. Немного погодя, ему стало понятно, о чем шла речь. В туалетной яме он увидел странный предмет. Это была вата, пропитанная кровью. Он помочился прямо на нее. Вата с темно-красной кровью, которая смешалась с мочой, стала немного светлее, а потом и вовсе светлорозовой.

— Тогда это мне напомнило нежные лепестки цветов.

Об этом он не рассказывал даже Суги, но с Оккжу ему почему-то захотелось поделиться.

— Ну а потом я встретил одну девушку...

— Теперь вы собираетесь мне рассказать еще и про вашу девушку? Да хватит вам, скорей делайте свое дело

да засыпайте. Ну а если не хотите, лучше давайте выпьем, — сказала молчавшая до сих пор в темноте Окчжу.

Она встала и зажгла керосинку.

— Лучше схожу куплю выпивки.

Донхо пошарил в карманах. Набралось всего чуть больше ста хван. Взяв деньги, Окчжу надела юбку и вышла.

Донхо закурил новую сигарету.

Вскоре Окчжу вернулась, держа в руках чайник с выпивкой и чашку кимчи. Стаканов не было. Она села у подушки и протянула ему чайник. Он отрицательно покачал головой. Тогда Окчжу поднесла носик чайника ко рту и не торопясь отпила несколько раз. Затем опять предложила ему. Но он опять отказался.

— Выходит, мое лицо сейчас не такое серьезное, как тогда у вашей двоюродной сестренки? И я не такая, как ваша любимая?.. — сказала она, снова отпивая из чайника.

Затем он увидел легкую улыбку на ее тонких губах. Выпитое уже давало о себе знать, и щеки ее начали заливаться румянцем.

Донхо ничего не ответил и только продолжал курить.

Она опять отпила, к закуске же даже не притронулась. Допив в одиночку весь чайник — а в нем был почти литр, — она задула лампу.

— Ложись, не раздевайся.

Окчжу опять сняла только верхнюю юбку и легла в постель. От выпивки дыхание ее участилось.

Донхо как попало затушил сигарету, обхватил двумя руками ее лицо и поцеловал в губы. Алкоголь, видимо, немного согрел ее, на этот раз щеки и губы были теплее. Но только он начал целовать ее лицо, она отвернулась и сказала:

— Давайте закончим побыстрее и поспим. Не теряйте зря время.

— Тебе это так не нравится?

— Да знаю я все. Вы хотите увидеть во мне вашу девушку? Только ни к чему все это.

— Нет, что ты! Любимая девушка у меня, и вправду, есть, но...

— Я все знаю. Вы никак не можете мне простить того, что случилось в тот день, когда пришли сюда в первый раз, ведь так? Если честно, то в тот день я тоже была обижена на вас. Но это не важно. Ведь для меня самое главное — зарабатывать побольше денег.

— Ты права. Сначала я был немного на тебя зол. Но сейчас все по-другому.

— Что по-другому?

— Моя любимая девушка далеко. Слишком далеко.

— Вот вы и хотите увидеть ее во мне, не так ли?

— Нет, совсем не так.

— Не обманывайте. Думаете, я не знаю, чего вы добиваетесь? Только ничего у вас из этого не выйдет...

Окчжу с минуту помолчала в темноте, потом сняла нижнее белье и потянула руку Донхо вниз своего живота.

— Погладьте меня здесь. Знаете, что это?

Он нащупал очень мягкую кожу и шрам.

— Это все, что у меня осталось.

— Что это?

— Шрам от операции. Я была на восьмом месяце, когда мне разрезали живот и вытащили мертвого ребенка. Получив похоронку мужа, я упала с лестницы прямо на землю... Для меня это был конец света. Муж пожил со мной после свадьбы только полмесяца и ушел на фронт. Единственное, о чем я мечтала, — чтобы он поскорей вернулся домой. Мы любили друг друга всей душой... Даже когда он умер, память о нем жила в моей душе. Внутри его левого уха была бородавка с горошинку. Я даже помнила ее цвет. Мы жили бедно, и даже когда он был жив, не многое могли себе позволить. Но иногда мы выезжали за город. Я как наяву помнила все мелочи: прикосновение легкого ветерка к моему лбу, душевный покой, когда я склонялась к его плечу и закрывала глаза, шелест и блеск листвы на солнце, когда снова открывала глаза. Я жила, окружив себя этими воспоминаниями.

Она замолчала и неподвижно лежала в темноте.

Донхо слушал ее рассказ и все удивлялся тому, насколько она сейчас была не похожа на ту Окчжу, которая обслуживала пьяных мужиков. Он тихо лежал и прислушивался

к ее дыханию, думая о том, как она все это до сих пор скрывала в себе.

— Да, так я и жила. Только знаете, все это стало постепенно тускнеть. А ведь первое время я все четко помнила даже в объятиях других мужчин... Цвет бородавки в его ухе потускнел, потускнели листья, которые сверкали на солнце. Я изо всех сил старалась их вернуть. Но все было напрасно. Мои воспоминания продолжают исчезать... Теперь уже не чувствую, каким мягким был тот ветерок, как было спокойно, когда я клала голову на плечо мужа. Все, что у меня осталось, — этот шрам на животе.

Она глубоко вздохнула:

— А вы умеете добиваться своего. Заставили меня рассказать даже об этом.

Тут Донхо задал ей неожиданный вопрос:

— Помнишь тот разговор? Мы говорили о любви к человеку, которого любить нельзя. Ты сказала, что если бы появился мужчина, без которого ты не могла жить, то хотела бы в тот же миг, как это поймешь, умереть с ним вместе.

Неожиданно для Донхо в темноте вдруг раздался истеричный смех Окчжу.

— Но ведь тогда ваш товарищ сказал, что все это сентиментальности. Что в наши дни такие сказки никому не нужны.

Потом вдруг ее истеричность как рукой сняло, и она добавила тихим голосом:

— Какая теперь у меня может быть любовь? Я об этом и не думаю. Только знаете, ничего нет на свете более жестокого, чем наше бречное тело. Оно может навсегда стереть те воспоминания о муже, которые еще немного теплятся во мне.

Тут она опять немного помолчала, словно хотела перевести дух, и продолжила:

— Наше тело, правда, очень жестокое. Когда я думаю об этом, порой поневоле прихожу в ужас.

— Мне тоже бывает страшно от таких мыслей.

— Вы — другое дело. Вы отслужите, поедете домой, и все у вас вернется на свои места. И любимая, и все другое...

— Ты так думаешь?

— Не сомневаюсь. Ну а развеять сиюминутный страх смерти я вам помогу...

Она развернулась к Донхо и начала расстегивать пуговицы на его брюках. Руки ее двигались как никогда ласково. Потом, как всегда, хоть и за довольно короткое время, она мягкими движениями утолила его желание.

Этой ночью Донхо впервые почувствовал какое-то удовлетворение.

Некоторое время спустя Окчжу засопела. Донхо тихо лежал и смотрел на нее. В темноте можно было разглядеть ее худенькое лицо. Никакого света оно не излучало. Он вспомнил о Суги. Но, как это ни странно, теперь он пребывал в состоянии душевного покоя и совершенно не чувствовал себя грешным или виноватым перед Суги.

Получить еще одну увольнительную Донхо больше не смог. Их отряд был отправлен на перевал Чупхарён, чтобы сменить войска на передовой линии.

VIII

Был еще конец ноября, а на перевале Чупхарён уже царил глубокая зима. Несмотря на то что местность находилась всего километрах в двенадцати к северу от базы Сотхогоми, климат здесь был совсем другой, горный. Лицо обдувал морозный ветер, а земля, о которую гулко ударились солдатские сапоги, совсем замерзла.

На передовой линии следовало двадцать четыре часа в сутки находиться в полной боевой готовности. Но одно дело в тридцатиградусный мороз сражаться в настоящем бою, а другое — просто стоять на страже. Сейчас холод ощущался намного сильнее.

В такой мороз солдаты должны были бдительно следить за действиями во вражеском лагере, а ночью караулить передовые позиции, чтобы шпионы не проникли на охраняемую территорию.

Дней через десять после того, как отряд Донхо дислоцировали сюда, выпал сильный снег. Он шел каждые три

дня, и вскоре все вокруг стало белым-бело. Как правило, снег местами таял, потом опять покрывался новым слоем, а в лощинах, куда не попадали солнечные лучи, лежал до следующей весны, пока из-под него не начинала пробиваться зеленая трава.

Несмотря на суровые природные условия, ослабленный организм Донхо, наоборот, восстанавливался с каждым днем. Лицо, обветренное холодным ветром, стало каким-то синеватым и отекившим, но глаза приобрели прежнюю ясность и блеск. Оттого, что он перестал без конца пить, пищеварение улучшилось, вернулся здоровый сон. Даже когда он слышал в полусне скрип снега под сапогами караульных, идущих на смену, этот звук не мешал ему, а, наоборот, как грузило, все глубже и глубже опускал в сон.

Как-то раз один из солдат принес живого фазана. Оказалось, что тот попался в капкан, который парень поставил рядом с караульной будкой. Все удивлялись пойманной птице и приходили, чтобы посмотреть на нее и поддержать в руках. Каждый при этом высказывал свои догадки:

— Наверное, он поранил на войне крылья и теперь не может летать.

— Надо посмотреть, может, он какой-то близорукий, вот и попался, — и так далее.

В этот же день связной, съездивший в штаб полка, вместе с документами привез солдатам письма. Среди них оказалось и письмо от Суги. На этот раз оно было намного толще обычного. Видимо, то, что он не ответил на письмо, полученное в Сотхогоми, вызвало у нее беспокойство.

Душа Донхо, пребывавшая все это время в состоянии покоя, опять встрепенулась. Открыть письмо или нет? Хотя чего тут думать? Ведь он все равно решил не отвечать ей, пока не демобилизуется. Написать о тех изменениях, которые произошли с ним в Сотхогоми, было невозможно. А просто писать о чем-нибудь другом сейчас он не мог себе позволить. Хотелось оставить все как есть до встречи с ней лично. Донхо боялся тех мучительных мыслей, которые опять поднимутся со дна души, если он прочитает письмо Суги. Он сжег письмо, не распечатав конверта.

Но после того как он уничтожил письмо, ему стало еще тяжелее. О чем же она могла писать? Может, это было нечто такое, о чем ему непременно следовало узнать? Донхо подумал, что поступил ужасно легкомысленно и даже подло. Больше всего он хотел, если бы только это было возможно, сейчас же побежать к Суги и рассказать ей обо всем. И тогда она бы все поняла и простила. Но Суги была слишком далеко.

Донхо хотелось любым способом заглушить душевные муки. Если бы только под рукой была выпивка, он бы напился. Тут он подумал про Окчжу. «Ну а развеять сиюминутный страх смерти я вам помогу», — сказала она. Донхо вспомнил ее нежные ласки. Получив внезапный приказ, он даже не успел с ней попрощаться. Хотя даже если бы у него и было время, он вряд ли бы пошел с ней проститься. На тот момент он решил, что с его отъездом их отношения закончатся. И в самом деле, весь месяц Донхо почти не думал об Окчжу. Однако теперь мысли о ней разбредили его душу. Та легкость бытия, которая приходит после встречи с Окчжу, наверняка сможет развеять его теперешние терзания.

Это была передовая линия, поэтому брать увольнительную и отлучаться солдатам не разрешалось, а о ночевке вне базы не могло быть и речи. Но Донхо решил любым способом получить специальное разрешение. Ему не оставалось ничего другого, как опять обратиться за помощью к Хёнтхэ.

— Ты что, с ума сошел? — накинулся на него тот, когда Донхо попросил добыть для него увольнительную.

— Ну, прошу тебя, достань, а? На сегодня.

— А куда ты собрался?

— Поеду в Сотхогоми, а завтра утром обязательно вернусь.

— В Сотхогоми? Да ты и вправду рехнулся! Что, до сих пор не можешь забыть ту худышку? Ну и наивный же ты!

— Да ладно, не разоряйся, лучше помоги.

— Ты же мужик, хорош заикливаться на пустяках.

— Обещаю, завтра утром обязательно вернусь.

— Погоди, ты же сегодня ночью должен вместе со мной идти на «прятки».

Так они называли ночной караул прямо у нейтральной зоны.

— Ну, пусть...

Донхо посмотрел в сторону Юнгу, который сидел у двери и штопал стершийся до дыр носок.

— Юнгу, сходи сегодня вместо меня в караул. Я тебе носки новые куплю.

Юнгу равнодушно ответил:

— Новые носки — дело хорошее, только вот два дня подряд стоять на карауле...

— А ты сильно вперед не забегай, еще неизвестно, достану я тебе увольнительную или нет... Эх, ты, дальше своего носа ни черта не видишь, — сказал в сердцах Хёнтхэ, занося руку над Донхо, словно желая ударить, и вышел из казармы.

Он долго не возвращался, а потом пришел с разрешением на отпуск.

— Держи, только чтоб в последний раз.

Донхо пошарил в кармане, достал все, что у него осталось от месячного жалованья, посчитал и попросил Хёнтхэ:

— Одолжи мне тысячи две.

— Ну, ты, парень, даешь.

Хёнтхэ вытащил деньги из внутреннего кармана, протянул их Донхо и сказал:

— Это все, что у меня есть, больше нет.

Донхо поспешно отправился в путь. Дни в это время года были короткими, поэтому, когда он прошел километра четыре по извилистой горной тропе и добрался до большого перекрестка, солнце уже опустилось за горизонт и начало темнеть. В этом месте пересекались четыре дороги: дорога на восток вела в район Донмакдон, на запад — в Кымхва, на юг — в Хвачон, а на север — к перевалу Чупхарён. Тут же располагался контрольно-пропускной пункт.

Донхо без проблем прошел контроль, показав разрешение, и стал голосовать на дороге в надежде, что какой-нибудь военный грузовик, едущий в сторону Хвачона,

подберет его. Но, видимо, никому не хотелось подсаживать к себе солдата, да еще с карабином за плечами, и все машины со свистом проносились мимо. Его это особо не беспокоило, до Сотхогоми осталось идти-то всего километров восемь.

Видно, в этих краях тоже выпал сильный снег. Луны на небе не было, но по обе стороны дороги лежали сугробы, сверкающие при свете звезд. Сейчас он думал об Окчжу, о том, что идет к ней. Любит ли он ее по-настоящему или нет — было вопросом второстепенным. Главным же было то, что она первая женщина, с которой он имел физическую близость. Мысли об этом привели его в трепет. Сам того не замечая, он перекинул винтовку с одного плеча на другое.

До того как зайти в увеселительное заведение, Донхо купил в магазине поблизости драй джин и засунул его себе в карман. Сегодняшней ночью он хотел опьянеть вместе с Окчжу.

Когда он вошел в ворота, официант, увидевший его, прокричал в сторону кабинок: «У нас гости!» Вышла какая-то девица. Керосинка осветила ее сзади, но Донхо узнал девицу из Каннына, с выдававшимся вперед подбородком. Он попросил ее позвать Окчжу.

— Хорошо... — ответила девица, еще не узнавая его.

— Проходите в эту комнату, — сказала она и открыла ему дверь.

— Нет, позовите Окчжу.

— Я бы с радостью, но...

Только тут она узнала Донхо:

— Ой, а давно вы к нам не заходили!

Затем она как-то замешкалась и сказала:

— Окчжу сейчас с другим гостем.

Донхо окинул глазами все комнаты. В двух горел свет, и слышны были разговоры девиц с клиентами.

— Попроси ее выйти на минутку.

Девица из Каннына опять помедлила с ответом и ответила:

— Я же говорю вам, у нее гость.

И немного погода добавила:

— Она скоро закончит. Посидите пока здесь, выпейте.

Только сейчас до Донхо дошел смысл ее слов. Перед ним всплыл образ приземистого, полноватого руководителя молодежной организации, который ходил, разводя носки в стороны.

— Замерзнете, скорей заходите внутрь.

— Нет, я здесь подожду.

Съежившись от холода, девица из Каннына вернулась в дом, не предлагая больше Донхо зайти в кабинку. Видно, ей не хотелось зря тратить время на чужого клиента.

Донхо стоял и ждал. Вдруг какая-то мысль пришла ему в голову, он развернулся и отправился на задний двор. Ни в одной из комнат свет не горел. Стояла тишина. Он подошел к знакомой комнате. Чувствовалось, что внутри кто-то есть. Никаких особых звуков не доносилось. Как и в других комнатах, здесь было тихо. Но все же ощущалось и что-то такое, что говорило о присутствии людей. Донхо молча стоял перед дверью. Он подумал, что стоять здесь унижительно, он должен уйти.

Вдруг из комнаты раздался странный звук. «А, а, а», — это был и не крик, и не стон, отрывистые женские звуки с каждым разом становились все громче. Какая-то неведомая сила толкнула его прочь. Но не пройдя и нескольких шагов, он остановился. Воспоминание острым лезвием полоснуло мысли: «Ничего нет на свете более жестокого, чем наше брненное тело. Оно может навсегда стереть те воспоминания о муже, которые еще хоть немного теплятся во мне. Когда я думаю об этом, порой поневоле прихожу в ужас». Донхо почудилось, будто в грудь ему бросили горячий песок. В один миг песчинки раскались и обожгли его. Безумная ярость охватила все его тело.

Донхо медленно окинул взглядом двор. Во внутренней части двора земля была черна, но за плетеным забором лежал снег, который помогал хоть что-то увидеть. Донхо заметил небольшую запасную калитку. Как можно спокойнее он подошел к ней и открыл замок. Затем вернулся к комнате, в которой было уже тихо, и осторожно потянул

на себя дверь. Она была закрыта на крючок изнутри. Прикладом винтовки Донхо выбил дверь. Он направил дуло внутрь и дважды спустил курок. Ему было не важно, с кем сейчас Окчжу: с тем самым мужиком из молодежной организации или с кем-то другим. Уходя через заднюю калитку, он услышал за собой вопли мужских и женских голосов.

Время от времени по шоссе проезжали грузовики и джипы. Сначала Донхо шел, и все ему было безразлично. Но когда он прошагал километра четыре, его стали беспокоить фары машин, которые светили на него. Больше раздражали не встречные машины, а те, которые освещали его сзади. Наверняка девица из Каннына уже давно всем рассказала, кто совершил преступление. Теперь его могут поймать в любое время. Он старался идти по самой обочине.

Контрольно-пропускной пункт на большом перекрестке Донхо миновал без проблем. Видно, там еще ни о чем не знали.

Когда он наконец добрался до перевала Чупхарён, тело его разогрелось настолько, что от лица и шеи валил пар.

— Что с тобой? Ты совсем бледный, — спросил в недоумении Хёнтхэ, собиравшийся идти в караул.

— Ты что, передумал? Ну и правильно сделал.

Донхо молча достал из кармана две тысячи хван, которые занял днем, и вернул их.

— Раз не дошел, значит, и носки мне не купил? — вставил Юнгу, который собирался идти в караул вместе с Хёнтхэ.

Донхо ничего не ответил и, переступая через спящих на полу солдат, прошел к своему месту, где лежал его рюкзак. Он достал из него лист бумаги с конвертом, растолкал лежащих рядом солдат и сел на пол.

Хёнтхэ, следивший за Донхо глазами, сказал:

— Эх, да тебе, видно, стихи захотелось писать? Только ведь там совсем темно, разве чего увидишь?

Стены комнаты были слеплены из глины, здесь была только одна дверь, выходившая на юг. Всю эту огромную комнату, в четыре-пять раз больше обычной, тускло осве-

щал огонек в жестяной банке. Светло было только вокруг огонька, все же остальное пространство было наполнено тенями.

Натягивая шапку, Хёнтхэ сказал:

— Ну, нам пора. Донхо, ты как, идешь? Лучше отдохни.

Донхо, молча сидевший в темноте с листом бумаги в руках, сложил ее, положил в конверт, потом запихал конверт в карман и встал.

Воздух снаружи был ледяным. Каждый раз, когда Донхо делал вдох, волоски в носу превращались в льдинки. Пот на спине еще не успел просохнуть, и от этого его пробирал холод. Донхо вспомнил, что забыл взять перчатки, но возвращаться за ними не стал.

Когда они прошли последний пост и подошли к нейтральной зоне, Донхо достал из кармана бутылку джина.

— Откуда это у тебя?

Ничего не ответив, Донхо откупорил бутылку, отпил несколько глотков и передал ее Хёнтхэ.

— Так ты, значит, все-таки дошел до Сотхогоми?

Хёнтхэ поднес бутылку ко рту, отпил из нее и продолжил:

— А я-то гадаю, если уж ты передумал туда идти, почему так поздно вернулся. Выходит, ты дошел, но не встретил ее?

— Не встретил.

— Она что, уехала?

Донхо молча взял бутылку у Хёнтхэ и сделал еще несколько глотков.

— Знаешь, в таких местах бабы долго на одном месте не засиживаются. Но это даже к лучшему. Вот ты и успокойся.

Донхо опять поднес бутылку ко рту.

— Смотри, не опьяней. Сам знаешь, напьешься здесь и заснешь — больше никогда не проснешься.

— Слушай, Хёнтхэ. Помнишь сержанта Кима, ну, того самого, Баламута? Он тогда, умирая, нашему Юнгу сказал про ощущение, будто кончаешь игру, когда хорошая карта идет. Кажется, я понимаю, о чем он говорил.

— Чего это ты?

— Мне вот интересно, мы жертвы или насильники?

Хёнтхэ внимательно всмотрелся в лицо Донхо. Тот, конечно, подвыпил, но что-то слишком учащенно дышал, выпуская белые клубы пара.

— С тобой сегодня что-то случилось?

— Знаешь, я думаю, все молодые парни, которые пришли на эту войну, обречены стать жертвами. Что бы они ни натворили. Ну, если сказать «все парни» — слишком обобщенно, то взять хотя бы наших знакомых. Разве не так? Тот же Баламут Ким, тот же старший сержант Сону, да и...

Справа и слева к ним подошли два караульных, которых они должны были сменить. Их смена, видно, уже закончилась.

Донхо и Хёнтхэ разошлись по сторонам, откуда явились караульные.

В небе, словно разлетевшиеся и впившиеся в небесное полотно осколки льда, сверкали звезды. Под ними блестела покрытая снегом земля, но чем дальше уходил взгляд, тем тусклее становился этот свет, а вдали и вовсе все сливалось с темнотой.

Хёнтхэ, услышав резкий звук разбившегося стекла, обернулся. Скорее всего, это Донхо бросил бутылку и разбил ее вдребезги. «Да, видно, сегодня очень расстроился. Вот наивняк!» Хёнтхэ попытался разглядеть Донхо, но его белая парка уже слилась со снегом, и в темноте ничего было не увидеть.

Хёнтхэ повернулся и пошел дальше. Он прекрасно знал, что на этой территории курить запрещено, но ему почему-то ужасно захотелось покурить.

Тело Донхо обнаружили часа через два, когда пришло время смены караула. Ночью заледеневшая на белом снегу кровь казалась черной. Он перерезал себе вены на левой руке. Рядом с правой рукой на снегу лежал осколок от бутылки. Лицо Донхо было белым как снег.

Тело покойника отнесли к казарме и всю ночь сторожили, разведя рядом костер. В карманах у него нашли около тысячи хван и конверт. Это был тот самый конверт, который он запихал себе в карман, выходя из казармы. На нем

было написано имя: «Чжан Суги». Один солдат из любопытства захотел достать и прочитать письмо, но Хёнтхэ отобрал его и засунул себе в карман.

Первую партию студентов-призывников распустили по домам, когда с ущелий стала стекать талая вода. Было начало апреля.

Первым приказ о демобилизации получил Юнгу. Домой отправляли не в общем порядке, по сезону призыва, а в зависимости от звания и времени службы.

В день увольнения Юнгу попрощался с начальством, а потом зашел к Хёнтхэ.

— Ну, как доеду — напишу, — сказал он на прощание с улыбкой на загоревшем лице.

— Ты в тот дом, где репетиторствовал, едешь? Вот и отлично. Везет же тебе.

Юнгу остался сиротой еще в детстве и воспитывался в доме дяди, но и тот со всей семьей погиб во время июньской бомбежки, так что парню некуда было возвращаться. Недавно он написал знакомой семье, в которой репетиторствовал, и его пригласили обучать младшего ребенка.

Юнгу опустил рюкзак с плеч и, затягивая веревки, сказал:

— Если бы Донхо был жив, он ушел бы домой раньше меня.

Хёнтхэ, зажигавший зажигалку, вдруг остановился и вспомнил:

— Слушай! То письмо, которое он оставил своей девушке, у меня. Только там нет адреса. Что будем делать?

— Во дает парень! Совсем, зная, был не в себе, раз даже адрес забыл написать, — ответил с горькой улыбкой Юнгу.

— Да что ему теперь это письмо... Ладно, увидимся в Сеуле!

— Вот и конец военной жизни!

Хёнтхэ поднес зажигалку к сигарете и задумчиво произнес:

— Да, теперь нам нужно начинать жить своей жизнью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IX

Казалось, этой зимой особых холодов не будет, ведь даже на Рождество шел не снег, а дождь. Однако в начале января стукнули морозы, которые держались вот уже несколько дней. Был вечер пятого января 1957 года. Часов в пять Юнгу отправился в кофейню под названием «Возвращение», где каждую субботу устраивались дружеские попойки.

Знакомый по имени Сокки сидел за столиком в углу, уткнувшись в газету. Он перевел мутный взгляд на Юнгу и поприветствовал:

- Здорово!
- Здорово! Ты куда свои очки дел?
- Вчера ночью разбил. Знаешь, вчера Хёнтхэ поймали.
- Как это — поймали?
- За дезертирство.
- Какое еще дезертирство? А куда он справку о демобилизации дел?
- Кто его знает, куда?

Вчера после обеда Хёнтхэ и Сокки сначала посмотрели фильм в кинотеатре «Кукчжэ», а потом решили пойти в бильярдную, но по дороге, в одном из переулков района Мутёдон, их остановил патруль. Хёнтхэ вызвал у полицейских подозрение: здоровый на вид мужик, а шатается без дела в таком виде. С каких-то пор он перестал следить за собой и теперь выглядел совершенно запущенным: на го-

лове копна давно не стриженных волос, обросшее жидкой бородкой лицо, потрепанное пальто и замызганная обувь.

— Я предъявил им справку о демобилизации, и меня отпустили, а он только удостоверение личности показал, представляешь? Я его спрашиваю, куда справку подевал, а он отвечает — не знаю, мол, где и когда ее потерял.

— Вы пьяные, что ли, были?

— Да нет. Пили позавчера ночью, правда, почти до утра. Так он потом в кинотеатре весь фильм прохрапел. Только вот не пойму, почему, когда его уводили, он попросил меня не сообщать об этом родным?

— И ты им ничего не сказал?

— Сказал. Решил, что они должны об этом знать.

— Правильно сделал.

— Я позвонил его отцу вчера вечером, а сегодня утром позвонил еще раз, чтобы узнать, какие новости. Но оказалось, что Хёнтхэ пока не нашли. Вот я и сказал, что его увели как дезертира, и попросил еще раз навести справки. Может, надо опять позвонить?

— Зачем? Если бы его освободили, он был бы уже здесь.

Сокки, этот здоровый парень, даже не накинув пальто, все же не поленился: подошел к телефону у кассы, поднял трубку и стал набирать номер, почти уткнувшись в телефонный диск. До войны Сокки занимался любительским боксом и был известным чемпионом в средневесовой категории, но в бою на восточном фронте получил ранение глаз и теперь без очков мог видеть только с близкого расстояния.

Вернувшись на место, Сокки хмурился:

— Домой он еще не вернулся. Куда же он пропал?

Раскрывая газету, Юнгу пробурчал:

— Видать, нашим субботним попойкам пришел конец.

С прошлой весны, после того как Юнгу открыл маленькую птицеферму в пригороде Сеула, то есть уже почти год, они втроем — Хёнтхэ, Юнгу и Сокки — собирались каждую субботу. Эти вечеринки начались как-то сами собой. Хёнтхэ и Сокки, которые были друзьями еще со средней школы, уже давно встречались и кутили чуть ли не ежедневно,

а Юнгу, работавший репетитором, боялся вызвать недовольство хозяев и в дружеских попойках не участвовал. Но после случая с хозяйской дочерью и он время от времени присоединялся к Хёнтхэ и Сокки. Когда же он завел птицеферму, дел оказалась такая пропасть, что выезжать в город почти не оставалось времени. Вот он и решил видаться с товарищами раз в неделю по субботам. Ничего особенного они в этот день не делали, просто собирались и пили, болтая о пустяках. С каких-то пор встречи эти вошли у них в привычку.

И вот сегодня была суббота, а Хёнтхэ все не появлялся. Друзья прекрасно знали, что если бы хоть один из них перестанет приходить на встречи, то субботним попойкам придет конец. Тем более если бы этим человеком оказался Хёнтхэ — именно он был у них самым важным звеном. Хотя встречи устраивались и не по его инициативе, продолжались они благодаря ему, ведь он почти всегда один оплачивал всю выпивку.

Юнгу стал читать заголовки газетных статей. На первой странице он прочитал: «Расследование покушения на вице-президента», «Парламентская комиссия приступила к работе». В разделе общественных новостей писали о проблеме детского воровства, приводилась статистика многочисленных крестьянских хозяйств, оставшихся без продовольственных запасов...

— Что будем делать? Подождем еще немного?

Юнгу, посмотрев на второй странице цену на яйца, сложил газету и отложил ее.

— Вряд ли сегодня он придет. Но париться не стоит, старик не даст ему пропасть.

— Ну, тогда пошли, выпьем вдвоем.

Сокки, которому пришлось бросить бокс из-за плохого зрения, теперь не обходился без выпивки ни одного дня. А так как был он огромным, то и выпить мог довольно много.

Двое приятелей вышли из кофейни и направились в питейное заведение неподалеку, где были постоянными клиентами. Это был обычный частный дом, без вывески,

куда приходили только свои. Для Хёнтхэ и его друзей по субботам здесь всегда оставляли одну комнату свободной.

— Эй, малыш, принеси-ка нам еще, да смотри, наливай побольше, — сказал Сокки мальчику на побегушках, когда литровый чайник с выпивкой опустел.

Юнгу наблюдал за тем, как мутный, безразличный ко всему взгляд Сокки под воздействием спиртного постепенно начинает приобретать блеск.

— Ты вчера, видно, сильно перебрал, раз даже очки разбил, — сказал он Сокки.

— Да, выпил прилично. Только не в этом дело. Рядом со мной сидели два парня и болтали ерунду, вот и пришлось вмешаться. Представляешь, они стали говорить, что и в любительском боксе договариваются между собой и за деньги продают победу. Разве я мог такое стерпеть? Жаль, конечно, очки разбились, зато удар получился точный.

Закончив рассказ, он неторопливо поднес стакан ко рту и опять спросил:

— Интересно, куда же все-таки Хёнтхэ пропал?

Видимо, этот вопрос не давал ему покоя.

Глядя на широкие плечи Сокки, Юнгу задумался. В трезвом состоянии этот парень казался спокойным, но когда напивался, порой становился буйным и упрямым. Правильно ли он поступил, согласившись сегодня выпить с ним наедине? Заплатить разок за выпивку он, конечно же, мог, но ведь еще было неизвестно, как долго и много этот парень собирается здесь пить. А что же делать, если, выйдя отсюда, Сокки заупрямится и захочет пойти развлекаться с женщинами в квартал Чонсам?

Им занесли третий по счету чайник.

Юнгу решил про себя уйти после того, как они допьют его. Когда он наливал в стакан Сокки, тот недовольно пробурчал:

— А он так и не пришел. Знать, круто влип.

Юнгу не знал, поймет ли его слова этот туповатый парень, утверждавший, что занимался юриспруденцией, и больше прославившийся как боксер, но все-таки решил поделиться с ним своими мыслями.

— Слушай, Сокки, а я вот как думаю: его отпустили, но он к нам не придет. Как ты думаешь, почему он вчера сказал, что потерял справку о демобилизации, да еще попросил не сообщать родным и спокойно дал себя увести? Ему нужен был повод, чтоб больше с нами не встречаться по субботам. Ну, чтобы избавиться от того, что вошло у нас в привычку. Понимаешь?

Сокки слушал Юнгу, нахмутив брови и уставив на него сощурившиеся глаза.

— Давно уже нужно было со всем этим завязывать. Мы ведь до сих пор встречались, не потому что были друзьями не разлей вода или еще что-то такое. Просто по привычке, вот и все.

Дослушав эти слова, Сокки отвел взгляд от Юнгу и опять принялся за выпивку.

— Ну ты замудрил! Просто три хороших друга собираются раз в неделю, чтобы выпить — какие нужны еще для этого причины? Ладно, кончай толкать речь, давай лучше бухнем за сегодняшний день!

— Нет. Я больше не буду.

— Что, боишься, денег не хватит? Ну, выпьем тогда еще на один лоток твоих яиц и пойдем.

Еще некоторое время он сидел и молча пил. Вдруг открылась дверь.

— Ну, вы, парни, в своем репертуаре, — поприветствовал их Хёнтхэ, входя в комнату.

— О, здорово!

— Идем скорей к нам, придурок! — сказал Сокки. Его сощурившиеся глаза заблестели.

В этом громком приветствии слышалась явная радость.

Багровый от выпивки Юнгу спросил:

— Где тебя носило?

— Слушайте, у меня в горле все пересохло. Может, сначала дадите выпить?

Хёнтхэ разом опустошил налитый ему стакан и обратился к Сокки:

— А ты, оказывается, все-таки доложил обо всем моим. Я ведь сказал тебе, что не надо... Думаешь, у меня

и вправду справки не было? Просто имелись на то свои причины.

— Ну, я ведь не знал. Хоть убей, не мог не сообщить, — ответил ему с улыбкой на лице Сокки.

Тут в разговор вмешался Юнгу:

— А какие такие причины?

— Я ведь хотел бросить пить, и вот, думаю, как раз удобный случай подвернулся. С вами разве завяжешь?

— Эх, значит, я зря постарался. Твой старик лично пошел тебя искать?

— Ну прям.

Хёнтхэ рассказал им, как вчера вечером в камере для дезертиров называли его имя и приказали выйти. Оказывается, отец отправил своего человека, чтобы найти его, а Хёнтхэ отвернулся и спокойно сидел в углу. Сегодня утром его опять позвали по имени, но он снова притворился, будто это не он.

— Только сегодня, ближе к пяти вечера, мне стало совсем невмоготу. Вот и пришлось показать им справку.

Юнгу, засовывая сигарету в мундштук, спросил:

— Хочешь сказать, горел желанием с нами встретиться?

Хёнтхэ улыбнулся. Белые зубы сверкнули на безобразно обросшем, загрубевшем лице.

— Ничего подобного. Наоборот, думал, вы сегодня сюда не заявитесь, хотел выпить в одиночку.

— Не сочиняй, пей давай!

— А ты куда это очки свои девал? Вы тут без меня, видно, чудачили?

Они пропустили еще по одному стакану.

Юнгу подумал, что теперь уж можно во всем положиться на Хёнтхэ, и расслабился. С его приходом пилось намного легче и свободнее. Юнгу пил и слушал, как Сокки в подробностях, показывая удары, рассказывает Хёнтхэ о вчерашней драке. Когда Сокки закончил и поднял стакан, Юнгу поинтересовался:

— Что, много там людей поймали?

— Да, только со мной вчера загребли человек тридцать. Сегодня тоже будут ловить, а потом, наверное завтра, всех разом отправят на базовую подготовку в Нонсан.

Тут Хёнтхэ, словно о чем-то вспомнив, продолжил:

— Знаете, я в этот раз, конечно, немного помучился, но зато узнал кое-что новое. Один мужик, который за городом выращивает фруктовые деревья, рассказал мне интересную вещь. Он утверждает, что и у растений есть своего рода инстинкт. Что по крайней мере у фруктовых деревьев инстинкт продолжения рода точно есть. Оказывается, обрезку фруктовых деревьев делают, полагаясь именно на этот инстинкт. Если ветки не обрезать, то листвы будет много, а плодов — меньше. Потому что когда дерево разрастается само по себе, оно уверено, что с плодами можно не торопиться. А если ветки обрезать, оно пугается и беспокоится о продолжении своего рода, поэтому решает оставить как можно больше плодов. Тот мужик считает, что так же и у людей. Из-за этого инстинкта в богатых семьях детей обычно мало, а в бедных — куча. Ну как? Довольно-таки логично, правда?

Юнгу, молча сосавший мундштук с уже сгоревшей сигаретой, подумал: «Опять напился, вот и болтает». На фронте у него была привычка курить сигарету, поделив ее на два раза, а теперь, после войны, он купил себе мундштук, сделанный под слоновую кость, и курил сигарету до тех пор, пока она не сгорала дотла.

— И вот эта идея навела меня на мысль написать статью. Она будет называться «Обрезка фруктовых деревьев и будущее человечества». Ну, как вам? Сначала я напишу, что у людей, как и у деревьев, есть социальные слои, которые нужно «обрезать», и слои, которые нужно оставить жить в достатке, а затем подведу к тому, что если численность этих двух слоев не регулировать, то человечеству в скором времени придет конец. Правда, интересная тема? Хотя вам, наверное, и не понять, насколько это серьезная вещь получится.

Хёнтхэ залпом осушил стакан, словно у него опять пересохло в горле, и продолжил:

— Но в предисловии я собираюсь о вас упомянуть. Напишу, что наши субботние встречи стали одной из причин, по которой я решил написать свою статью. И еще добавлю,

что на самом деле такие, как вы, и являются яркими образцами того слоя общества, который должен подвергнуться обрезке. Только вот беда — тема этой статьи настолько обширная, что боюсь, я ее до конца жизни не допишу.

— Сам, выходит, знаешь, что не сможешь закончить, — вставил Юнгу.

— Если честно, дело не в том, напишу я ее или нет. Главное, живу ли я, осознавая эту идею.

Глаза Сокки, который все сидел и шурился, пьяно сверкали.

— Да ну тебя, кончай мудрить. А правда, что ты хочешь покончить с нашими попойками?

— Правильнее будет сказать, что я хочу покончить со своей теперешней жизнью.

— Как это так?

— Много будешь знать — скоро состаришься. Лучше давай выпьем.

Приятели вышли из питейной в одиннадцатом часу.

Когда они приближались к кварталу Чонгечон, Сокки, который жил неподалеку, предложил Хёнтхэ:

— А давай пойдем в то заведение, где в прошлый раз гуляли. Девки там хорошие.

— Нет, на сегодня хватит.

— Ну, тогда давай еще по одной.

Юнгу посмотрел на ручные часы и согласился с Хёнтхэ:

— Да, пожалуй, сегодня закончим.

— Эх, вы! Да не получают прощения те, кто срывает дружеские пирушки!

— А ты смотри, осторожно иди. Под машину не попади, — ответил ему Хёнтхэ.

— Подумаешь, ей же хуже будет.

— Дурачина ты! Кстати, давай я тебе очки куплю.

— О чем это ты?

— Завтра, часам к двум, приходи в кофейню «Янчжи».

Сокки медленно побрел своей дорогой, а Хёнтхэ и Юнгу, развернувшись, двинулись в сторону универсама «Хвасин».

— Он и без того не особо шустрый, а сегодня уж совсем еле плетется. Наверняка дорогу плохо видит. И как он

только боксером был, не пойму. Эх, жаль, мы его на ринге не видели... Неплохой парень.

Произнося эти слова, Хёнтхэ представил, как огромный Сокки делает прямые удары в воздух. «Когда вдруг взрывчатка разорвалась прямо перед глазами, я испугался и упал», — как-то без особых эмоций поделился с ним Сокки, когда он спросил, что случилось с его глазами. «Я таких ударов никогда не видывал. Думаю, так дело не пойдет. Вскочил, а в глазах темно, ничего не вижу. Стал размахивать кулаками, и все впустую. Долго бил в пустоту, пока опять не свалился». Хёнтхэ, хоть никогда и не видел боксирующего Сокки, почему-то эту сцену мог представить себе как наяву.

— Может, пойдем чайку выпьем? Мне с тобой, кстати, еще надо кое о чем поговорить, — предложил Хёнтхэ, когда они с Юнгу дошли до остановки, откуда автобусы ездили в сторону моста Чуннянгё.

Не дожидаясь ответа, он направился в первый попавшийся на глаза чайный дом.

Юнгу в который раз посмотрел на часы. Было чуть больше половины одиннадцатого. До последнего автобуса время еще оставалось. Поднимаясь по лестнице вслед за Хёнтхэ, он стал думать, о чем это вдруг тот хочет с ним поговорить. «Может, Хёнтхэ хочет рассказать о своих отношениях с моей ученицей, хозяйской дочкой Миран? — пронеслось у него в голове. — Скорее всего, это он ее и испортил».

Веселая и бойкая Миран, совершенно не стесняясь, признавалась Юнгу, что ей нравится Хёнтхэ. К тому времени она уже спала с Юнгу, но это ее особо не волновало. Было не в ее характере скрывать перед кем-либо свои симпатии к мужчине. Наверняка она нашла способ признаться ему в своих чувствах. Интересно, как отнесся к этому Хёнтхэ? Неужели он собирается сейчас обо всем этом рассказать?

Когда они заказали себе по чашке чаю, Хёнтхэ завел совсем другой разговор.

— Слушай, вчера или сегодня к тебе девушка не приходила?

Юнгу ответил, что никто не приходил.

Закуривая, Хёнтхэ продолжил:

— Ко мне приходила девушка Донхо. Ну, та самая Суги. Заявилась ко мне домой позавчера. Видать, он рассказывал ей о нас в своих письмах.

— Так он ведь умер еще в ту зиму, когда заключили перемирие. Уже больше трех лет прошло. С чего это она сейчас появилась?

— Их, женщин, разве поймешь? Вроде до сих пор еще не замужем.

— Да сейчас ведь много таких. Им за тридцать, а носы воротят, все принца хотят.

— У нее-то особый случай. Три года прошло, а она хочет узнать, что случилось с ее парнем. Говорит, ей нужно знать, почему он покончил с собой. Я сказал, что ничего не знаю, и выпроводил ее.

— Так ведь он же оставил предсмертное письмо?

— Да какое, к черту, предсмертное письмо? Где его теперь выкопаешь? Я вот думаю: прошлое лучше не ворошить. Ей это никак не поможет. Поэтому и сказал, что знать ничего не знаю. Вот только она твой адрес у меня взяла, теперь к тебе придет. Не хотел говорить ей, где ты живешь, да она такая настырная, что все равно как-нибудь да выведала бы. Вот мне и пришлось дать твой адрес. Ты смотри, если она к тебе придет, лишнего ничего не говори.

Когда они вышли из чайного дома, Юнгу сел на автобус, едущий до моста Чуннянгё, а Хёнтхэ перешел трамвайные пути и направился в сторону района Инсадон. Он жил там неподалеку.

Сделав несколько шагов, Хёнтхэ вдруг свернул в переулок, который вел к району Наквондон.

Он решил пойти в дом увеселения «Пхеньян» и проведать Кехян. Временами ему вдруг хотелось увидеть эту чудаковатую девушку. Ей было лет девятнадцать, и лицо ее никогда не выражало никаких чувств. Казалось, под косметикой на хорошо припудренном беленьком личике все ее эмоции заморожены. Даже когда она изредка надевала

на лицо улыбку, это было не отражением ее внутренних чувств — просто механическим подниманием уголков губ. Белые, мелкие, плотно посаженные зубы, видневшиеся из-за раскрытых губ, придавали ее внешности еще более холодный вид. Однако именно это и привлекало Хёнтхэ.

Когда он вошел в заведение, было уже совсем поздно, время близилось к полуночи. За одним столиком пили двое мужчин в возрасте, а за другим, что стоял в дальнем углу, сидел совершенно опьяневший молодой парень и что-то бормотал себе под нос. Наверняка служащий какой-нибудь фирмы. Других посетителей не было.

Увидев Хёнтхэ, хозяйка дома, гревшаяся у печки, радостно поприветствовала его на своем северном диалекте:

— Давненько мы вас не видели. Проходите, почувствуйте себя как дома.

Она провела Хёнтхэ в кабинку за кухней.

Поначалу, когда Хёнтхэ только начал ходить в этот дом, хозяйка, оглядев его с ног до головы, всем видом показывала, что гость ей не по душе. Но потом, когда поняла, что он не жалеет денег на выпивку, стала приглашать его в отдельную кабинку.

С тех пор она довольно часто изливала ему душу, рассказывая историю своей жизни. Хёнтхэ уже несколько раз слышал от нее о том, что она еще до Освобождения⁸, когда жила в Пхеньяне, взяла на воспитание Кехян, чтобы сделать из нее кисэн⁹. Она рассказывала ему, как на следующий год после Освобождения, по весне, бросила все свое имущество и, только привязав к спине восьмилетнюю Кехян, с риском для жизни перебежала через границу на юг. Хёнтхэ приходилось слушать обо всех трудностях и опасностях, которые она испытала при пересечении

⁸ Освобождение Кореи от японского колониального господства (1910–1945).

⁹ Кисэн — в Корее артистки развлекательного жанра. Это были куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии и поддержанию разговора. Они подавали еду, напитки, за деньги оказывали интимные услуги, но не были проститутками как таковыми.

38-й параллели. Эта сорокалетняя женщина, глаза которой еще хранили следы былой красоты, сначала с какой-то горечью и гордостью в голосе рассказывала свою историю, а потом, прильнув губами к уху, шептала ему: «Она у меня еще настоящая девственница. Посмотрите, какая наивная и стеснительная». Хёнтхэ выслушивал слова хозяйки, качал ей головой в ответ и смотрел на Кехян. Его не особо интересовало, действительно ли та была девственницей. С самого начала он не чувствовал в ней никакого женского обаяния. Казалось, женственность в ней была перевязана и находилась в каком-то застывшем, неопределенном состоянии. Однако самая ее каменная холодность, наоборот, приносила ему некое душевное спокойствие. Он не хотел, чтобы кто-то мешал этому чувству, поэтому никому не рассказывал об этом заведении, даже Сокки.

— Ой, знали бы вы, как она долго вас ждала, — протаторила хозяйка.

В последний раз он захаживал сюда всего неделю назад. Будь то неделя, а то и две, ждать его Кехян никак не могла. Хёнтхэ прекрасно знал, что это лишь пустая болтовня хозяйки. Не важно, ведь ему нравилось в Кехян именно то, что с ней не надо было беспокоиться о встречах и расставаниях, входить в какие бы то ни было человеческие отношения.

— А может, вы нашли себе другое развлечение? Смотрите, не забывайте нас.

Хёнтхэ впервые пришел в «Пхеньян» почти полгода назад. В то время он уже был охвачен хандрой и бездействием, в которых пребывал и до сих пор. Вернувшись с войны, он окончил университет, поступил на службу в фирму отца, усердно работал и уже понемногу обустроивал свою жизнь, как вдруг в один прекрасный день все изменилось. Никто не знал, что стало этому причиной. В тот день он взял такси, чтобы съездить кое-куда по делам. Когда машина остановилась на красный свет, он невзначай посмотрел в окно и увидел переходящую дорогу женщину. Она была в поношенной одежде, а на руках у нее сидел двухгодовалый малыш. Судя по желтовато-бледному лицу, при-

крытым глазам и полуоткрытому рту, ребенок был болен. Женщина несла его, крепко прижав к груди. Хёнтхэ вдруг показалось, что он их уже где-то видел. Ему вспомнилась темная комната, лежащий неподвижно ребенок с исхудалыми ручками поверх одеяла, и его мать. «А ведь когда я спустился во второй раз, она уже не так испугалась, как днем. И вроде бы не очень сопротивлялась. Зачем же она схватила меня за руку, когда я уходил? Я знал, чего она хотела. И все равно, все равно убил». Хёнтхэ посмотрел на свои руки. Он вспомнил прикосновение дрожащей и немного влажной от пота руки той женщины, вспомнил ощущение сухой и теплой кожи на ее шее. Ребенка он не тронул, но и тот вновь со всей отчетливостью вспомнился ему. Хёнтхэ казалось, что он чувствует, как сжимает тоненькую шею истощенного малыша. В ту ночь он запил. Он беспробудно пил весь следующий день, и следующий...

Хёнтхэ сказал хозяйке:

— Пусть мне принесут выпивку!

Та уже собиралась выйти, но, услышав его просьбу, обернулась и переспросила:

— Вы хотите сказать, чтобы я мою девочку побыстрее к вам отправила?

Она хитро улыбнулась и отправилась на кухню.

Чуть погодя, держа в руках столик с выпивкой и закуской, в комнату вошла Кехян.

— Как поживаете, господин?

Она произнесла это ничего не значащее для нее приветствие и села напротив, уважительно сложив обе ладони на поставленное правое колено. Можно было не сомневаться, что хозяйка наказала ей сидеть так перед гостями, вот она и застывала всегда перед ними в этой позе. Только когда нужно было налить гостю, она механически правой рукой поднимала чайник с выпивкой, а левую руку, как было положено по этикету, приставляла к краю правого рукава.

Хёнтхэ чувствовал себя ужасно уставшим. Он пробыл в тюремной камере всего лишь день, но холод и неудоб-

ства успели его изрядно измучить. К тому же он начинал трезветь, и теперь во всем теле ощущалась слабость. Но здесь ему не нужно было о чем-либо говорить, беспокоиться о чувствах собеседницы, он мог просто сидеть и любоваться мило принаряженной Кехян, лицо которой, словно гипсовая маска, ничего не выражало. Выпивая один стакан за другим, Хёнтхэ испытывал странное облегчение.

После предварительной сирены комендантского часа все гости, видно, разошлись. Хозяйка пришла в кабинку и уселась рядом с Хёнтхэ.

Он передал ей свой стакан. Когда посетителей было немного, она часто приходила и выпивала вместе с ним. Только наливать Кехян никогда не разрешала. Скорее всего, когда хозяйка называла Кехян «настоящей девственницей», она подразумевала и то, что хоть та и находится в этом доме увеселения, но настолько невинна, что ни разу не притрагивалась даже к спиртному. После пары стаканов выпивки щеки хозяйки покраснели, она прикурила сигарету, затянулась несколько раз и опять принялась изливать душу:

— Ну сами посудите, какая же у меня несчастная судьба. Не для того, чтобы таким вот захудалым домишкой заведовать, я все бросила и перебежала границу, взяв с собой только ее. Ведь я мечтала, что, когда она вырастет, я открою какой-нибудь благопристойный ресторан. На худой конец хотя бы приличную столовую, где подавали бы мясо по-пхеньянски. А вышло вот все как. Уж мочи моей больше нет терпеть!

Это были ее обычные сетования, которые можно было просто пропускать мимо ушей, но на этот раз Хёнтхэ вступил с ней в разговор:

— Так у вас же есть знакомый, ну, тот, который раньше начальником областной канцелярии был. Вы его попросите помочь с деньгами.

В заведение приходил постоянный клиент, которому было лет за пятьдесят. Еще до Освобождения он служил заместителем начальника в какой-то области недалеко от Пхеньяна. Хёнтхэ слышал от хозяйки, что мужчина этот те-

перь неплохо зарабатывает, открыв возле района Тондэмун носочную фабрику. Он приходил и всегда сидел в комнате хозяйки. Однажды, возвращаясь из туалета, Хёнтхэ увидел, как хозяйка, приоткрыв дверь, передавала работникам на кухне заказ, а рядом с ней сидел этот самый мужчина. Несмотря на возраст, у него были густые черные волосы, а гладко выбритая кожа над верхней губой и подбородок отдавали синевой.

Хёнтхэ уже давно понял, что этот бывший замначальник и хозяйка были в близких отношениях, поэтому он и подкинул ей эту идею о деньгах.

— Ой, что вы такое говорите! Знали бы вы, какой он скряга, — отмахнулась хозяйка.

Для пущей убедительности, чтобы показать всю нелепость этой идеи, она даже хмыкнула и, приподняв подбородок, стала выпускать изо рта кольца дыма.

Чтобы покончить со всеми этими жалобами на судьбу, Хёнтхэ попросил Кехян:

— А ну-ка, спой нам.

— Так уже ведь поздно совсем, какие еще песни, — возразила было хозяйка, но тут же добавила, словно не смея отказать гостю в просьбе: — Девочка моя, помнишь ту самую песню, которую господин любит? Ну, спой ему куплетик.

Пение Кехян было не настолько хорошим, чтобы выкладывать за него большие деньги. Самое обычное третьесортное пение. Хёнтхэ всегда заказывал одну и ту же песню. Это была песня острова Чечжу. Он и сам не знал, почему она ему так нравится. Хёнтхэ не любил пение в подобных заведениях, но однажды хозяйка настояла и попросила его послушать, как поет Кехян. Он прослушал несколько песен, среди которых была и песня Чечжу. С тех пор он просил петь именно эту. И то не всю, а только первый куплет, который начинался словами «Мой любимый...».

Голос у Кехян был звонким и чистым. Хозяйка утверждала, что если бы времена были другими и Кехян правильно обучили, то она стала бы элитной кисэн. Хёнтхэ было трудно об этом судить, он в таких делах не разбирался. Лишь чувствовал, что в чистом голосе этой девушки,

как и во всем ее существовании, не было никаких эмоций. Когда ни посмотри, на белом как снег лице всегда было каменное безразличие. И сколько бы он ни просил петь один и тот же куплет, на лице ее не появлялось и намека на недовольство. Каждый раз, когда Хэнтхэ слушал пение Кехян, ему вспоминалась граммофонная пластинка. Причем такая, у которой повреждена канавка, так что мелодия заедала. Но заказ выполнялся не кем-то другим, а именно Кехян, поэтому Хэнтхэ мог, не беспокоясь о чувствах поющей, спокойно наслаждаться выпивкой под одну и ту же песню.

Хэнтхэ вышел из заведения, когда уже прозвучала сирена комендантского часа. Он ощутил, что на улице хмель бьет в голову сильнее. Ноги у него заплетались.

Местами холодным светом освещал улицу одинокий фонарь, дома же безмолвствовали в темноте. Лишь неравномерный стук ботинок Хэнтхэ, шагающего по замерзшей дороге, гулко раздавался в тишине. И слышалось, как он неосознанно и отрывисто что-то напевает себе под нос, выпуская клубы белого пара: *«Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле... Ты да я, живем мы гладко, день и ночь мы любим сладко...»*

Когда он проходил по дороге перед начальной школой Чэдон, в переулке слева слышался голос женщины, наворачивая слезы:

— Дорогой, это ты?

Хэнтхэ, не удосужившись ответить, качающейся походкой прошел мимо. *«Мой любимый вышел в море...»*

За ним кто-то шел. Это был патрульный полицейский.

— Стой, кто идет?

Не останавливаясь и шатаясь из стороны в сторону, Хэнтхэ ответил:

— Это я!

— Кто это — «я»?

Полицейский преградил ему дорогу.

— Я — это я. Хочешь посмотреть? Вот мое гражданское удостоверение... А вот и всеми обожаемая справка о демобилизации...

— Да ты хоть знаешь, который сейчас час?

— Не знаю!

— Дерзишь, значит.

Полицейский резко потянул Хёнтхэ за руку и приказал:

— Пройдем в участок!

От рывка Хёнтхэ не устоял на ногах и повалился было всем телом набок, но, падая, успел обхватить обеими руками шею полицейского, после чего стал тереться губами о его лицо.

— Тьфу ты, тьфу...

Полицейский с силой оттолкнул от себя пристающего молодого человека и начал отплевываться. Хёнтхэ упал на задницу, встал и опять потянулся руками к шее полицейского, словно хотел обнять его. Страж порядка теперь удирал от странного пьяницы, который продолжал бежать вслед за ним, расставив руки. Полицейский старался держать дистанцию, чтобы тот не смог поймать его. Когда пьяный принимался бежать, полицейский отбегал с такой же скоростью. Наконец Хёнтхэ остановился и крикнул:

— Эй, господин полицейский, меня не проведешь... Ты ведь хочешь меня таким манером до участка довести? Ничего не выйдет, нетушки... Я в полном сознании, меня не обманешь. Лучше подойди ко мне, я тебя выпивкой угощу... Не бойся, целовать больше не буду...

Полицейский остановился, оглядел Хёнтхэ, а потом неожиданно подошел к нему.

— Где вы живете? Пойдемте, я вас провожу.

— Что, боишься, что я один до дома не дойду? Лучше пойдем выпьем. Ты мне почему-то пришелся по душе...

Полицейский взял под руку артачившегося Хёнтхэ:

— Да вы хоть знаете, который сейчас час? Все питейные уже давно закрыты.

— Ну, тогда пойдем ко мне домой! Там и выпьем!

Хёнтхэ уже успел закинуть руку на плечо полицейского, который шел, поддерживая его, и стал бубнить:

— Господин полицейский, давай я тебе песню спою... *Мой любимый...* Не орать, говоришь? Ну ладно, тогда я вполголоса... *Мой любимый вышел в море. Ветер, ветерок, дуй дней сто, не нужно боле...* А что же будет, если милый

в море уходит? Господин полицейский, что же тогда будет? Ответь мне, а? Эх, какой же ты после этого полицейский, если не можешь ответить? А я вот тебе сам скажу. Только если милый уходит в море и возможно, что «ты да я, живем мы гладко, день и ночь мы любим сладко». Понятно тебе?.. И вот еще что... Ты знаешь, зачем фруктовые деревья обрезают?.. Не знаешь ведь?.. Хотя откуда тебе знать... Только одно вот запомни... Тебя, вот именно тебя, обрезать совсем не надо...

Х

Каждый день по утрам Юнгу первым делом шел проведать, все ли в порядке с курами, а затем смотрел в газете прогноз погоды. Сегодня дует северо-восточный ветер, с утра ясно, а после обеда станет пасмурно. Морозы будут стоять еще несколько дней. Читая эти новости, Юнгу нахмурился.

Из-за внезапных заморозков в последние дни куры стали нести меньше яиц.

В прошлом году ранней весной Юнгу открыл свою птицеферму. С помощью Хёнтхэ он достал земельный участок в семь соток, находившийся в пригороде Сеула, и на скорую руку построил там сарай с подогревающимся полом, состоящий из трех комнат для цыплят и одной общей комнаты. Когда он купил в инкубаторе семьсот цыплят и привез их к себе, в местах, куда не попадали прямые лучи солнца, еще цвела форзиция. Юнгу нанял себе в помощники одного мальчишку и жил с ним прямо на ферме. А через два месяца выстроил курятник и переселил туда кур. Юнгу читал книги о птицеводстве, советовался с опытными людьми, изо всех сил старался хорошо кормить кур и уберечь их от птичьих болезней. Однако за полгода до того, как куры начали нестись, ему пришлось отсеять голов семьдесят, которые оказались петухами, и еще штук сто зарезать. Но для новичка в этом деле результаты были довольно неплохие.

На одной из субботних попоек, — а это было уже после того, как куры начали нести первые яйца, — Хёнтхэ пошутил: «Ну, Юнгу, вот и у тебя теперь началась нудная жизнь! Будешь каждый день сидеть и в задницы курам заглядывать». Конечно, сказано это было в шутку и по дружбе, к тому же в нетрезвом виде, но в шутке этой таилась и горькая правда.

Вернувшись с фронта, Юнгу стал жить у прежних хозяев. До окончания университета он занимался репетиторством с младшей дочерью, которая училась в средней школе. Потом хозяин по знакомству устроил его на работу в банк в центре города. Чтобы отметить это дело, Хёнтхэ потащил Юнгу в питейную, утверждая, что тот должен угостить выпивкой. Тогда он также в шутку заметил, что все, о чем они говорили на фронте, сбывается — осталось Юнгу только лысину завести, и место банкира ему обеспечено.

Но не прошло и полгода, как от банковской карьеры пришлось отказаться. Причиной тому стали любовные отношения с хозяйской дочерью Миран.

Начав работать в банке, Юнгу снял комнату и зажил самостоятельной жизнью. Миран часто заглядывала к нему. До войны это была лишь хорошенькая девочка четырнадцати лет, теперь же она превратилась в миловидную двадцатидвухлетнюю девушку. Даже когда Юнгу не было дома, она приходила, прибиралась и переставляла его вещи с места на место. По натуре своей она была веселой и деятельной. Еще в начале войны, когда он прятался в подвале их дома, она всячески помогала ему и сообщала о безопасных моментах, чтобы он мог выйти и погреться на солнце.

Миран стала приходиться все чаще и чаще. Однажды она достала из кармана какую-то вещицу и протянула ему со словами: «Накрась меня, пожалуйста». Это была губная помада в золотистом футляре — такой штуки раньше он никогда и в руках не держал. Когда Юнгу, недоумевая, чего от него хочет Миран, неловкими движениями открыл крышку и поднес помаду к ее губам, она закрыла глаза, сжала губы в трубочку и выпятила их, поворачивая голову из стороны в сторону. В этот день они впервые поцеловались.

Интимные отношения между ними начались при похожих обстоятельствах, также с легкой руки Миран. В тот день она пришла в традиционном костюме ханбок, подошла к Юнгу и попросила завязать ей ленточку на груди.

Примерно тогда же Юнгу познакомил Миран с Хёнтхэ. Когда она приходила к нему, он, следуя ее желаниям, водил ее в кофейни, рестораны или кинотеатры. Однажды в субботу, посмотрев фильм в кинотеатре «Кукчже», они зашли в кофейню «Возвращение» и случайно встретили там Хёнтхэ и Сокки. Как всегда, Хёнтхэ был лохматым и небритым. В тот день, когда они попрощались с приятелями Юнгу и возвращались домой, Миран, наморщив носик, пробурчала: «Какой у этого Хёнтхэ ужасный вид. Просто сумасшедший». Юнгу начал ее переубеждать: «Он ходит в таком виде не потому, что у него нет денег или вкуса. Знала бы ты, как он следил за своей внешностью, когда только вернулся с фронта! Всегда ходил в костюме, галстуки каждый день менял. А потом вдруг изменился, стал говорить, что надоело переодеваться и все такое. Ты права, обычным человеком его назвать нельзя. Но знаешь, сначала он устроился на работу в фирму своего отца и трудился не покладая рук. Только потом, непонятно почему, вдруг все забросил и стал вот таким». Выслушав рассказ Юнгу, Миран уже с улыбкой на лице сказала: «Ваш друг самый настоящий чудак!»

Несколько раз после этой встречи они, прогулявшись по улицам, заходили в ту же кофейню и встречали там Хёнтхэ. Иногда они даже вместе ужинали. А потом Миран как-то сказала Юнгу: «Ваш друг Хёнтхэ оказался очень приятным человеком. Симпатичный, с широкими взглядами, и есть в нем что-то мужественное».

Юнгу не мог не беспокоиться, услышав о таких изменениях в чувствах Миран. Он был уверен: если Хёнтхэ ей понравился, это не останется лишь на словах и она обязательно что-нибудь да предпримет. Как же на это отреагирует Хёнтхэ? Разве станет он, беспорядочно встречающийся с женщинами, отказываться, если девушка сама напрашивается на объятия? Впервые Юнгу почувствовал мужскую зависть к Хёнтхэ. Он почуял надвигающуюся беду, и на

душе у него стало тяжело. С самого начала Юнгу относился к Миран не как к девушке, с которой хотел бы просто встречаться. Он был уверен, что женится на ней. У него не осталось никого из родственников, поэтому в планах его было взять в жены Миран и с помощью ее отца, бывшего каким-то начальником в министерстве финансов, сделать себе карьеру и добиться успеха в жизни. Конечно, нельзя было сказать, что он совсем не любил ее и хотел жениться из чистого расчета. Напротив, он всегда считал ее завидной невестой и был уверен, что по-своему горячо любит ее.

С того дня, как Миран сказала, что Хэнтхэ ей нравится, Юнгу стал словно невзначай заводить разговоры о свадьбе. Каждый раз, когда он это делал, она убеждала его, что незачем торопиться и что она сама расскажет родителям об их отношениях, когда выйдет удачный момент. Юнгу думал про себя, что, возможно, Миран откладывает свадьбу из-за Хэнтхэ. К тому же в последнее время она стала намного реже навещать его. И еще кое-что изменилось. Казалось, теперь Миран старается вместе с ним не попадаться людям на глаза.

Несмотря на все эти подозрения, Юнгу не спрашивал у Миран, встречается ли она с кем-нибудь, кроме него. Он знал, что если она, не дай бог, ответит, что встречается с Хэнтхэ, то ситуацию уже будет ничем не исправить. Ему казалось, разумнее немного переждать и посмотреть, к чему идет дело.

Однажды Миран, не появлявшаяся вот уже несколько дней, вдруг заявила к нему поздней ночью. На улице моросил осенний дождь. Войдя в комнату, она сразу попросила обнять ее. Потом, тяжело дыша, стала шептать ему на ухо: «Обнимите меня покрепче. Еще, еще сильнее». Юнгу никак не мог прийти в себя от ее внезапных пылких эмоций, но, с другой стороны, это его успокоило. По ее поведению и словам он был уверен, что отношения между Хэнтхэ и Миран теперь окончательно закончились.

На следующий день рано утром Миран позвонила ему на работу. Она предложила встретиться в обеденный перерыв. Когда он вышел к месту встречи, она была совсем

бледной. Оказалось, она сказала отцу, что хочет выйти замуж за Юнгу, но тот был против. «Отец считает вас умным и добропорядочным человеком, но говорит, что замужество — это другое дело». Юнгу сидел и молчал. Он прекрасно знал, что все добропорядочные родители не разрешат с первого раза своему ребенку выбрать такую невыгодную пару. После долгого молчания он сказал: «Ну, тогда приготовимся к длительной борьбе. Не стоит больше тревожить родителей разговорами о свадьбе».

С тех пор родители Миран начали следить за тем, куда их дочь выходит, и она стала приходить реже. Они встречались раз в неделю, а то и в десять дней. В один прекрасный день она пришла, чем-то радостно взволнованная. «Кажется, я беременна. Уже третий месяц у меня нет месячных, а со вчерашнего дня меня начало подташнивать». В душу Юнгу, ошарашенного этой новостью, закралось сомнение. Может, это ребенок Хёнтхэ? Но он успел вовремя сделать спокойное лицо и спросил:

— Дома знают?

— Еще нет.

— Вот и хорошо.

— Что в этом хорошего?

Юнгу немного подумал и сказал:

— Завтра я найду для тебя больницу.

— Больницу?

— Да, говорят, все делается очень просто.

Он решил, что будет лучше сделать аборт, пока о ребенке не узнали ее родители. Остальное можно было обдумать и позже, а пока нужно было скорее решить проблему, ведь тянуть в таких делах опасно. Он был уверен, что и Миран будет с ним одного мнения. Но, к его удивлению, она запротестовала:

— Нет, я уйду из дома. Давайте найдем хоть какую-нибудь маленькую квартиру и будем жить вместе. У меня есть кое-что, что можно будет продать.

Юнгу принялся ее уговаривать:

— Да, я понимаю, о чем ты. Но человек не может жить только сиюминутными чувствами и желаниями. Чтобы

жить самостоятельной жизнью, нужно подготовиться. И потом, зачем давать людям повод для лишних разговоров? Давай потерпим и подождем еще немного. Завтра я найду подходящую больницу, договорились? Не успеешь и глазом моргнуть — все закончится.

Услышав от него эти слова, Миран замолчала. Видимо, она ожидала от него совсем другого. От ее привычной веселости не осталось и следа, лицо сделалось ледяным.

Через три дня, в субботу, во второй половине дня они вдвоем пошли в маленькую частную клинику, находящуюся в одном из переулков района Хавансимни. Это был приземистый дом с черепичной крышей. Лицевая сторона здания со стеклянной входной дверью выходила на улочку, а над дверью висела вывеска с красным крестом и бросающимися в глаза большими буквами «ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ КЛИНИКА ДОКТОРА ПАКА». Даже увидев, что они пришли не к гинекологу, а к терапевту, Миран ничего не сказала. Юнгу вполголоса сказал, хотя она ни о чем и не спрашивала, что в таких вот именно местах умеют держать язык за зубами.

Он уже обо всем договорился, поэтому когда они вошли, врач лет сорока, халат которого не отличался особой чистотой, тут же повел Миран в приемный кабинет. Это был одновременно и кабинет, и операционная. Юнгу, оставшийся в комнате ожидания, которая была отделена от кабинета тонкой фанерной стеной, услышал, как врач что-то сказал медсестре, а затем послышался металлический лязг операционных инструментов.

Он сел на старый продавленный диван и раскрыл газету. Тонкие лучи октябрьского солнца пробивались сквозь форточку. Из соседнего кабинета слышались короткие стоны Миран и слова успокаивавшего ее доктора. Юнгу сидел под этими тонкими солнечными лучами и, уставившись бессмысленным взглядом в газету, о чем-то думал. «А что, если отец ребенка действительно Хёнтхэ? Хотя чей бы это ребенок ни был, все лучше будет от него избавиться».

Наконец доктор вышел в комнату ожидания, вытирая руки о полотенце.

— Все прошло удачно. Ваша супруга очень терпеливая.

До дома Миран они взяли такси. В машине она обессиленно откинулась на спинку сидения, лицо ее было мертвенно-бледным. Юнгу стал шептать Миран на ухо: «Сказали, что дня два поболит, а потом полегчает. Тебе надо будет полежать». Она ничего не ответила, только нащупала руку Юнгу и сжала ее. Он увидел, что водитель через зеркало заднего вида смотрит на них, и это его покорило. Он тихонько вытянул свою руку из руки Миран, достал сигарету и начал вставлять ее в мундштук.

Через девять дней Миран умерла. Врач оказался неопытным, он не только не выскреб все как надо, но еще и задел брюшину. Больше недели Миран лежала с высокой температурой. У нее началось обильное кровотечение, а потом ее повезли к известному гинекологу, взявшему ее на повторную операцию, во время которой она и скончалась.

После всего этого, естественно, Юнгу пришлось уйти с работы в банке. Когда он остался без работы, Хёнтхэ стал отчитывать его:

— Эх, ты! Не ожидал я от тебя такого. Если не хотел жениться, повстречался бы несколько раз да бросил. А если серьезные намерения были, надо было на все плюнуть и вместе жить. Хотя что толку теперь об этом говорить? Ты чем заниматься собираешься?

Юнгу уныло ответил:

— Ума не приложу, что делать. Может, ты поможешь мне найти место в фирме твоего отца?

— Да я же тебе говорил, у моего старика собственные строгие порядки насчет приема работников. Попроси его хоть сам властелин поднебесья, он не согласится, — усмехаясь, ответил Хёнтхэ.

— Но ведь ты раньше обещал, что, если мне будет особо тяжело, обязательно найдешь для меня хоть какое-нибудь место?

Хёнтхэ рассмеялся и сказал:

— То, что тебе надо, ты хорошо помнишь. Если бы я сейчас работал в фирме отца, я бы тебя точно как-ни-

будь да пристроил. Эх, жаль, что такой трудяга, как ты, остался без дела!

Потом почти полгода Хёнтхэ платил за комнату Юнгу. Однажды он сказал, что его отец купил несколько земельных участков в пригороде, и предложил Юнгу заняться на одном из них каким-нибудь бизнесом. Вот Юнгу и решил открыть небольшую птицеферму.

Юнгу не думал, что Хёнтхэ помогает ему только по щедрости души или потому что они были боевыми товарищами. Он был уверен, что за этим кроется и другая причина. «Хоть Хёнтхэ и распутник, не может ведь он не чувствовать себя виноватым передо мной, своим другом, с девушкой которого так поступил? Наверняка он хочет хоть как-то искупить свою вину». Водились у Юнгу и другие мысли. Миран умерла, и с этим ничего не поделаешь, а ему еще жить да жить. Не стоило в разговоре с Хёнтхэ, который ему сейчас помогает, упоминать о прошлом и допытываться об их отношениях.

Как раньше, так и сейчас, Юнгу был уверен лишь в одном: что бы ни случилось, он должен сам обустроить свою жизнь. Поэтому, когда Хёнтхэ насмешливо сказал, что и у него теперь началась нудная жизнь и он будет каждый день сидеть и в задницы курам заглядывать, Юнгу не стал обращать на это внимания. Ему было все равно, как это было сказано: в добрую шутку или со злой насмешкой. Ведь Хёнтхэ почти полгода платил за его жилье, а потом еще и помогал с деньгами до тех пор, пока куры не начали нестись. К счастью, теперь Юнгу каждый месяц, хотя и понемногу, возвращал долг Хёнтхэ. Каждое яйцо было у него на счету, ведь доход с яиц был тем краеугольным камнем, от которого зависела его будущая независимая жизнь.

В десять часов утра Юнгу взял корзину и пошел собирать яйца. Погода была ясная, совсем не верилось, что после обеда станет пасмурно. На улице стоял мороз. По дороге в курятник Юнгу покосился на большую кучу мусора за забором. «Хочется верить, что эту грязь не оставят здесь до весны. Не дай бог, еще куры мои от нее заболеют».

Когда они с Хёнтхэ в первый раз приехали сюда посмотреть, годится ли место для птицефермы, они слышали женские голоса. Метрах в пятидесяти от них болтали две женщины, но голоса их были слышны настолько отчетливо, что казалось, они разговаривают совсем рядом. настолько вокруг было тихо. И воздух тогда был чистым. Но после того, как Юнгу начал свой бизнес, за весну, лето и осень здесь понастроили домов для малоимущих семей, потом к ним добавились еще и частные дома, и всего лишь за год район изменился до неузнаваемости. Юнгу решил про себя, что нужно будет больше заботиться о гигиене кур, ведь теперь вокруг живет столько людей.

Он открыл дверь и вошел в курятник. От солнечных лучей, проникающих через утепленные пленкой окна, и живого тепла кур здесь было жарко даже в такие морозные дни, как сегодня. Света тоже всегда хватало. Даже когда на улице было хмуро и уныло, стоило лишь прийти сюда — и весь мир казался белым от куриных перьев. На этом белом фоне контрастно вырисовывались алые гребешки. Заботливым взглядом Юнгу окинул перья и гребешки, проверяя, нет ли больных птиц. Затем осторожно прошел к гнездовым ящикам и начал собирать в корзину свежеснесенные яйца. Выходя из курятника с полной корзиной в руках, он, как и всякий раз, почувствовал, что душу его наполняет необъяснимая гордость.

Но сегодня, закончив с первым и вторым курятниками и открыв дверь третьего, Юнгу понял, что опять случилось неладное. Одна курица, повалившись набок, лишь дергала ногами и вытягивала что есть силы шею. Из заднего прохода у нее торчали кишки, которые вовсю клевали сбегавшиеся со всех сторон куры. У свалившейся курицы глаза уже были закрыты, а гребешок стал темно-багровым. Юнгу подбежал, отогнал кур и понес раненую курицу на улицу. Куры бежали вслед за ним и продолжали клевать влочащиеся, облепленные песком внутренности.

Позавчера в этом курятнике уже произошел такой же случай.

Мальчик-помощник зашел сделать уборку и вышел с окровавленной курицей в руках. На фоне белых перьев

кровь еще больше бросалась в глаза, и казалось, что птица вся истекает кровью.

Как известно, мало какая птица столь же своенравна и настолько подвержена болезням, как курица. Если что-нибудь особенное бросается курицам в глаза, они начинают это клевать. Бывает, одна курица встряхнет перьями и от нее отлетает перышко или какая-нибудь труха. Так другая непременно примется клевать увиденное. Поэтому когда цыплята подросли и принялись клевать друг другу крылья и задницы, Юнгу приходилось почти целыми днями следить за ними в курятнике.

Начав нести яйца, они немного успокоились и больше не клевали друг друга. И вот уже второй случай за последние дни. Недавно он заметил у них еще одну странную повадку: они дрались из-за гнездовых ящичков. Оказалось, что куры несутся всегда в одном и том же месте, поэтому сколько бы пустых ящичков рядом ни стояло, они упорно садились в тот, который считали своим. Иногда в одном ящичке сидело по несколько кур, которые клевали друг друга в борьбе за место. Но у позавчерашней окровавленной курицы и у сегодняшней, с выпавшими кишками, гребешки были целыми, значит, поранились они не в драке.

Юнгу решил, что тех двух заклевали чисто случайно, что-то дало другим курам повод вспомнить старую привычку. Скорее всего, позавчерашняя курица перебирала клювом перья и случайно расцарапала крыло до крови. Вот другие и стали клевать ее, пока совсем не задолбили. С сегодняшней наверняка произошло что-то в том же роде. Бывает, что у кур задница выпячивается не только тогда, когда они опорожняются, а просто так, сама по себе. Какая-нибудь, наверное, увидела это и клюнула, а другие, увидев кровь, продолжили, пока кишки не вылезли.

В любом случае Юнгу решил, что все случилось потому, что он не успел вовремя это заметить. Только вот почему оба случая произошли именно в третьем курятнике? Видно, есть там кура, которая снова принялась за старое. Если так, то нужно как можно скорее ее найти и отделить от других. Но вот как узнать, кто из них заводила? Трудно

углядеть, кто первый начал клевать, замечаешь все только тогда, когда дело уже сделано и ничем не можешь. Юнгу решил бдительнее следить за третьим курятником.

Мальчик-помощник развез клиентам яйца и вернулся. Он поставил велосипед в сарай и, выходя, увидел перед кухонной дверью валявшуюся на земле курицу.

— А почему еще одна умерла? — испуганно спросил он.

Юнгу посмотрел на мертвую курицу, лежавшую на земле. И тут, непонятно почему, ему вспомнилась Миран, умершая после аборта. Но он сразу постарался забыть о ней и стал рассказывать парнишке, как все произошло. Затем дал указание:

— Впредь заглядывай в третий курятник почаще.

— Вот дадут, сволочи.

— Ничего не подделаешь, кипятить воду.

Когда часов в одиннадцать Юнгу сидел в кладовке и смешивал корм, незнакомая девушка осторожно открыла калитку и вошла во двор. Юнгу сразу понял, кто она. Во-первых, Хёнтхэ его уже предупредил, а во-вторых, вчера, вернувшись домой, он узнал от помощника, что к нему приходили.

Стоя у раскрытой калитки, девушка вежливо поздоровалась:

— Извините, я пришла к господину Наму.

— Это я...

Скромной походкой она подошла к Юнгу — невысокая, стройная, в обуви на низком каблуке. На ней была узкая темно-серая с лиловым оттенком юбка и полупальто такого же цвета.

Девушка была немного смуглой, лицо у нее было продолговатое, губы и ресницы — ненакрашенными. Единственное, что бросалось в глаза, — молочного цвета шарфик с крупными красными, синими и желтыми горошинами.

Подойдя к Юнгу, девушка крепко сжала обеими руками большую черную кожаную сумку и спросила:

— Извините, вы знакомы с Юн Донхо?

— Да, знаком.

Услышав его ответ, она слегка качнула головой и представилась:

- Меня зовут Чжан Сути.
- А, понятно.
- Я вчера к вам тоже приходила, но вас не было...
- Я отлучался по делам, но мне о вас рассказали.
- Вы, наверное, заняты...

Сути посмотрела в сторону курятников и продолжила:

— У вас так много кур.

Затем, немного поколебавшись, она спросила:

— Если вы не очень заняты, могли бы вы уделить мне немного времени? Мне очень нужно вас кое о чем спросить. Может, вы пойдете со мной в кофейню или еще куда-нибудь, где мы сможем поговорить?

Ближайшая кофейня находилась возле районного полицейского участка и идти до нее было далеко. Но дело было не только в расстоянии. Юнгу помнил, что вчера ему сказал Хэнтхэ, поэтому хотел, не говоря ничего лишнего, поскорее выпроводить гостью.

— Не знаю, что вам от меня нужно, но давайте лучше поговорим прямо здесь. Извините, в доме у меня такой беспорядок, что и пригласить внутрь не могу. Если хотите, проходите вот сюда, садитесь.

Он достал ящик из-под яблок и поставил перед ней.

Не беспокоясь о том, что может запачкать одежду, Сути присела на ящик и продолжила:

— Ну, раз так, я задам вам несколько вопросов прямо здесь. Вы ведь служили с Донхо в одном отряде, правда?

— Да.

— А правда, что он покончил жизнь самоубийством?

— Да.

Ненакрашенные щеки Сути слегка покраснели, она затеребила пальцами ремешок сумки.

— Вы знаете причину, по которой он это сделал?

— Нет, мне об этом ничего не известно.

— А перед тем, как это сделать, не вел ли он себя как-то странно?

— Не знаю. Я ничего такого не приметил.

Сути, опустив глаза, продолжала теревать ремешок.

— Извините, что задаю так много вопросов. А не было ли у него каких-нибудь признаков психического расстройства?

— Нет. Он выглядел нормальным.

— Почему же он тогда кончил жизнь самоубийством?

Юнгу молчал.

Девушка поняла, что не узнает от него больше ничего нового. Она посмотрела на Юнгу грустными глазами и сказала:

— Неужели он даже не попросил передать что-нибудь мне или кому-то другому?..

У Юнгу екнуло в душе, но он, избегая ее взгляда, с твердостью в голосе ответил:

— Меня, по крайней мере, он ни о чем не просил.

— Может, кроме вас и господина Сина, у Донхо были другие близкие товарищи?

— Не знаю. Но, по-моему, он больше ни с кем особо не общался.

Хёнтхэ встал с постели, когда уже перевалило за полдень. В голове гудело, его подташнивало. Он попросил девочку-служанку сварить кофе.

Принеся ему на подносе чашку кофе, она доложила:

— Вам недавно звонили.

— Кто это был?

— Женщина по имени Чжан Суги. Я сказала, что вы спите, и она обещала перезвонить.

«Может, она до сих пор не нашла дом Юнгу и хочет уточнить его адрес?»

Выпив кофе, Хёнтхэ пошел умыться, а когда он возвращался в свою комнату, мать позвала его к себе. В последнее время, скорее всего, от неподвижного образа жизни, мать стала еще тучнее. Даже не начав говорить, она уже тяжело дышала.

— Ну посмотри, что у тебя за вид?! На кого ты стал похож?! Я ведь терплю, думаю, не маленький, сам знаешь, что делать, а ты все больше и больше опускаешься. Скажи мне, чем ты собираешься заниматься?

Хёнтхэ стоял и только молча вытирал полотенцем лицо.

— Ну, что ты в этот раз вытворил? У тебя же была справка, почему ты ее не предъявил и заставил нас с отцом переживать? А потом? Раз отпустили, надо было прямиком домой идти, а ты где-то в стельку напился и заявился домой после комендантского часа, да еще с полицейским. Неужели было трудно хотя бы позвонить и предупредить нас, что с тобой все в порядке?

— Я же вам всегда говорю: не надо обо мне беспокоиться.

— Это ты так думаешь, а разве мать может не беспокоиться о своем ребенке? Я и отцу твоему сказала, чтобы тебе слишком много свободы не давал и поговорил с тобой. Но разве у него есть время на семью? Он ведь день и ночь занят своим бизнесом.

— Да говорю же вам, не беспокойтесь. Я сам найду себе занятие. Вы лучше о своем здоровье позаботьтесь. Сходите в гости к подругам, отдохните.

— Ты обо мне не беспокойся, а лучше сам глупостей не делай. Ты хоть знаешь, сколько на тебя каждый месяц денег уходит? Мне уже надоело чувствовать себя виноватой, выпрашивая у твоего отца деньги. А какой пример ты подаешь младшему брату?

— Уж за него-то вы не волнуйтесь. Вот увидите, он и без моей помощи найдет себе дорогу в жизни.

Хёнтхэ хотел уже выйти из комнаты родителей, но мать остановила его.

— Сам не ведаешь, чего творишь, а когда замечания делают, не хочешь и слушать никого... Вот, тебе визу дали.

Мать достала из туалетного столика белый конверт и протянула ему.

В нем была американская виза. Он сам решил как можно скорее получить ее и для этого сдал экзамен, проводившийся Министерством культуры и образования, прошел собеседование в посольстве Америки и даже сходил получить медицинскую справку.

— Пусть лучше у вас пока постоит. Я ведь могу ее потерять.

— Прошу тебя, возьми за ум и начинай потихоньку собираться.

— Да, надо бы.

Отвечая матери, Хёнтхэ подумал: «А не уехать ли и вправду куда-нибудь?» Хотя бы для того, чтобы избавиться от этой всепоглощающей хандры.

Когда Хёнтхэ вернулся в свою комнату, ему принесли столик с поздним завтраком, но есть ему не хотелось. Он почти не притронулся к еде и приказал все унести.

Позже, как и договаривались прошлой ночью, он пошел в кофейню «Янчжи» встретиться с Сокки. Теперь они сидели друг против друга и молча пили чай. Встретившись, они почти никогда не говорили о событиях прошлой ночи. Так было и сегодня.

Через некоторое время они вышли из кофейни и пошли в оптику «Чонбодан», которая находилась рядом с универсамом «Хвасин».

Окулист проверил глаза Сокки и сказал, что зрение у него ухудшилось.

— Вам какие линзы вставить? — спросил служащий магазина.

— А какие есть?

— Немецкие, американские, японские... Любые, какие хотите.

— Немецкие ведь самые хорошие?

— Еще бы. И цены на них совсем другие.

— Короче, вставьте ему самые хорошие.

Пока Хёнтхэ разговаривал со служащим, Сокки ни словом не обмолвился о том, что совсем не обязательно покупать самые дорогие линзы, а когда они уже договорились, тут же достал из кармана оправу и протянул ее служащему. Видимо, он специально носил ее с собой.

Выйдя из оптики, Сокки и Хёнтхэ направились в бильярдную.

— Теперь так четко все вижу, что фокус поймать не могу, — ворчал Сокки, держа в руках кий и сверкая толстыми линзами. Возможно, это была правда, потому что набрать очки в бильярд ему никак не удавалось.

У Хёнтхэ удары тоже не получались. Плечи налились тяжестью, во всем теле чувствовалась усталость. Они сыграли только две игры.

Когда Хёнтхэ днем выходил из дома, на небе начали появляться тучи, теперь же небо совсем заволокло. Почему-то на душе у Хёнтхэ было тошно и тяжело. На войне такие чувства были роскошью.

— Ты куда пойдешь? Может, пропустим по одной?

— Пойду домой, полежу немного.

— Ты ведь завтра придешь?

— Я, пожалуй, несколько дней отдохну. А ты смотри, за это время фокус поймай.

Расставшись с Сокки, Хёнтхэ по дороге домой зашел в парикмахерскую. Пока его стригли, он начал клевать носом, а когда уложили, чтобы побрить, совсем уснул. Хёнтхэ так глубоко погрузился в сон, что проснулся лишь тогда, когда парикмахер стал будить его, чтобы умыть.

Увидев вернувшегося домой Хёнтхэ, девочка-служанка доложила:

— Вам опять звонила та женщина.

«Я ведь ей подробно нарисовал, где живет Юнгу, как же она могла не найти его дом?» — подумал он. Ему совсем не хотелось снова связываться с Суги.

— Если она опять позвонит, скажи, что я болен.

Хёнтхэ принял горячую ванну и лег в постель. Он собирался погрузиться в «медвежью спячку», как называла это его мать. Когда на него находило такое состояние, он мог по нескольку дней не вылезать из постели: ел прямо в постели, а потом опять залезал под одеяло. Читал он именно в такие дни. Он читал лежа и засыпал, когда его клонило ко сну, а когда просыпался, снова брался за книгу, которую оставлял возле себя прямо на подушке или одеяле.

XI

Интересно, могут ли люди жить, не раня друг друга? По всей вероятности, без этого невозможны человеческие отношения: разница лишь в том, большие это раны или маленькие, глубокие или не очень, физические или душевные, преднамеренные или нет. И от этого не уйти ни

в отношениях между друзьями, ни в отношениях между возлюбленными, ни даже в отношениях между родителями и детьми. Единственная причина, по которой мы можем продолжать жить, получая все эти раны, — это потому что стараемся забыть о них или же просто привыкаем к ним.

Вторая встреча Хёнтхэ и Суги произошла в один из тех дней, когда он вышел из «медвежьей спячки» и снова начал вести беспорядочную жизнь. Около часа пополудни, когда он проходил мимо гостиницы «Пандо» и уже почти дошел до улицы Ыльчиро, его окликнул женский голос:

— Господин Син, это вы?

Он оглянулся и увидел запыхавшуюся Суги, которая, видимо, бежала, чтобы догнать его. «Ну вот, сегодня я наконец попался», — подумал про себя Хёнтхэ. Девушка старалась сдерживать порывистое дыхание, ее ненакрашенные щеки покраснелись, и по всему ее виду можно было понять, что на этот раз она не отступит. Суги спросила, нет ли у него времени зайти вместе в кофейню. Хёнтхэ не оставалось ничего, как последовать за ней.

— Вам ведь несколько дней нездоровилось? Теперь уже лучше? — спросила Суги, когда они заказали по чашке чая.

Когда Хёнтхэ вышел из «спячки», девочка-служанка доложила, что Суги несколько раз звонила ему. Он предупредил девочку, что она должна всегда говорить — мол, его нет. Хёнтхэ надеялся, что, если он не будет отвечать на звонки, Суги сама скоро отступится.

— Знаете, мой офис находится прямо в гостинице «Пандо».

Оказалось, она работает машинисткой в иностранной фирме, расположившейся в здании гостиницы.

— Я только что вернулась с обеда. Представляете, случайно посмотрела в окно и увидела вас!

И выражение лица, и голос Суги говорили о том, что она не перестает удивляться их случайной встрече.

Но не прошло и нескольких минут, как она глянула на ручные часы, немного помялась и, прикрыв ладошкой рот, словно сообщая тайну, прошептала:

— Понимаете, в иностранных фирмах нужно строго соблюдать рабочее время. Не могли бы вы сегодня вече-

ром уделить мне немного времени? После пяти я в любое время свободна.

— К сожалению, сегодня не могу, я договорился встретиться кое с кем.

Он собирался встретиться с Сокки и пойти в кино. Когда сеанс закончится, будет часа три, и ему совсем не хотелось где-то потом убивать оставшееся время и дожидаться ее.

— Ну, а как насчет завтра? Завтра суббота, поэтому я кончаю работать в час.

— На завтра у меня тоже назначена встреча.

— Как жаль!

Слегка прикусив губу, Сути снова посмотрела на часы.

— Тогда давайте поговорим прямо сейчас...

Казалось, она была готова на все, лишь бы поговорить с ним. На работу она решила не идти. Сути смотрела прямо в глаза Хёнтхэ, в застывшем лице ее чувствовалось напряжение.

— Ну хорошо, я постараюсь завтра найти для вас время. Давайте встретимся в час.

Лицо Сути просветлело.

— Простите меня за настойчивость!

Они расстались, договорившись встретиться в этой же кофейне.

Следующий день выдался морозным. Холода, отступившие было на время, вернулись, к тому же дул сильный ветер.

Хёнтхэ пришел минут на двадцать позже назначенного времени. Увидев его, Сути, сидевшая за столиком в углу, привстала.

— Простите меня еще раз, что отрываю вас от дел.

Было видно, что она ждет его уже довольно давно: чашка была пуста, только на дне ее лежали остывшие чайники.

Интересно, как бы на ее месте поступила Миран? Хёнтхэ вспомнил, как прежде встречался с Миран в кофейне. Стоило ему опоздать хоть на несколько минут, она не могла усидеть на месте. Однажды, когда он в очередной раз опоздал, она указала подбородком на соседний столик

и сказала: «Посмотрите-ка вон туда!» Там, вся съезжившись и притупив взгляд, сидела какая-то молодая женщина. «Как она вам? Зашла сюда немногим позже меня и до сих пор сидит вот так. Жалко выглядит, правда? Вот я и говорю, нельзя заставлять девушек ждать в таких местах». Иногда одними порицаниями дело не заканчивалось, и она устраивала нелепые выходки. Однажды они договорились встретиться, но она не приходила. Не дождавшись, он вышел из кофейни, и тут из тени с противоположной стороны улицы к нему выскочила Миран. «Вы и пятнадцать минут не можете меня подождать?» — упрекнула она. «Дурацкая выходка», — пробурчал он. Миран рассмеялась. «Хотите сказать, я веду себя как невоспитанная девушка? Ну должна же я вас хоть как-то проучить за ваши опоздания!» Хёнтхэ остыл к Миран не только потому, что она была девушкой Юнгу. Вернее было бы сказать, что ему не нравились ее бойкий и дерзкий характер, взбалмошность и эгоизм, требование к себе особого внимания. Девушка, которая сейчас сидела перед ним, была совсем другая, — она была похожа на спокойно текущую реку. Он подумал, что придется с ней сегодня поговорить, а потом пусть течет себе по своему руслу.

Поскольку была суббота, в кофейне было довольно шумно. За одним столиком с Хёнтхэ и Суги сидели и другие посетители.

Суги знала, что должна хоть с чего-то начать разговор, но в такой обстановке говорить не решалась. Она решила, что когда Хёнтхэ допьет чай, предложит ему пойти в какое-нибудь другое место, но он первым заговорил с ней.

— Вы давно работаете в фирме?

— Второй год.

Суги решила продолжить начатую тему и стала рассказывать о своей работе.

— Владелец нашей фирмы — немец из Западной Германии. Я знала, что немцы очень практичные, но не ожидала, что до такой степени. Наш начальник ходит на обед к себе домой за исключением только особых случаев. И это еще ничего. Он даже кофе приносит с собой в термосе. Но

назвать его бессердечным нельзя. Он неплохо относится к подчиненным и, если выполнять работу как положено, ничего лишнего не говорит. Нужно только строго соблюдать часы работы.

Сказав это, Суги вспомнила, что и вчера говорила о пунктуальности европейцев. Говорила она об этом без особого умысла, но теперь испугалась, как бы Хёнтхэ не обиделся. А вдруг он примет это за намек на его сегодняшнее опоздание на двадцать минут?

Разговор прервался, и они сидели молча.

Увидев, что Хёнтхэ наконец допил чай, Суги предложила выйти и с извиняющейся улыбкой на лице поднялась. Хёнтхэ и сам подумал, что в таком месте эта девушка вряд ли сможет поговорить с ним, и тоже встал. Как и вчера, Суги первая подошла к кассе и расплатилась за чай.

Когда они дошли до пешеходного перехода на перекрестке Ыльчиро Ипку, Суги спросила:

— Господин Син, вы уже пообедали?

Хёнтхэ сегодня, как всегда, съел поздний завтрак, а потом пошел играть в бильярд, поэтому и опоздал. Но сейчас и он, и она знали, что дело было не в еде, а в том, чтобы найти место, где можно было бы спокойно поговорить.

Они пошли в китайский ресторан через дорогу.

Внутри горела угольная печка, но в зале было зябко. Никто из них к еде почти не притронулся.

Суги осторожно вытерла носовым платком губы и заговорила:

— Господин Син, наверное, вы считаете меня ужасно надоедливой. Думаете, какая я настырная. Но для меня это очень важно, и как бы стыдно мне ни было, все же я попрошу вас помочь мне.

Затем она посмотрела куда-то вдаль и снова опустила глаза.

— Я собираюсь заключить помолвку с одним молодым человеком.

Сказано это было тихим голосом, но в нем чувствовалась некая решительность, бывшая результатом долгих раздумий.

— Сначала я хотела всю жизнь прожить одна, живя воспоминаниями о Донхо. И даже когда родители или знакомые говорили о замужестве, меня это не особо волновало. Я и представить себя не могла женой другого мужчины.

Она с минуту прикрыла глаза, слегка отклонила голову назад и, тихо вдохнув воздух, продолжила:

— Так я и решила... Но со временем стали закрадываться сомнения. Почему я должна быть верна человеку, который покончил с собой, несмотря на то что у него была я? Какие бы ни были у него причины... Возможно, сами эти мысли и есть свидетельство того, что я начала забывать о нем.

— Кстати, а где вы живете? — спросил Хёнтхэ.

Он спросил об этом не потому, что его действительно это интересовало. Казалось, тихие воды ее чувств наткнулись на речной порог и теперь бурлили все с большей силой, и он попытался направить их в другое русло.

Она ответила:

— В соседнем городе, Инчоне. Приходится каждый день оттуда приезжать на работу. Раньше мы с Донхо всегда вместе приезжали на учебу в Сеул. Поначалу, когда я начала ездить одна, без Донхо, мне казалось, что он по-прежнему сидит рядом и мы едем вместе. Не раз я заставляла себя ищущей его среди людей, выходящих из автобуса... Об этом я еще никому не говорила, даже самой близкой подруге.

— Выходит, вы уже давно были знакомы с Донхо?

— Да, конечно. Мы учились вместе в начальной школе. А теперь...

Тут Суги затихла. Пытаясь остановить прилив чувства, она опустила взгляд и старалась сдержать взволнованное дыхание. Ее не очень длинные волосы скрывали плечи, и от этого она казалась еще более хрупкой.

Немного погодя Суги посмотрела на Хёнтхэ и тихо сказала:

— Вам, наверно, смешно все это выслушивать. В любом случае, я решила последовать совету родителей и выйти замуж.

Затем она рассказала, что после того, как начала готовиться к замужеству, ее никак не оставляет одна мысль. Несмотря на то что она считала все отношения с Донхо забытыми, ее мучает вопрос: почему же он все-таки покончил с собой? И если она не найдет хоть какой-то ответ на этот вопрос, она не сможет со спокойной душой выйти замуж.

— Донхо писал в письмах о вас, поэтому я и решила найти вас. Я знала, что вы были близки с ним как никто другой. Но ни вы, ни господин Нам ни о чем не захотели мне рассказать. И тогда я поняла, что вы что-то недоговариваете.

— Да, вы правы, мы были с Донхо самыми близкими товарищами.

— Я об этом и говорю. Значит, вы должны о нем что-то знать.

— Он был очень простодушным. Можно даже сказать — наивным.

— Вы продолжаете от меня что-то скрывать. Может, я преувеличиваю, но мне кажется, что вы и звонки мои не принимали, чтобы не встречаться со мной...

Ее острый носик даже немного побелел от волнения и напряжения.

— Расскажите мне обо всем, что было. Я готова выслушать любую правду.

— Знаете, человек ведь такое существо, которое может без особой на то причины убить и другого человека, и себя... как бы нелепо этот поступок ни выглядел.

— Все равно, должна быть на то хоть какая-то причина.

— Чужая душа — потемки, мне ничего об этом не известно.

— Но ведь у вас есть на этот счет какие-то догадки? Вы же говорите, что были близки.

— Думаю, нет на свете ничего хуже и опаснее предположений и догадок.

— Выходит, вы так и не расскажете мне ни о чем.

— Вы ошибаетесь, думая, что я ухожу от ответа... Могу сказать лишь одно: то, что мы тут распространяемся на-

счет того, кого уже нет в живых, — это лишь пустая прихоть и ничего больше. Когда Донхо умер, мне тоже было очень жаль его. А потом я разозлился на него за то, что он оказался таким слабаком. Но все это только моя прихоть. И то, что вы хотели жить всю жизнь воспоминаниями о нем, или то, что сейчас хотите выйти замуж с чистой совестью только после того, как узнаете причину его смерти, — все это лишь ваша прихоть.

— Я вас поняла. Хотите сказать, не стоит надоедать другим ради своей прихоти?

Теперь не только кончик носа, но и все лицо ее побледнело и стало даже каким-то желтоватым.

В голове Хёнтхэ почему-то пронеслась мысль, что после помолвки, скорее всего, эта девушка тоже начнет краситься.

XII

Однажды вечером Хёнтхэ и Сокки, уже подвыпившие, зашли в кофейню «Возвращение». Они хотели выпить еще где-нибудь, но по дороге наткнулись на кофейню и решили заглянуть сюда. Час был поздний, и посетителей уже почти не осталось. Хёнтхэ и Сокки молча сели у печки и стали греться, давая выпитому алкоголю медленно растечься по телу. Тут подошла официантка и поставила перед ними две чашки кофе, хотя они и не делали заказ. Хёнтхэ и Сокки были здесь завсегдатаями, поэтому могли иногда просто зайти и посидеть, ничего не заказывая. Не успели они спросить, откуда кофе, официантка кивнула в сторону: «Вон та женщина заказала для вас». Хёнтхэ увидел Суги, слегка поклонившуюся им в знак приветствия.

— Кто это? — спросил Сокки, помешивая ложечкой кофе.

— Да так, одна знакомая.

С последней встречи Хёнтхэ и Суги прошло дней десять. Он вспомнил, что, расставаясь, она спросила у него, где его обычно можно застать. А поскольку она и без того знала, что он намеренно избегал ее, Хёнтхэ пришлось рассказать об этой кофейне. Он думал, что она спросила его об этом

просто так, без особого умысла. В прошлый раз ему довелось увидеть весь бурный поток ее эмоций, но он решил, что на том все и закончилось и она больше не будет его доставать. И вот теперь она заявила сюда! Конечно, он спокойно мог проигнорировать ее присутствие. Но сегодня он был немного пьян. Даже не притронувшись к кофе, он направился к Суги. Ему казалось, что он преодолевает какое-то водное течение, захватывающее и уносящее его с собой.

Поправив на себе одежду, Суги сказала:

— Хорошая кофейня. Здесь очень тихо и уютно.

— Вы что, еще не заключили свою помолвку?

Вопрос был задан грубовато, и Суги не сразу нашлась. Она смотрела на него, ничего не отвечая. Он уже давно не брился, поэтому покрасневшее от выпитого лицо густо заросло щетиной.

— Вы, наверное, рассержены, что я без разрешения заказала вам кофе. Простите меня. Просто мне показалось, что вы выглядите уставшим. Я не подумала о том, что вы не один. Простите меня еще раз.

— Нет, дело не в этом...

— Я приходила в эту кофейню не для того, чтобы опять надоедать вам расспросами о Донхо. Просто... Как бы это объяснить... Мне хотелось хоть увидеть, как живете вы или господин Нам, ведь вы были близки когда-то с Донхо.

Ухмылка появилась на лице Хёнтхэ.

— Ну и что вы увидели? Что я уставший? Или то, что я пьян? Наверное, по сравнению с иностранцами, живущими размеренной жизнью, мы кажемся вам еще непригляднее... Только знайте, во мне вы не найдете ничего общего с вашим Донхо.

— Хотите сказать, что и мой приход в эту кофейню — всего лишь пустая прихоть? Хорошо. Пусть это моя прихоть. Но что в этом предосудительного?

На одно мгновение на лице ее мелькнула холодная и то-скливая улыбка.

— Ну а это не мое дело. Но запомните одно — пьяные терпеть не могут, когда трезвые за ними подглядывают или вмешиваются в их дела.

Хёнтхэ встал и пошел в сторону Сокки, но потом, видимо передумав, вернулся и снова сел напротив Суги. Он чуть наклонился к ней. Его покрасневшие глаза сверкали.

— Если задержитесь здесь допоздна, упустите последний автобус в Инчон. Поэтому так уж и быть, скажу вам одну вещь. В прошлый раз вы сказали, что готовы выслушать любую правду. Я ведь не ошибаюсь? Хотите, я ее вам сейчас расскажу? Ваш Донхо убил из автомата женщину. Он выстрелил в мужчину и женщину: мужчина был ранен, а женщина умерла.

Хёнтхэ осознавал, что спьяну выбалтывает лишнее, но что-то подталкивало его на этот разговор.

— Женщина была дешевой проституткой. Вот все, что я могу вам рассказать о его самоубийстве. Об остальном догадывайтесь сами... А, кстати, еще он перед смертью оставил письмо. Я могу принести вам его хоть завтра.

Суги сидела неподвижно, уставившись невидящими глазами на Хёнтхэ. Казалось, на бледном лице этой девушки не осталось ни кровинки. Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль.

Хёнтхэ почувствовал то жестокое удовольствие, которое уже давно не охватывало его.

— Ну что? Приходите сюда завтра в шесть. Я принесу вам письмо.

Суги продолжала сидеть неподвижно. Глаза ее, словно отражающие неведомую даль, блеснули от наполняющей их влаги.

Хёнтхэ вернулся к Сокки, и они вместе вышли из кофейни.

Два приятеля еще долго бродили по разным питейным домам. Хёнтхэ наверняка знал, что слова его больно ранили Суги. Ну и что с того? Это было не его дело. Но почему-то и ему было тошно. Этой ночью он не мог опьянеть, сколько бы ни пил. На душе скребли кошки.

Часов в одиннадцать ночи Хёнтхэ расстался с Сокки и по дороге домой заглянул в дом увеселения «Пхеньян».

Посетителей не было, только одна девочка-служанка сидела у печки и клевала носом.

В комнате хозяйки торчал начальник областной канцелярии. Непристойные разговоры хозяйки и ее гостя доносились до комнаты, в которой засел Хёнтхэ.

Принеся заказанную выпивку с закуской, Кехян устроилась рядом и время от времени наливала ему. Она, как всегда, сидела сложив руки на правом колене. Только наливая ему спиртное, механически правой рукой поднимала чайник, а левую приставляла к краю правого рукава. Кажалось, все ее чувства скрываются за этим замороженным белым лицом. Присутствие холодной как камень Кехян, которая не требовала к себе абсолютно никакого внимания, и на этот раз принесло Хёнтхэ душевное успокоение.

Из комнаты хозяйки донеслось: «Ой, да что вы! Мне больше не выпить! Я уже и так пьяна!» Дальше послышался слащавый голос начальника канцелярии: «Моя душечка Вольсон, и ты, видно, уже стареешь?» Он всегда ласково звал ее по имени, поэтому Хёнтхэ спросил у Кехян: «А что, хозяйка твоя тоже раньше гостей развлекала?» Та ничего не ответила, только слегка улыбнулась. Не понять было, что означала эта улыбка: согласие или несогласие, а может — просто то, что Кехян ничего об этом не известно. Это было ничего не значащее механическое движение губ. Из комнаты хозяйки долгое время доносились невнятные звуки разговора, затем опять раздался голос начальника, который, по всей видимости, вкушал какое-то блюдо из ребрышек: «Что за ребрышки у вас тут! Ни кусочка мяса на них! Мясо должно быть крупным, чтобы гости могли поесть от души! Глотаешь кусок — и чувствуешь, как он проходит через глотку, вот как надо!»

Вдруг погас свет. В темноте Кехян как-то неестественно резко вскочила и выбежала. Хёнтхэ закурил. Неожиданно из комнаты хозяйки послышалось хихиканье: «Ну что вы делаете, мы же еще даже столик с едой не убрали!» Хёнтхэ сидел и с интересом слушал, как хозяйка разговаривает, смешивая сеульский говор с северокорейским. Немногим погодя дверь комнаты хозяйки открылась, раздались шаги

и голос хозяйки: «Вот досада-то! И чего это свет пропал?» Он открыла дверь и зашла к Хёнтхэ.

Найдя в углу свечу, хозяйка зажгла ее и поставила на столик. Только тогда в комнату вернулась Кехян и села на прежнее место в той же позе. Можно было с уверенностью сказать, что хозяйка наказала ей сразу же выходить из комнаты для гостей, когда гаснет свет.

Но перед Хёнтхэ хозяйка стала оправдываться:

— Ну посмотрите на нее! Какая же она глупенькая и невинная — не может и минуты в темноте посидеть наедине с мужчиной.

Застывшее лицо Кехян, освещающееся колеблющемся пламенем свечи, как всегда, ничего не выражало и казалось восковым.

Хёнтхэ протянул стакан хозяйке.

— Ой, что вы! Сегодня я слишком много выпила.

Видимо, она действительно выпила больше, чем обычно. Глаза у нее покраснели и отекли. Но чтобы показать, что она не может отказать такому гостю, как Хёнтхэ, хозяйка приняла стакан.

— Ну, так уж и быть. Только немного.

Она подставила стакан наливающей выпивку Кехян, но не позволила налить себе и половины. Осушив стакан и причмокнув, она вернула его Хёнтхэ.

— Господин Син, что это с вами сегодня? Вы вроде бы пьяный, а вроде бы и нет. Вам нужно бы несколько стаканчиков подряд опрокинуть!

Она взяла чайник из рук Кехян и сказала:

— А ты пойдی к гостю в моей комнате и спой ему.

Была уже половина двенадцатого, и то, что хозяйка отравила Кехян петь, выглядело несколько странным.

Когда Кехян вышла, хозяйка снова заговорила с Хёнтхэ:

— Господин Син, с вами что-то случилось? Вы теперь к нам так редко заглядываете. А если и приходите, то совсем поздно, как сегодня. Надеюсь, вы не оставите нас ради другого заведения?

— Сейчас в самый раз, других клиентов почти нет.

— Но зато у вас так мало времени с нами посидеть... Эй, Кехян! Чего это ты не поешь? Пой же скорей! — крикнула она в сторону своей комнаты.

Кехян запела.

— Ох, господин Син, мужчины с возрастом становятся такими сумасбродными. Представляете, этот начальник канцелярии положил глаз на мою Кехян, — прошептала хозяйка ему на ухо.

Возможно, она отправила Кехян петь, чтобы начальник не услышал их разговора. Было слышно, как тот отбивает ритм палочками для еды.

— Я вот как понимаю: мужчинам в молодости нравятся женщины постарше, а когда они стареют, им подавай молоденьких, невинных девушек.

Когда песня Кехян закончилась, хозяйка снова крикнула:

— Милая моя, а теперь спой народную песню «Оран Тхарён».

Из-за стенки снова зазвучал звонкий и чистый голос Кехян. Хозяйка продолжила:

— Он мне сказал, что готов платить за нее по тридцать тысяч хван в месяц. Сказал, что будет оставаться у нас на ночь один раз в неделю. Этот скряга, видно, решительно настроен. Но разве могу я согласиться на такое? Она ведь мне так дорога! Да разве ради денег я перенесла ее на своей спине через границу? Ничего подобного! Конечно, если после первой ночи платить по тридцать тысяч и приходиться четыре раза в месяц — это неплохая цена. Но ведь за первую ночь нужно выложить как минимум вот столько... — Тут она раскрыла веером все пальцы левой руки, а правой взялась за чайник и стала наливать Хёнтхэ.

Каждый раз, когда песня Кехян заканчивалась, хозяйка требовала петь дальше. По ее указаниям пение Кехян продолжалось бесконечно, словно кто-то только сменял пластинки на граммофоне. Временами слышалось, как начальник постукивал палочками и весело выкрикивал: «Хорошо поешь!» Наблюдая за всем происходившим, Хёнтхэ понял, что хозяйка заставляет Кехян петь не столько

для того, чтобы тамошний гость не услышал их разговора, сколько для того, чтобы отсюда следить за происходящим в своей комнате. Непрерывное пение Кехян свидетельствовало о том, что начальник пока к ней не притронулся. Хёнтхэ вдруг захотелось разыграть хозяйку.

— Послушайте меня, хозяйюшка.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Скорей идите туда!

— Зачем это?

— Кто знает, что он там с ней делает? Прозеваете и потеряете свою девственницу за пятьдесят тысяч.

— Быть того не может.

— А разве у человека только рот имеется? Кто знает, что он там с ней делает, пока она поет? Идите скорей туда!

Затем он встал, чтобы рассчитаться.

— Что же вы, посидели бы еще немного, — начала было уговаривать его хозяйка.

Но, видно, сказанное им сильно обеспокоило ее.

— Я пойду приведу мою Кехян.

Не обращая внимания на ее слова, Хёнтхэ рассчитался за выпивку и вышел на улицу.

XIII

Спать допоздна уже давно стало для Хёнтхэ привычным делом. До глубокой ночи он пил и бродил по городу, а потом утром долго не мог прийти в себя. Даже если иногда ему и удавалось проснуться пораньше, он продолжал валяться в постели. Естественно, что ни утром, ни вечером видеться с отцом ему не приходилось.

Младшего брата, который учился в университете, он тоже почти не видел. Тот еще со школы любил подниматься в горы, и не только в каникулы, но и каждые выходные, поэтому дома его было не застать.

Только мать всегда торчала дома, и Хёнтхэ волей-неволей приходилось с ней сталкиваться. Всякий раз, увидев его, она торопила с отъездом в Америку. В тот день, когда

он услышал о получении американской визы, ему и вправду захотелось поскорее уехать, хотя бы для того, чтобы освободиться от той томительной бездеятельности, которая окутала его жизнь. Да и после были моменты, когда ему ужасно хотелось куда-нибудь сбежать. Но каждый раз он чувствовал, что избавиться от властвующей над ним инертности будет труднее, чем прорваться на войне через вражеское окружение.

Сегодня, как и всегда, Хёнтхэ встал с постели уже ближе к полудню. За окном было пасмурно. Он умылся, вернулся к себе в комнату и стал ждать, когда девочка-служанка принесет ему столик с едой. Вместо этого она просунула голову в дверной проем и сообщила, что его просят к телефону.

— Это та женщина, которая вам раньше несколько раз звонила. Я сказала, что вас нет, но она говорит, что вы договорились созвониться.

Хёнтхэ вышел в гостиную и взял трубку.

Голос Суги в трубке казался каким-то другим, немного осипшим.

— Простите меня, господин Син. Я сказала вашей служанке неправду, но мне нужно обязательно встретиться с вами. Сегодня суббота, и я заканчиваю работу пораньше.

Она попросила принести с собой письмо Донхо. С их последней встречи в кофейне «Возвращение» прошло уже около недели. На следующий день после того разговора он порывлся в стенном шкафу и достал из него армейский мешок, в котором лежало письмо Донхо. Взяв его, поехал в кофейню. Но ни вечером того дня, ни два-три раза, что он заходил туда потом, Суги не появлялась. Интересно, почему именно теперь, когда прошла почти неделя, она сама звонит ему и просит принести письмо?

Хёнтхэ, как обычно, съел поздний завтрак и вышел из дома.

Встреча с Суги была назначена на два часа, и у него еще оставалось время. Хёнтхэ прогулялся от улицы Чонно И-га до улицы Ыльчиро И-га, прошел мимо кинотеатра «Чуньан» и спустился по пригорку перед католическим

собором. Там, посреди улицы, он увидел мальчика-попрошайку. Тот выпрашивал у прохожих деньги, но при виде Хёнтхэ презрительно сплюнул сквозь зубы.

Дальше Хёнтхэ направился в сторону улицы Чунмуро. Проходя по переулку за Центральным почтамтом, по обеим сторонам которого располагались книжные лавки, он вдруг подумал, что уже давно не заходил в подобного рода места. Поначалу, только вернувшись с фронта, он чувствовал какое-то особое удовольствие, копаясь на полках всех попадающихся на глаза книжных магазинов, но с тех пор, как что ни день стал напиваться, книги сами собой ушли на второй план.

Хёнтхэ зашел в первую попавшуюся лавку. Покупать он ничего, конечно же, не собирался. Пролистав несколько томов, он наткнулся на книгу под названием «Тропические рыбы». Это было новое карманное издание, совсем тонкое, не более ста страниц. На обложке книги была не цветная картинка, а лишь надпись «Атлас-определитель». Он подумал, что в такой книге не может быть ничего интересного, и не ошибся — форма рыб и их раскраска оказались неестественными. Безусловно, они и близко не походили на настоящих рыб, но рассматривая эти причудливые рисунки, Хёнтхэ подумал, что было бы неплохо показать их Кехян. Он расплатился и засунул книгу в карман.

Выйдя из книжной лавки, Хёнтхэ дошел до улицы Ыльчиро Ипку и зашел в бильярдную. Это было самое подходящее место, для того чтобы убить время. Они с Сокки иногда сюда заглядывали, поэтому среди завсегдатаев встречались знакомые лица. Хёнтхэ присоединился к играющим.

Он сыграл одну партию и вышел. Тяжелые облака нависли над городом.

До назначенных двух часов еще оставалось время, но он все же решил пойти в кофейню, в которой они договорились встретиться. Это было то самое место, где они встречались в первый раз.

Когда он вошел, Суги уже ждала его. Увидев Хёнтхэ, она привстала. Ее ненакрашенное лицо заметно осунулось.

Хёнтхэ хотел поскорее со всем закончить. Они выпили по чашке чая, и когда он уже собирался достать из внутреннего кармана пальто письмо Донхо, которое носил с собой вот уже почти неделю, она вдруг остановила его.

— Погодите, не делайте этого здесь, — сказала она и предложила пойти в другое место.

Обычно в это время дня в кофейне полно народу, но сегодня, скорее всего из-за непогоды, посетителей почти не было. «И что мешает ей говорить в таком спокойном месте?» — подумал Хёнтхэ, но все же последовал за ней. Возможно, именно сказанное им в прошлый раз и стало причиной ее осунувшегося лица, которое сейчас выглядело настолько отчаянным, что он не смог отказать ей в просьбе. Он лишь успокаивал себя тем, что это была их последняя встреча. Когда они дошли до района Мёндон, Суги предложила зайти в гриль-бар.

Она заказала себе жареную рыбу и рис, а Хёнтхэ взял салат и виски. Пока Суги ела, он успел выпить три стакана. За все это время они не перемолвились и парой слов.

В дверях появилась компания друзей, все они стряхивали снег с головы и плеч. Хёнтхэ посмотрел в окно. С неба сыпались белые снежинки.

— Господин Син, вы не любите снег? — спросила Суги, тоже глянув в окно.

Хёнтхэ никогда особо не задумывался над тем, нравится ли ему снег. Во время войны, когда морозы стояли неделю, а то и две, ему иногда думалось, что лучше бы уж пошел снег. Но когда наваливали сугробы и заметала вьюга, солдатская жизнь становилась еще тяжелее.

— А правда, что на Центрально-восточном фронте большие снегопады бывают?

— Да. За ночь выпадает так много снега, что сапоги проваливаются. Там это обычное дело.

— Значит, вам снег надоел и теперь он вас совсем не радует.

— Да я бы не сказал. Думаю, кто побывал в настоящих снежных краях, умеет и ненавидеть его, и любить.

Сути прижала обе ладони к чашке и, немного покраснев, спросила:

— Господин Син... Не могли бы вы уделить мне сегодня немного времени?

Это было больше похоже не на вопрос, а на просьбу.

Хёнтхэ совсем не хотелось продолжать возиться с этой девушкой, но думая, что это все равно их последняя встреча, решил следовать всем ее пожеланиям, поэтому просто промолчал. Его молчание было принято за согласие.

— Спасибо вам. Я так боялась, что вы откажетесь.

Когда они вышли на улицу, с неба тихо падали крупные снежные хлопья. На обочинах дороги, где не проходили люди и не проезжали колеса машин, уже нарастали сугробы. Хёнтхэ поднял воротник пальто.

Перед универмагом «Мидопха» Сути остановила такси. Она спросила таксиста, довезет ли он до района Сондо в Инчоне. Тот не согласился — видно, ему не хотелось в непогоду выезжать за город. Следующий таксист сказал, что может довезти только до центра Инчона, но до Сондо не поедет.

— Вы можете доехать до Инчона, а там взять другое такси.

Выслушав предложение таксиста, Сути, видимо, решила, что выбора у них нет. Обернувшись, она посмотрела на Хёнтхэ, а потом первая села в такси.

Хёнтхэ сел за ней, но никак не мог понять, зачем они туда едут. Когда Сути спросила, не может ли он уделить ей время, он подумал, что она предлагает пойти опять в какую-нибудь кофейню. Поэтому, увидев, что она собралась куда-то ехать, Хёнтхэ очень удивился. Сначала он подумал, что эта мечтательная девушка хочет с ним прокатиться на такси и полюбоваться заснеженными дорогами, но оказалось, что она собирается тащиться с ним в такую даль. Единственное, что он знал о Сондо, — это то, что так называется один из пляжей в Инчоне. Хёнтхэ посмотрел на часы: было чуть больше трех.

Сидя в такси, которое пробиралось через забитый автомобилями центр Сеула, Хёнтхэ и Суги смотрели на порхающие снежинки. Казалось, они не спокойно слетают на землю, а беспорядочно убегают куда-то вдаль.

Проехав район Ёндынпхо и оказавшись на автостраде Сеул — Инчон, машина стала набирать скорость. Изнутри окна запотели, и трудно было разглядеть, где они сейчас находятся. С внешней стороны к стеклу налипал снег, который понемногу накапливался и поднимался до определенной высоты, а потом спадал от рывков несущегося автомобиля. Ветровое стекло, об которое непрерывно бились снежинки, покрылось снегом. Только через очищающиеся дворниками участки стекла можно было хоть что-то разглядеть.

Хёнтхэ откинулся на сиденье и прикрыл глаза. Из-за снега сегодня было относительно тепло, но его знобило. Наверняка, действие алкоголя заканчивалось.

— Вы, видно, очень устали, — сказала Суги и попросила таксиста включить печку.

Сидя с закрытыми глазами, Хёнтхэ все раздумывал и никак не мог понять, зачем она в такой холод везет его в этот Сондо. Тут машина сделала резкий поворот, и пассажиров стало заносить вбок. Он почувствовал, как Суги валится в его сторону. Однако тела их так и не соприкоснулись — настолько далеко они сидели друг от друга. Хёнтхэ стал копаться в памяти, пытаясь что-то вспомнить. Он был уверен только в том, что воспоминание это связано с Донхо. На этот раз машина сделала поворот в другую сторону, и они стали скатываться в противоположный бок. Хёнтхэ знал, что не упадет на Суги, но все равно изо всех сил напряг тело, чтобы усидеть на месте. Дальше машина выехала на прямую, и туловища их опять выровнялись. И тут Хёнтхэ наконец вспомнил то, что хотел. Это было в Сотхогоми, когда Донхо уже начал напиваться. Однажды ночью он начал бредить во сне. Вспомнив обо всем, Хёнтхэ открыл глаза.

— Водитель, вы знаете, какой перевал находится между Сеулом и Инчоном?

Услышав неожиданный вопрос, таксист посмотрел на Хёнтхэ через зеркало заднего вида и переспросил:

— Какой такой перевал?

— Ну, должен же быть здесь перевал с каким-нибудь названием.

— Не слышал о таком...

Водитель был молодым и, видно, не очень хорошо знал дорогу до Инчона.

Сути, обмотав голову платком, молча смотрела вдаль, но услышав их разговор, она повернулась к Хёнтхэ и спросила:

— Вы, должно быть, говорите о перевале Вонтеи?

— Да-да, точно, перевал Вонтеи. А где он примерно находится?

— Нужно еще немного проехать. Он между районами Пупхён и Чуан.

— А что, это и вправду такой крутой перевал?

— Да нет. Он не столько крутой, сколько извилистый, поэтому там часто случаются аварии. Особенно зимой, если неправильно вырулить на повороте, машина может соскользнуть с дороги и сорваться вниз.

Хёнтхэ посмотрел на Сути. Ему вдруг стало интересно, какой же сон приснился той ночью Донхо, что он так кричал. Об этом, конечно, и Сути не может знать. Хёнтхэ снова прикрыл глаза.

— Вот мы проезжаем перевал Малый Вонтеи, — вскоре сказала она ему.

Хёнтхэ открыл глаза.

Машина, плавно заворачивая в правую сторону, спускалась по пологому склону.

Через несколько километров машина поднялась на перевал покруче, а затем стала спускаться по извилистой дороге.

— Это и есть перевал Вонтеи, его называют Большой Вонтеи. Вот здесь часто происходят несчастные случаи.

По одну сторону дороги был обрыв, и Хёнтхэ старался туда не смотреть.

В Инчоне тоже шел снег. Они доехали до центра города, пересели в другое такси и, проезжая обратно по той же дороге, двинулись на окраину.

Дорога здесь была грунтовая, и машину сильно трясло. По правую сторону от них смутно виднелось море.

Ехали они минут двадцать. Объехав какую-то гору, машина остановилась в пологом на площади месте. Видимо, люди только летом приезжали сюда отдохнуть на пляже, поэтому сейчас здесь было совсем пустынно. Короткий зимний день был на исходе, и на улице уже темнело.

На побережье справа находилась военная база. Казармы и палатки, потерявшие под снегом свой настоящий облик, низко приклонились к земле.

Сбоку от базы проходила улочка, по обе стороны которой располагались жилые дома, магазинчики, забегаловки с китайской и корейской едой. Хёнтхэ молча шагал по улице вслед за Сути. Так они прошли метров сто и добрались до насыпи, ведущей к морю.

— До войны здесь был пляж, а теперь живут военные.

Выходит, те забегаловки и магазинчики, мимо которых они прошли, работают не для отдыхающих, а для солдат.

Сути сквозь снег шла по насыпи впереди Хёнтхэ. Эта худенькая девушка выглядела сейчас замерзшей и одинокой.

Не успели они дойти до моря, как подул влажный ветер. При ходьбе им пришлось сильно наклоняться вперед.

По всей видимости, было время отлива, и на месте моря они увидели лишь черную оголившуюся отмель, протянувшуюся вдаль. Она вместе с летающими снежинками плавно перетекала в вечерние сумерки, в которых было уже ничего не разглядеть. Местами бросались в глаза большие валуны и глыбы льда, покрывшиеся снегом. Они белели в темноте и были похожи на причудливых диких зверей.

Вдалеке с левой стороны зажегся маяк и стал мигать с определенным интервалом. Его свет казался необычно ярким.

Хёнтхэ вдруг вспомнил о Юнгу и Сокки, которые, скорее всего, сейчас ждут его в кофейне, чтобы устроить очередную вечеринку.

Постояв немного и глядя в сторону моря, Сути заговорила тихо и отрывисто.

— Да, это было именно здесь... Мы сидели молча... Тогда был прилив, и вода плескалась прямо у насыпи... Был конец лета...

Хёнтхэ не мог понять, почему в такую погоду Сути привезла его сюда, он только догадывался, что это каким-то образом связано с Донхо. И вот сейчас она наконец сама упомянула об этом. Слушая ее, Хёнтхэ подумал, что, может быть, для нее самой эта поездка и была важной, но ведь не было никакой надобности привозить его в эту даль. Он стряхнул снег с головы.

Сути еще долго простояла, глядя в сторону моря, а потом развернулась. Было уже совсем темно.

Когда они вернулись на пустырь, куда их довезло такси, Хёнтхэ пожалел, что не попросил водителя подождать. Хлопья снега стали крупнее. Он щелкнул зажигалкой и посмотрел на часы: было уже почти шесть часов. Хёнтхэ достал сигарету и закурил.

— Об обратном пути не беспокойтесь. Здесь есть такси, которые набирают клиентов и вывозят в город. Господин Син... Теперь мне нужно прочитать письмо Донхо. Я бы хотела сделать это в каком-нибудь тихом месте. И там я сегодня останусь на ночь.

Хёнтхэ пришлось согласиться проводить ее до гостиницы, которая находилась на вершине невысокой горы. Они поднялись по крутому склону и дошли до входа в гостиницу. Над ним было написано: «Отель Чонхянчжан».

Их провели на второй этаж в номер с видом на море. В небольшой комнате в европейском стиле к стене была приставлена двуспальная кровать. Видно, в это время года, когда местных отдыхающих почти не было, сюда заезжали только иностранцы. В комнате уже горела печка и было тепло.

Работник гостиницы принес полотенца, и Хёнтхэ вытер мокрые от снега волосы и лицо.

— У вас работает генератор? — спросил он у работника, стоявшего в ожидании каких-либо указаний. Когда они

поднимались в гору, Хёнтхэ еще издалека услышал громкие рокочущие звуки.

— Так точно, господин. А вы что-нибудь будете заказывать на ужин?

Хёнтхэ посмотрел на Сути.

— Я ничего не буду.

— А мне, пожалуйста, виски.

Когда принесли выпивку, он налил себе в стакан и отпил несколько глотков. Усталость немного отпустила. Хёнтхэ достал из внутреннего кармана пальто письмо Донхо, подошел к столику у кровати и положил на него конверт. Затем он налил себе еще и в один прием отпил почти половину.

Суты стояла спиной к нему у окна. Занавеска была поднята только с одной стороны. Стекло запотело, и за окном ничего не было видно, кроме темноты. Суты вытерла рукой стекло и теперь смотрела в образовавшийся круг, который был размером с ее лицо.

Посмотрев на нее сзади, Хёнтхэ подумал, что ей сейчас не до прощаний. Он молча поставил бутылку и стакан на столик и собрался уходить.

— Подождите, не уходите.

Прошло еще некоторое время, и Суты наконец повернулась к нему. Платок она сняла, и волосы ее были растрепаны. С челки свисали капли растаявшего снега.

Хёнтхэ опять взял в руки стакан.

— Я знаю, что причиняю вам сегодня одни неудобства, и чувствую себя ужасно виноватой. Еще утром я подумала, что пойдет снег, поэтому и позвонила вам. У нас на работе невольно можно научиться угадывать, когда будет дождь или снег. В такие дни гудки поездов с Сеульского вокзала слышатся отчетливее, чем обычно.

Хёнтхэ вспомнил, как тоже подумал, что сегодня обязательно пойдет снег. Играя в бильярд, он чувствовал зуд и покалывания в локтях. В ненастные дни раненные во время войны руки всегда давали о себе знать.

— Честно говоря, сначала я думала, что смогу принять любую правду о Донхо. Но на деле, когда вы мне все

рассказали, я не смогла найти силы, чтобы пойти и получить это письмо. Должна признаться, незадолго до смерти он даже перестал отвечать мне. Но теперь я решилась. Сегодня, когда идет снег, я прочитаю его письмо и забуду о нем... Знаете, в тот день, когда мы в последний раз были с ним вместе, тоже шел снег... Теперь я должна прочитать это письмо, но мне опять страшно... Побудьте, пожалуйста, еще немного со мной.

Она немного помолчала и продолжила:

— В прошлый раз вы спросили меня, заключена ли уже моя помолвка. С тем человеком мы расстались. Я не могла быть с ним, не покончив с этим.

Затем Суги посмотрела на пьющего виски Хэнтхэ. Она решила, что будет лучше продолжить разговор, когда он опьянеет сильнее. Ведь когда они встретились в кофейне «Возвращение», он рассказал ей о Донхо только потому, что был пьян. Суги хотела во что бы то ни стало узнать всю правду, какой бы жестокой она ни была.

Она подождала, пока он несколько раз отхлебнет из стакана, и спросила:

— А Донхо тоже пил с вами?

— Еще бы.

— Раньше он совсем не мог пить спиртного.

— Я его научил.

Хэнтхэ начал пьянеть, глаза его засверкали.

— А в день смерти он тоже пил?

— Да, немного выпил. Но я не думаю, что он сделал это, потому что был пьян.

— Выходит, он покончил с собой из-за того, что совершил убийство?

— Вряд ли. Он ведь даже не знал, умерли те люди или нет. Могу сказать с уверенностью только одно: для него не было важным, убил он их или нет.

— Но ведь вы могли хоть как-то остановить его?

По лицу Хэнтхэ проскользнула горькая ухмылка. От появившихся вокруг рта морщинок он стал казаться старше.

— Как же я мог предотвратить чью-то смерть? Разве дано человеку такое право?

Суги посмотрела ему прямо в глаза и спросила:

— Какой была она, та женщина?

— Я вам уже сказал. Она была проституткой.

— Расскажите о ней еще.

— Ну... У нее был острый нос, подбородок немного выдавался вперед...

— Вы ведь знаете, что я не об этом вас спрашиваю. Хотя не важно. Наверняка это была замечательная женщина, раз уж она ему понравилась. Настолько замечательная, что он даже забыл меня. Ну вот, теперь я и вправду готова прочитать это письмо...

Наконец, решившись, она подошла к кровати, села и взяла в руки конверт, лежавший на столике. Края конверта обтрепались и помялись, ведь Хёнтхэ почти неделю носил его в кармане.

Хёнтхэ опять наполнил стакан. Ему хотелось поскорее выбраться отсюда.

Лицо Суги, которая достала содержимое из конверта, вдруг исказилось.

— Вы уверены, что это именно то письмо?

Лист бумаги выпал из ее дрожащих рук. Хёнтхэ непроизвольно посмотрел на него. Лист, упавший под кровать, оказался совершенно чистым, на нем не было написано ни слова.

Хёнтхэ вдруг рассмеялся, выставляя напоказ белые зубы. Он вспомнил последнее письмо младшего сержанта Кима, в котором тот просил отправить горстку земли. Да, было с чего брать пример.

— Выходит, читайте и догадывайтесь сами! — насмешливо сказал Хёнтхэ.

Казалось, Суги его совершенно не слышит. Она сидела и смотрела в пустоту, а потом вдруг обессиленно легла на кровать.

— Это не его письмо, не его.

Ее хрупкие плечи стали вздрагивать.

Хёнтхэ подошел к ней.

— Вот, выпейте немного. Это вас успокоит.

Плечи ее некоторое время продолжали трястись, но потом она резко встала с кровати и ударила по стакану в его руке. Виски разлился, капли попали на пустой лист бумаги.

— Это вы убили Донхо. Это вы сделали его таким. Поэтому вы меня и избегали. Вы трус. Вы пьяница, который не может сказать правду, не выпив...

На ее бледном лице сверкали лишь покрасневшие глаза.

Хёнтхэ почувствовал, что голова его остыла. Он налил себе и выпил.

— Это я сделал его таким? Тогда выходит, что я был сильнее него. Но вы ведь сами только что сказали, что я трус. Трус и пьяница...

Получая какое-то жестокое удовольствие, Хёнтхэ продолжил:

— Если уж говорить о том, кто его довел до этого, так я и вас в этом обвиню. Теперь я понимаю, что он никак не мог избавиться от вашего мира пустых фантазий. Он в нем задыхался, поэтому и наложил на себя руки.

— Замолчите! Сейчас же уходите!

Обеими руками она закрыла уши.

— Так что выходит, мы с вами сообщники.

Она с закрытыми ушами опять упала на кровать.

В Хёнтхэ вдруг проснулось какое-то бешеное чувство. Он с грохотом поставил бутылку и стакан на столик. Приблизившись к Суги, он рывком развернул ее на спину и, схватив края полупальто, с силой распахнул их. Пуговицы одна за другой разлетелись в стороны.

XIV

— Вот возьми, сегодня как раз назначенный день.

Юнгу протянул Хёнтхэ пачку денег, завернутых в газету. Они только что расстались с Сокки у квартала Чонгечон после очередной субботней попойки. Вот уже несколько месяцев подряд Юнгу возвращал Хёнтхэ по тридцать тысяч хван.

Когда цыплята выросли и стали нести яйца, Юнгу пообещал каждый месяц возвращать Хёнтхэ определенную

сумму. Тот ответил, что не стоит торопиться и что, когда ему понадобятся деньги, он сам об этом попросит. Помогая Юнгу с деньгами, Хёнтхэ и не думал получать их обратно: просто ему позволяли финансы, а другу нужна была помощь. Однако Юнгу хотелось как можно скорее рассчитаться с долгами и почувствовать себя полноправным хозяином птицефермы. Он был уверен, что, если согласится вернуть деньги тогда, когда Хёнтхэ об этом попросит, это внесет в их отношения какую-то неопределенность. А такие отношения ничем хорошим обычно не заканчиваются. Ведь могло выйти и так, что, даже вернув всю сумму, он мог бы продолжать чувствовать себя оставшимся в долгу. Хёнтхэ почти полгода платил за квартиру Юнгу, когда его уволили из банка после истории с Миран, а потом еще давал ему немалые деньги на птицеферму до тех пор, пока куры не начали нестись. Юнгу подсчитал, сколько он всего должен, и настоял на том, чтобы каждый месяц возвращать часть суммы. Хёнтхэ не стал больше отказываться и ежемесячно получал выплаты. Он понимал, что так Юнгу будет спокойнее на душе.

— Видно, ты теперь неплохо зарабатываешь, заглядывая своим курам в задницу?

— Какое там! Чересчур не зарабатываешь: конкурентов много стало. А весной и того больше, наверное, будет.

— Ничего, не пропадешь. Ты же у нас предприимчивый и трудолюбивый.

— Эх, такие привередливые твари! Наверно, нет зверей капризнее и строптивее кур. Представляешь, стоит на минуту от них глаз оторвать, как они то себе задницу исключают, то кишки кому-нибудь вытащат.

— Ну, прям как бабы. Вроде бы легко с ними, а потом голову ломаешь... Знаешь, в прошлую субботу та девушка, ну, Суги, потащила меня с собой в район Сондо в Инчоне.

Юнгу догадался, что приятель его опять натворил дел, на этот раз с Суги.

— Никак не могу понять этих баб! Заставляют мужиков делать то, что те и не собирались, — сказал Хёнтхэ и вдруг спросил Юнгу: — А ты до сих пор о Миран вспоминаешь?

Юнгу краем глаза посмотрел на Хёнтхэ, пытаюсь понять, что тот хочет этим сказать, и молча продолжал идти дальше.

— Помнишь, что я говорил тебе, когда Миран умерла? Что, если хотел жениться на ней, надо было плюнуть на все и жить вместе. Только даже если бы вы и поженились, вряд ли бы ты с ней смог жить спокойной семейной жизнью. Хотя кто знает? С твоим терпеливым и упорным характером, может быть, и получилось бы. В любом случае, ни такие девушки, как эта Суги, которые все держатся за прошлое, ни такие, как Миран, мне не нравятся. Не стоит, конечно, такое говорить об умершей, но одно время я с Миран часто встречался. Я ведь не знал, что ты с ней в таких отношениях. Хотя, честно говоря, ваши отношения не имели бы для меня значения, если бы я и вправду на нее запал. Знаешь, она очень быстро приелась мне, а ведь мы с ней до серьезных отношений даже и не дошли... Ты меня слушаешь? Однажды вечером... Помню, еще дождь шел... Я ей говорю: «Мне с тобой неинтересно, давай не будем больше встречаться». Она ничего не ответила, но вроде бы согласилась... Потом мы вышли из кофейни. Когда мы шли к автобусной остановке, она чуть не упала, обходя грязную лужу, и попросила меня взять ее под руку. А я ей и говорю: «Вот когда упадешь, тогда я тебя и возьму под руку». На этом мы и распрощались. Знаешь, что ни говори, а с бабами лучше всего общаться только за деньги. Тогда не надо чувствовать себя потом виноватым.

На улице Чонно Сам-га приятели расстались.

Этой ночью по дороге домой Хёнтхэ заглянул в увеселительный дом «Пхеньян». С того дня, как он купил для Кехян книжку о тропических рыбах, он еще ни разу туда не ходил и носил ее с собой в кармане.

Было еще не очень поздно, и в заведении гуляло несколько компаний. Хозяйка и Кехян бегали от стола к столу, выполняя заказы. Приметив во всей этой суматохе Хёнтхэ, хозяйка подошла к нему и попросила пройти в комнату за кухней, а затем улыбнулась и шепотом добавила: «Вы же у нас свой, не обижайтесь».

Прошло довольно много времени, прежде чем в комнату вошла Кехян со столиком с выпивкой. Она налила ему в стакан и снова вышла. Говоря, что они считают его за своего, хозяйка имела в виду, чтобы он посидел здесь один, пока они не освободятся.

Некоторое время спустя опять явилась Кехян.

— Извините, что заставила вас ждать.

Но лицо ее ни капли не отражало того чувства, о котором она говорила. Было видно, что она зашла к нему просто по приказу хозяйки, так как гостей в трактире побавилось.

Хёнтхэ выпил несколько стаканов, а затем достал из кармана книжку с тропическими рыбами и сказал:

— Эй, Кехян, я принес тебе кое-что интересное.

Он раскрыл книжку наугад и стал показывать ей рисунки. Кехян безразлично продолжала сидеть на месте, лишь немного вытянув свою белую шею в сторону книги.

— Ну, как тебе? Это рыбы, которые живут в тропиках, там круглый год стоит жаркое лето.

Кехян смотрела в книгу, но особого удивления не проявляла.

— Золотая рыбка, — сказала она себе под нос.

— Это не золотая рыбка.

Хёнтхэ ткнул пальцем в рисунок и принялся объяснять:

— Вот это рыба-бабочка, ее причудливый хвост похож на широкую юбку. Посмотри, какие у нее плавники на груди. Точь-в-точь как крылья бабочки, правда? А вот эти плавники на животе похожи на усы. Ну как? Чудная рыбка, да?

Лицо Кехян продолжало оставаться неподвижным как камень.

Хёнтхэ начал перелистывать страницы и показывать ей других рыб.

— А вот эти еще интереснее... Смотри, они целуются.

Как он ни старался, выражение лица Кехян не менялось. Она только строила легкую улыбку, наполовину выставляя свои белые частые зубы. Ее улыбка ничего не выражала. В ней не было ни удивления от показанных Хёнтхэ

рисунков и его рассказов, ни благоговения перед впервые увиденными существами. Хёнтхэ чувствовал, что связь между ним, его тропическими рыбками и Кехян нарушена. Хотя он и не добился ожидаемого, ему почему-то стало, наоборот, даже спокойнее.

Он уже собирался уходить, когда в комнату зашла хозяйка. Гости, видно, уже разошлись, и в зале стояла тишина.

— Сегодня, слава богу, клиентов было достаточно, — пробурчала хозяйка, словно отчитываясь перед собой. Затем обратилась к Хёнтхэ: — Как, неужели вы уже уходите? Вы обиделись на нас? Сегодня хороший день, у нас было много гостей, выпейте вместе со мной.

Они стали пить, передавая стакан друг другу. Когда черед доходил до хозяйки, она осушала его с неподдельным удовольствием. Вскоре она совсем опьянела.

— Господин Син... — начала было она, но потом обратилась к Кехян: — Дорогая моя, пойди ко мне в комнату, вытри там пол и приготовь постель. Пусть одеяло согреется.

Когда Кехян вышла, хозяйка прикурила, раза два затянулась, держа сигарету в углу рта, и продолжила:

— Господин Син, давайте поговорим начистоту. Ну чем она вам не нравится? Что, нос у нее кривой, или нет того, что должна иметь женщина? Да к тому же еще девственница, понимаете? А как она вас обожает!

— Я об этом и не знал... Ну, тогда давайте поторгуемся?

Хёнтхэ достал из кармана пальто пачку денег, которую получил от Юнгу, и положил ее перед хозяйкой. Он и сам не знал, почему так поступает. Просто что-то толкало его на это.

А хозяйка вообразила, что ее слова подействовали на него. Она раскрыла и осмотрела пачку, потом мутными глазами покосилась на Хёнтхэ и сказала:

— Ну, вы уж больно много скинули.

В прошлый раз она ему сказала, что хочет за первую ночь пятьдесят тысяч, а в пачке, которую он ей дал, не хватало двадцати тысяч.

— Добавьте еще тысяч десять.

— А у меня с собой больше нету.

Сам того не замечая, он отвечал ей на северокорейском диалекте.

— Какой же вы скряга!

С этими словами она встала и вышла, держа в руках столик с остатками выпивки, на который положила пачку денег. Про себя же она подумала, что вряд ли кто другой с такой легкостью выложит эдакую сумму. К тому же она осталась довольна своим чутьем, ведь она сразу поняла, что, несмотря на неприглядный вид, деньги у этого парня водятся.

Немного погодя хозяйка зашла с постелью. За ней, неся под мышкой подушку, с равнодушным лицом вошла Кехян. Хозяйка, расстелив постель, сказала Хёнтхэ: «Вы должны будете сами развязать ей ленточки на кофте и юбке». Затем она вышла. Видно, ей хотелось, чтобы он почувствовал себя женихом в первую брачную ночь.

Тело Кехян было холодным и гладким. Никаких других ощущений от соприкосновения с ним Хёнтхэ не почувствовал. Он вспомнил белый фарфоровый кувшин периода династии Ли, который стоял у них дома в гостиной. Каждый раз проводя рукой по этому кувшину и чувствуя его безмятежную белизну и равнодушные изгибы, Хёнтхэ представлял себе тело незнакомой женщины. А сейчас, наоборот, глядя тело Кехян, он представлял, что прикасается не к женскому телу, а к холодному, гладкому фарфоровому кувшину, который невозможно оживить. Как он ее ни ласкал, женщина в ней не просыпалась. Близость с Кехян ничего ему не принесла, но он почувствовал что-то вроде успокоения оттого, что она не изменила себе и оставалась такой же, как всегда.

Выпитое и усталость дали о себе знать, и Хёнтхэ сразу же уснул.

Он проснулся, услышав снаружи голос хозяйки. За окном было светло. «Деточка моя, как же долго ты спишь, просыпайся!» — ласковым и нежным голосом позвала она еще раз.

Кехян торопливо оделась и вышла, даже не посмотрев в его сторону. Лицо ее было по-прежнему холодным,

как белый фарфор. По утрам, после ночи, проведенной с уличной женщиной, у Хёнтхэ зачастую портилось настроение. Он не понимал, почему их внешность так резко менялась за ночь. Волосы спутывались, косметика на лице грязно расплывалась, глаза казались пустыми. Он не мог не ужасаться, думая о том, что это и есть та женщина, которую он ласкал прошлой ночью. Да, близость с Кехян оказалась довольно скучной. Но зато лицо ее, которое он увидел утром, было не измученным, а таким же холодно застывшим. Хёнтхэ стало легче оттого, что не приходилось чувствовать себя перед ней виноватым, и он опять заснул глубоким сном.

XV

Сначала Хёнтхэ увидел эту женщину перед кинотеатром «Синема Корея». Она стояла и смотрела на афишу, висевшую над входом в здание. Хёнтхэ возвращался после встречи со своим старым школьным учителем, который хотел поговорить о работе. Когда Хёнтхэ вышел из переулка и проходил мимо кинотеатра, женщина развернулась и пошла перед ним. Потом она вдруг остановилась, казалось, раздумывая, куда пойти: в сторону городской мэрии или в сторону ворот Кванхвамун. А Хёнтхэ остановился, чтобы зажечь сигарету, и они как-то странно оказались связаны волею случая. Когда Хёнтхэ, прикурив, поднял голову и посмотрел вперед, женщина оглянулась. Было очевидно, что она обратила на него внимание. Хёнтхэ понял, что остановился одновременно вместе с ней. Из-за этого случайного совпадения она, конечно же, подумала, что он преследует ее. На обветрившемся лице Хёнтхэ появилась ухмылка. Раз уж так получилось, можно будет и вправду походить за ней.

Женщина направилась в сторону ворот Кванхвамун. Хёнтхэ шел вслед за ней на расстоянии пяти-шести шагов. Дойдя до перекрестка, женщина перешла на сторону издательства «Донъя Ильбо», а затем двинулась к улице Чонно.

Больше она не оглядывалась. Однако было видно, что она знает: за ней идут. Походка ее стала неестественной.

Когда впереди показался универмаг «Хвасин», женщина вдруг завернула в переулок справа. Хёнтхэ нырнул за ней. Сразу было понятно, что этот переулок заканчивается тупиком. Естественно, идущая впереди женщина развернулась и пошла обратно. Лицо ее было сильно накрашено. С уверенно поднятой головой она миновала своего преследователя и вышла из переулка. Хёнтхэ немного переждал и последовал за ней. Скорее всего, она знала, что это тупик, и специально заскочила сюда. Хотела еще раз убедиться в том, что ее преследуют.

Дойдя до перекрестка Чонно, женщина перешла дорогу к универмагу «Синсин». Затем снова перешла дорогу и зашла в универмаг «Хвасин». Хёнтхэ сделал то же самое. Женщина поднялась на третий этаж и стала ходить между прилавками отдела европейских товаров. Временами она делала вид, что рассматривает товар, а сама проверяла, идет ли за ней Хёнтхэ. Потом она поднялась еще выше, в кинотеатр на шестом этаже, и принялась рассматривать висевший на стене рекламный плакат. Хёнтхэ тоже мельком взглянул на ничем не примечательный плакат со сценой из кинофильма. Через некоторое время женщина покинула здание универмага, еще раз перешла дорогу и, дойдя до автобусной остановки, села в автобус через заднюю дверь. Хёнтхэ заскочил в автобус через переднюю дверь. На остановке Чонно И-га, когда приостановившийся автобус уже собрался отъезжать, женщина вдруг спрыгнула. Хёнтхэ, держась за ручку, стоял поодаль от двери. Поэтому когда он, растолкав людей, добрался до выхода, автобус уже тронулся. Кондуктор, загородивший дверь, отрицательно покачал ему головой.

Хёнтхэ слез с автобуса на следующей остановке. Без особой цели пошел к кинотеатру «Дансонса». Сеанс уже начался, и перед кинотеатром было почти пусто, только два-три человека стояли перед кассой, чтобы купить билеты на следующий сеанс. Хёнтхэ посмотрел на афишу, висевшую на фасаде здания. Обычно, приходя на фильм, афишей он

не интересовался. Сейчас сверху на него смотрела нарисованная крупным планом пара: полуголая женщина вытянулась во весь рост, а сзади, плотно прижавшись к ней, лежал мужчина. Это был фильм «Блудный сын» с участием Ланы Тёрнер. Хёнтхэ без особого внимания окинул взглядом эту сцену, выбранную специально и оторванную от общего контекста, а потом подошел к кассе и пригляделся к рекламному постеру за стеклянным щитом. Фильм был, похоже, исторический: на одной картинке оголенная женщина танцевала языческий танец, на другой сражались мужчины в старинных доспехах. На постере другого фильма были изображены мужчина с женщиной, которые отчаянно, до искривления щек, целовались на террасе, а еще на одном — женщина, лежащая под пляжным зонтом на берегу моря. Подобные сцены он уже сотни раз видел на экране, но в жизни это было так от него далеко. Вдруг в голове Хёнтхэ промелькнула мысль: стоит ему только решиться и сесть на самолет, как он попадет прямо в эту жизнь на картинке. Учитель, которого он встретил сегодня, с жаром уговаривал его. Появилась вакансия преподавателя обществоведения, и учитель предложил Хёнтхэ поработать в родной школе. Оказывается, на это место было много желающих, но учитель уже обо всем договорился с директором. Хёнтхэ учился в школе неплохо, и учитель всегда был особо расположен к нему. С одной стороны, ему хотелось последовать совету учителя, который желал ему только добра, но у него как-то самой собой вырвалось: «Я скоро уезжаю в Америку». Не желание избавиться от своей бездеятельности, улетев отсюда, а ясные и светящиеся глаза детей, которых он увидел, входя в школу, заставили его незамедлительно ответить отказом.

Собираясь отойти от стеклянного щита, Хёнтхэ почувствовал сзади чье-то присутствие. Он развернулся и увидел ту самую женщину. Его лицо невольно расплылось в улыбке. Хёнтхэ решил опять последовать за ней.

Сначала она долго стояла, рассматривая рекламный постер, потом отошла от кинотеатра и, перейдя трамвайную линию, направилась к улице Ыльчиро. Он и сам не знал,

почему это делает, но все же продолжал идти за ней, соблюдая дистанцию. Когда они дошли до улицы Ыльчиро Сам-га, он подумал, что она пойдет в сторону кинотеатра «Кукдо» или кинотеатра «Судо», но она почему-то завернула направо. Перейдя дорогу, женщина с решительным видом зашла в полицейский участок. Хёнтхэ остановился. Она, конечно же, пошла заявить о том, что ее преследуют. Но просто уйти ему было как-то стыдно. Размеренной походкой он зашагал в сторону полицейского участка и, заглянув внутрь, увидел, что она стоит у телефонного аппарата и набирает номер. Хёнтхэ прошел мимо участка, остановился и стал ждать женщину с видом человека, который поджидает отлучившегося по делам знакомого.

Выйдя из полицейского участка, женщина двинулась в сторону улицы Ыльчиро И-га, и Хёнтхэ опять последовал за ней. Он подумал, что она наверняка пойдет к кинотеатру «Чунъан», но она прошла мимо и стала подниматься по пригорку перед католической церковью. Хёнтхэ вспомнил о кинотеатре «Мёндон». Когда женщина уже проходила мимо церкви, к каблуку ее прилипла какая-то бумажка. Каблук проткнул небольшой обрывок старой газеты, валявшийся на улице, и теперь он прицепился и не отрывался. Женщина, не заметив этого, шла дальше. Но, видимо, бумажка ей все-таки мешала, потому что походка ее стала неровной. Каждый раз, когда она поднимала ногу, бумажка трепетала под каблуком. Когда женщина уже поднялась на пригорок, к ней подбежал мальчик-попрошайка и оторвал бумажку, наступив на нее. Затем он протянул к женщине руки, выпрашивая деньги. Женщина притворилась, что не замечает его. Мальчишка подобрал бумажку и бросил ее женщине в спину. На грязном обрывке газеты с дыркой от каблука был заголовок «Выдача правительственного риса».

Не доходя до кинотеатра «Мёндон», женщина заглянула в кофейню. Хёнтхэ зашел за ней. Женщина приблизилась к какому-то молодому человеку и села напротив него. Затем посмотрела на наручные часы. Только теперь Хёнтхэ понял, что к чему. Она просто бродила по городу, чтобы убить время, остававшееся до назначенного свидания.

Хёнтхэ в принципе занимался тем же самым. Разница была лишь в том, что, в отличие от нее, у него не было определенного срока, он просто развлекался глупой игрой в преследование, чтобы убить часть того огромного свободного времени, которое у него имелось. В любом случае, это было безобидное развлечение. Хёнтхэ заказал кофе, не торопясь выпил его и вышел на улицу.

Встретив в этот день Сокки, Хёнтхэ, как всегда, начал пить с ним с раннего вечера. Сокки предложил пойти в трактир «Жареные воробышки» в районе Таокдон, куда они временами ходили выпить. Летом здесь иногда давали на пробу отечественный виски, а зимой подавали жареных воробьев и саке.

Поставив перед собой третий по счету стакан, Сокки заморгал глазами за толстыми стеклами очков и, словно что-то вспомнив, сказал:

— Сегодня днем я встретился с Чонсу... Ну, помнишь, тот коротышка, который еще в школе все время за первой партой сидел... Он, оказывается, все это время жил в городе Тэчжон. Он сказал, что Чэмин и Ёньун — оба погибли.

О смерти других школьных друзей им было уже известно, но об этих двух они слышали в первый раз.

— Помнишь, они ведь дружили. Чэмин, как началась война, отправился на юг и вскоре записался в армию. Оказывается, он дослужился до младшего лейтенанта. А Ёньун поступил на службу прямо перед заключением временного перемирия, и его должны были отправить на передовую линию. Чэмин узнал об этом и перевел его к себе в батальонный штаб, чтобы он служил там, где хоть немного безопаснее. Говорят, все его отговаривали, но он настоял на своем. Ну вот, а в ту ночь, когда Ёньун к нему перевелся, бомба взорвала ту самую казарму, где спали оба наших приятеля.

На войне никогда не знаешь, где опасно, а где нет. Тысячи молодых людей, повинувшись непредсказуемой физиологии войны, были убиты, ранены или остались в живых, но хранили в себе невидимые шрамы. Хёнтхэ вдруг вспом-

нил слова Донхо, сказанные им незадолго до смерти: «Мне вот интересно, мы жертвы или насильники? Я думаю, все молодые парни, которые пришли на эту войну, обречены стать жертвами». Словно отвечая Донхо, Хёнтхэ сказал:

— А я так не думаю. Мне кажется, мы можем стать и насильниками.

Сокки, увидев бормочущего себе под нос Хёнтхэ, ухмыльнулся и спросил:

— Что, уже готов?

Затем он посмотрел на мужика, сидевшего в дальнем углу.

— И какой ему интерес ходить сюда одному? Главное, всегда улыбается.

Когда Сокки с Хёнтхэ зашли в трактир, здесь уже сидел австралиец Гарри, которого они видели почти каждый раз, когда приходили сюда. Он, как всегда, сидел и широко улыбался, обнажив оба ряда зубов. Ему было неважно, есть ли кто с ним или нет, на лице его неизменно блуждала эта беззвучная улыбка. Он никогда не заказывал закуску, а брал лишь два-три стакана выпивки и долго сидел, отпивая понемногу. Только когда девушка, обслуживающая гостей, наливала ему в стакан, он с присущим иностранцам акцентом обязательно говорил по-корейски: «Спасибо!» И если девушка шутливо заговаривала с ним, он довольно умело ей отвечал.

Сегодня девушке, видимо, было опять скучно, и она стала перекидываться шутками с иностранным гостем. Хёнтхэ уже не раз слышал этот их веселый разговор. «Мистер Гарри, сколько вам лет?» Иностранец поднял обе руки, на одной показал три пальца, а на другой один и с акцентом выговорил: «Тридцать один». Потом он поднес руку с одним пальцем ко лбу и, указывая на себя, сказал: «Старый холостяк! Старый холостяк!» Лицо его было красноватым, лоб бороздили три-четыре глубокие складки. Девушка продолжила разговор: «Мистер Гарри, да вы совсем старик!» Он немедля ей ответил: «А вы толстушка! У вас пятеро детишек!» Поначалу, когда она обзывала его стариком, он обижался на это не принятое в европейском обществе

замечание и, в свою очередь, обзывал ее старушкой. Теперь же он совершенно спокойно реагировал на эту шутку.

— Наверняка среди европейцев не найдется больше такого добряка, как он, — сказал Сокки, наблюдая за ними и поднося стакан ко рту.

— Кто знает.

— Почему это — «кто знает»? По нему же видно, что он добряк.

— Может, ему просто одиноко.

Странно, но Хёнтхэ казалось, что Гарри сегодня еще больше не вписывается в общую картину. По его широкой улыбке и разговору с девушкой было видно, что он старается приобщиться ко всем, но в этих голубых чужеземных глазах можно было по-прежнему увидеть тень одиночества. Хёнтхэ представил себя за границей и подумал, что будет выглядеть так же. Еще днем ему казалось, что стоит сесть на самолет, и он сможет окунуться в чужеземную жизнь и даже избавиться от своей бездеятельности. Но сейчас его захлестнули другие чувства.

Выйдя из трактира, двое приятелей направились в другое питейное заведение, где подавали закуски на палочках.

Они заказали себе поесть, но, даже не притронувшись к еде, сидели и только один за другим осушали стаканы. Хёнтхэ вдруг спросил:

— Слушай, а тебе не приходилось задумываться об избытке свободы?

Потом он продолжил, словно вовсе и не ожидал ответа от собеседника:

— Ну, когда избыток не оттого, что свободы слишком много, а оттого, что не знаешь, что с ней делать... Что происходит, когда попадаешь в такую ситуацию? Оказываешься в болоте... Сначала кажется — стоит лишь переставить ногу, и выберешься оттуда... Ан нет, не получается. Чем больше пытаешься высвободиться, тем больше тебя затягивает... Только существует одна разница... Когда тебя засасывает в болото, ты ведь точно знаешь, в каком ты состоянии. Вот тебя засосало по колено, потом по грудь, по шею и так далее... Все это время ты можешь кричать и звать на помощь.

А вот когда тебя поглощает избыток свободы, оттуда уже ни за что не выберешься. Потому что когда понимаешь, куда ты попал, тебя уже засосало по горло.

Покрасневшими от выпитого глазами Хёнтхэ посмотрел на Сокки.

— Интересно, почему с человеком такое случается?.. Что делает его настолько бессильным, что он не знает, куда девать свою свободу?.. Скажи мне, когда, где и из-за кого человек становится таким бессильным, а?

Однако и на этот раз Хёнтхэ, казалось, не ждал ответа. Отведя взгляд от Сокки, он взялся за стакан и продолжил бубнить себе под нос:

— Хотелось бы мне опять попасть на фронт. И там я хотел бы вернуть самого себя, которого терял каждый раз, когда оказывался с глазу на глаз со смертью. Тогда я и вправду был уверен в себе.

Сокки тупым взглядом посмотрел на Хёнтхэ и проговорил:

— Ну, ты что-то совсем быстро опьянел.

Затем оба приятеля, не говоря друг другу ни слова, стали пить один стакан за другим. Так у них повелось, что только начиная пьянеть, они болтали о том о сем, а потом, когда алкоголь начинал действовать, пили молча.

В заведение зашли два парня и сели за соседний столик. Они тоже были уже довольно пьяны.

— Вот я и говорю, что ты слабак, — продолжал разговор с другом парень в темно-синей куртке. Этого парня они здесь несколько раз уже видели.

— А может, есть какой-нибудь другой выход? — спросил незнакомый им молодой человек в серой куртке, искоса оглядываясь на Хёнтхэ и Сокки.

Парень в темно-синей куртке ответил:

— Раз уж ты решился пойти на уловку... Как тебе вот это?

Он положил правую руку на стол. Указательного пальца не было, от него остался лишь один сустав. Парень широко улыбнулся и продолжил:

— Момент, и дело сделано. Нужно просто закрыть глаза и разом все закончить. Я отрезал его еще во время войны, а он мне до сих пор служит.

Парень в серой куртке выглядел очень бледным, только его сверкающие глаза уставились на руку собеседника.

Тот, гордо взявшись за стакан рукой с отрезанным пальцем, выпил и стал хохотать, а после сказал:

— Чего ты? Думаешь, я отрезал его не во время войны, чтобы избежать службы в добровольческой армии? Какая разница — когда? Главное — есть на это мужество или нет. Стоит только один раз решиться, и нет проблем. Даже не нужно никаких официальных бумажек. А еще не надо будет тебе каждый раз до медосмотра голодать до посинения. Смотри, ты ведь совсем чахоточный стал. Честно говоря, это даже лучше, чем иметь справку о демобилизации. Справку можно потерять, а вот эта моя рука будет всю жизнь меня охранять. К тому же, кто знает, вдруг опять война начнется...

— Эй, вы, крысы, заткнитесь! — прикрикнул на них Сокки, до этого молча пивший с Хёнтхэ. Он сидел немного сгорбившись и навалившись на стол.

Два парня сразу замолчали.

Тихим голосом кинул Сокки в их сторону:

— Эх, вы, крысы! Пусть будут в вашем роду теперь одни беспальные и чахоточники!

Двое парней рассчитались и собрались выходить. Тот, что был в темно-синей куртке, развернулся и крикнул:

— Эй, ты, выйдем на минуту!

Сокки медленно поднялся и пошел к нему. Парень схватил чашку и со всей силой кинул ее в Сокки. Тот, хоть и был пьян, ловко увернулся. Чашка пролетела под его левым ухом и вдребезги разбилась о стену. Не дав Сокки времени догнать себя, парень в темно-синей куртке стрелой выбежал вслед за своим приятелем, который все это время стоял у двери и держал ее открытой.

— Да ладно, садись, пей лучше. Не люблю я эти петушиные бои.

— А я разве люблю? Ты что, не слышал, о чем они тут балакали?

Сокки снял очки и стал вытирать стекла. На них брызнула вода из чашки.

— Прибить их мало!

Сокки и Хёнтхэ еще некоторое время посидели за выпивкой. Они и знать не знали, что те двое привели свою компанию и поджидали их теперь на улице. Сокки предложил пойти повеселиться с женщинами и первым вышел из трактира, а Хёнтхэ заглянул в туалет. Когда он выбрался на улицу, драка уже была в самом разгаре. Один парень валялся перед Сокки, стоявшим в боксерской позе. Еще человек пять стояли впереди под тусклым фонарем, отбрасывая темные тени, и готовились напасть на него. Среди них были те два парня в темно-синей и серой куртках.

Хёнтхэ сразу протрезвел. Он забежал обратно в трактир, сбросил с себя пальто и, схватив первую попавшуюся под руку пустую бутылку, выбежал на улицу. Он с ходу стукнул по голове ближайшего к нему парня. Раздался звук бьющегося стекла, и парень со стоном плюхнулся на землю. Держа в руках горлышко разбитой бутылки, Хёнтхэ размахнулся ею в сторону парня в темно-синей куртке. Но не успела его рука достигнуть цели, как кто-то с силой пнул его в поясницу, да так, что он повалился на землю. Хёнтхэ попытался встать, но его опять пнули, на этот раз в подбородок. У него потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Хёнтхэ очнулся от чьего-то крика. Он почувствовал, что во рту скопилась жидкость, не похожая на слюну, и сплюнул. Сначала он подумал, что его звали по имени, но оказалось, что кричали: «Коли его, коли!» Это был тот парень в серой куртке, он стоял под тусклым светом фонаря, лицо его казалось еще бледнее, и только глаза бешено сверкали. «Коли его, коли!» Один парень, держа в руках удлиненный кинжал, медленно и осторожно продвигался вперед. Напротив него, по-прежнему в боксерской позе, стоял Сокки. Он был уже без очков. Свет фонаря был тусклым, и он, прищурившись, следил за противником. На губах его застыла какая-то странная ухмылка. Хёнтхэ подумал, что нужно встать. Поднимаясь, надо схватить парня с кинжалом за ноги и повалить его. Он прикинул расстояние, разделявшее их, и решил, что спокойно до него дотянется. Однако Хёнтхэ по-прежнему лежал на месте и смотрел на

Сокки. Его неподвижная выжидающая поза в тусклом свете фонаря, ухмылка на лице, казалось, предупреждали, чтобы никто не смел вмешиваться в его дело. «Да коли же, коли!» Медленно приближающийся к Сокки парень с кинжалом резко кинулся вперед и пырнул его в бок. Кулак Сокки лишь разрезал воздух. Одной рукой он схватился за бок. Парень еще несколько раз быстро воткнул кинжал в Сокки. Тот снова ударил воздух и с глубоким стоном повалился на землю.

Только тогда Хэнтхэ встал и подбежал к Сокки. Сразу после того, как драчуны разбежались, собрались зеваки. Они, перекрикивая друг друга, говорили, что нужно скорее отвезти раненого в больницу. Несколько человек попыталось поднять Сокки.

— Отойдите! Не трогайте его!

Хэнтхэ взвалил Сокки на спину и, растолкав людей, потащил его на себе.

Сути позвонила Хэнтхэ через две недели после случившегося в гостинице «Чонхянчжан».

Договорившись о месте и времени встречи, Хэнтхэ положил трубку и подумал, что пришло время расплачиваться за содеянное. Только сейчас он понял, что старался не задумываться серьезно над происшедшим, но случай с Сути все это время давил на него.

Увидев в кофейне «Возвращение» исхудавшую девушку, Хэнтхэ уловил в ее виде какой-то отблеск ненависти. Он решил: если каким бы то ни было образом Сути проявит эту ненависть, он примет все как должное.

Глаза Сути казались еще больше, она твердо и прямо, не так как раньше, смотрела на него. Хэнтхэ сидел и глядел в окно за ее спиной, ожидая, что она ему скажет.

Ветер, который, казалось, немного утомился, опять с силой задувал на улице. Голые ветки деревьев по обочинам тротуара не переставая колыхались из стороны в сторону, а люди под ними, запахивая развевающиеся полы верхней одежды, торопливо шли по своим делам. Стекла окон кофейни дребезжали, не умолкая. Хэнтхэ вспомнил,

как Сокки, лежащий в палате на больничной койке и смотревший в окно, пробурчал: «Эх, больно на одной стороне лежать! Уже весь бок себе отлежал. Пройтись бы сейчас по улице, проветриться! Вот выпишусь, так сразу всех этих крыс выловлю и отметелю». Нож вошел в левый бок, но, к счастью, сердце и легкое не задел, поэтому рана оказалась не смертельной. Сокки думал, что стоит только ране зажить, и все будет в порядке. Он еще не знал, что из-за пореза на левой руке останется калеккой. Врач только Хёнтхэ сообщил, что нож перерезал лучевой нерв руки, но медицина в стране пока не дошла до того, чтобы операционным путем восстановить его. Было понятно, что самому пациенту об этом не говорили, чтобы избежать нервного потрясения, ведь ему предстояло длительное лечение. Однако какой же удар Сокки получит в тот день, когда ему разбинтуют руку, и он поймет, что не может двигать ею? Хёнтхэ высказал свое мнение врачу. Он считал, что, даже если это отрицательно повлияет на лечение раны в боку, все же следует сказать пациенту правду. Интересно, когда они собираются рассказать обо всем Сокки?

— Я никак не могла оставить все как есть. Мне нужно было обязательно хоть раз встретиться с вами. Встретиться днем... И конечно же, мне нечего вам сказать.

Лицо Суги было мертвенно-бледным. Она прикусила губу, затем продолжила:

— Я все пыталась понять, что Донхо хотел сказать своим письмом, но для меня это по-прежнему лишь пустой лист бумаги. Ему нечего было мне сказать, а мне нечего от него услышать.

Хёнтхэ отвел взгляд от окна. Посмотрев на нее, он спросил:

— Что, и за это тоже я должен нести ответственность?

— Ответственность? — по губам Суги проскользнула холодная насмешка. — Разве это слово имеет хоть какое-то отношение к таким, как вы? Вы же даже сами себя избегаете...

Суги отвела взгляд в сторону, пытаясь сдержать нахлынувшие эмоции. Она так разгорячилась, что на кончике носа проступили мелкие капельки пота.

Хёнтхэ опять устался в окно за ее спиной. На улице продолжал дуть сильный ветер, раскачивая ветви деревьев. Ветки за окном качались, стекла дребезжали, сидевшие внутри люди о чем-то оживленно болтали, напротив сидела негодующая Суги, а Хёнтхэ мысленно спускался по безлюдному тихому горному склону. Летнее дневное солнце заливало сплошь все своими лучами. Видимость была предельно четкой и ясной. Семь-восемь хижин; будто от тяжести соломенных крыш, низко припали к земле. Хёнтхэ осторожно продвигался шаг за шагом, направив дуло приставленной к боку винтовки вперед. Почему же это тихое, абсолютно стеклянно-прозрачное пространство так угнетает и не дает продвигаться? Хёнтхэ посмотрел в сторону. В метрах двух от него, также с винтовкой на боку, глядя вперед, осторожно шел Донхо. Хёнтхэ захотелось поговорить с ним. «Эй, Поэт! Как бы ты описал вот это чувство? Чем так, уж лучше видеть врага перед собой, правда?» На улице по-прежнему раскачивались деревья, внутри кофейни с дребезжащими стеклами стоял гул, напротив, отведя взгляд в сторону, сидела негодующая Суги. «Эй, Поэт! Чего ты опять на меня так устался, будто смотришь на какую-то грязную вещь? Когда я спустился, эта женщина даже не сопротивлялась. А когда я встал и собрался уходить, она вдруг схватила меня за руку. Я знал, что она хотела этим сказать, но убил ее. Вот и все. Но знаешь, знаешь...»

Наконец Суги повернулась и прямо посмотрела на Хёнтхэ. Казалось, глаза ее полыхали разгоравшимся изнутри огнем.

— Никто из вас... Ни Донхо, ни вы никогда не сможете получить спасения.

Сказав это, она сжала губы так, что их свело судорогой. Суги встала.

— Прощайте, больше мы не увидимся.

XVI

В итоге левая рука Сокки так и осталась искалеченной. Он не мог двигать кистью, а из пальцев разгибались только

мизинец и безымянный, да и то наполовину, остальные же были неподвижными. Сокки, при всей невозмутимости характера, узнав о своем увечье, несколько дней угрюмо лежал на боку и почти не разговаривал, даже когда Хёнтхэ навещал его.

Однажды, когда рана на боку почти зажила и Сокки немного оправился, он посмотрел на Хёнтхэ прищуренными без очков глазами и сказал: «Черт с ней, с кистью! Вот бы двигать хотя бы большим и указательным пальцами. Тогда бы я в бильярд мог играть. В последние дни смотрю в потолок и вижу бильярдный стол. Но надо и на этом спасибо сказать. По крайней мере у меня есть одна нормальная рука, могу стакан с выпивкой держать, правда?» Произнося это, он попытался улыбнуться. Однако эта улыбка человека, смилившегося со своей участью, вызвала у Хёнтхэ еще большую жалость. Сейчас, с натянутой улыбкой принимая случившееся, Сокки казался еще несчастнее, чем в тот день, когда обо всем узнал и лежал в угрюмом безмолвии. Хёнтхэ до сих пор помнил того Сокки, который в день драки перед трактиром хотел сам со всем разобратся. Он знал, что мог предотвратить увечье Сокки, но почему-то был уверен, что не мог поступить иначе.

Хёнтхэ сходил в оптику и купил Сокки очки по старому рецепту. Надев их, Сокки с минуту посмотрел на Хёнтхэ и сказал: «Не пойдет, слишком все хорошо видно». Он снял очки и добавил: «Не хочу в них видеть мать».

Как-то раз Хёнтхэ довелось встретиться с матерью Сокки, когда она пришла в больницу навестить сына. Эта женщина, которая была намного меньше ростом и худощавее Сокки, беззвучно подошла к койке сына и неподвижно села подле него, сжимая руками простыню. Лицо ее было испещрено глубокими и мелкими морщинами. Вдруг из щелок-глаз ее, которые, казалось, были лишь одной из ее многочисленных морщин, потекли слезы. При виде матери Сокки Хёнтхэ вспомнил другую мать, которая глубоко страдала, пытаясь наладить отношения между мужем и сыном.

Сокки однажды рассказывал, что единственной мечтой его отца, который лет тридцать прослужил нотариусом,

было то, чтобы сын добился в жизни успеха, став служителем правосудия. Отец мечтал увидеть сына, величественно восседающего в мантии на высоком стуле за судейским столом. Он представлял, как его сын, постучав молоточком, устанавливает в зале суда полную тишину и строгим голосом выносит приговор. Для него было настоящим ударом, когда Сокки увлекся боксом. Он бранился, пытаясь образумить сына, а потом переходил на мать, обвиняя ее в том, что она не смогла уследить за ребенком и вырастила бездельника. Мать же никогда ничего не говорила сыну. Не только потому, что он был единственным ребенком в семье, но и потому, что у нее была слишком добрая для этого душа. После того как он вернулся с фронта с ранением глаз, она не могла даже прямо смотреть на него. Рассказывая о родителях, Сокки сказал: «Уж лучше бы мать, как отец, поругала меня. Оттого, что она осторожничают со мной и боится, как бы я ей чего не сказал, мне еще невыносимее».

Даже придя навестить сына, мать только сжимала руками простыню и с тихим плачем все повторяла, что отец в последнее время очень занят, поэтому не может прийти в больницу. Сокки, лежавший на боку спиной к матери, тогда пробурчал: «Все, иди домой». Хотя сказано это было грубо, в голосе его чувствовалась какая-то наивно-детская любовь к матери. В тот день Хёнтхэ удивился, он не узнавал того грубого и неотесанного Сокки, которого знал. Сейчас ему было понятно, почему Сокки в новых очках не хочет видеть морщинистое лицо матери.

Неловко, одной правой рукой, Сокки положил очки в очешник и промямлил, что и без них сможет донести стакан с выпивкой до рта.

Хёнтхэ вышел из больницы и без особой цели пошел в сторону района Ыльчиро Ипку. Вдруг кто-то сзади позвал его. Хёнтхэ развернулся и увидел незнакомого мужчину, мимо которого только что прошел.

Мужчина тепло улыбнулся и сказал:

— Простите, а вы, случаем, раньше не служили в военной части Сотхогоми?

Хёнтхэ все же не мог вспомнить, кто это.

— Меня вы, может, и не помните, но старшего сержанта Сону должны помнить. Вы видели его в питейной лавке. Ну, тот парень, который напивался и потом хулиганил.

Мужчина сказал, что он — тот самый сержант Ан, который ходил за Сону и уговаривал его больше не пить. Хёнтхэ кое-что припоминал, но тот сержант Ан и этот мужчина, стоящий перед ним, как-то не вязались друг с другом.

Мужчина спросил, есть ли у Хёнтхэ время, и предложил пойти куда-нибудь вместе. Они зашли в булочную.

— Честно говоря, я вас уже видел однажды на улице, но вы так изменились, что я не решился с вами заговорить.

— Видно, у вас хорошая память на лица. Ну, и чем вы теперь занимаетесь?

— Я учусь в духовной семинарии.

Хёнтхэ припомнил, что голос и выражение лица мужчины, когда тот окликнул его, были преувеличенно-мягкими.

Сержант Ан, по всей видимости знавший о смерти Донхо, сказал:

— Когда я узнал, что ваш тихий и спокойный товарищ покончил с собой, то очень переживал. Да, в то время ведь все были не в себе.

Он воткнул вилку в пончик и продолжил:

— Помню, у вас был еще один приятель. Ну, с таким смугловатым лицом.

Хёнтхэ рассказал, что Юнгу сейчас занимается курами недалеко от района Чоннянни.

— Правда? Какой хороший бизнес! Знаете, я даже одно время молился за него. Помните, в тот день, когда старший сержант Сону напился так, что повалился на землю, ваш товарищ сказал, что он неплохой актер? Признаюсь, я тогда был на него несколько обижен. Ведь старшему сержанту Сону на самом деле было очень плохо...

Пока он говорил все это, голос его, как и надлежало человеку, ведущему праведную жизнь, был неизменно мягким.

— Раз уж он разводит кур, надеюсь, найдет в этом деле истину жизни. Ведь даже увидев, как маленькое горчичное

семя, попав в землю, прорастает, можно познать тайну Вселенной. Так же и с куриным яйцом. Конечно, наука может разобраться, сколько в нем процентов воды, сколько белков, жиров и минералов. Но существует же в нем нечто такое, чего наука не может объяснить. Я имею в виду тайну жизни. Хотелось бы, чтобы душа вашего друга открыла и постигла эту истину.

Хёнтхэ было смешно: взрослый человек, который к тому же учится в духовной семинарии, так примитивно и банально рассуждает о подобных вещах. Однако ему не хотелось осуждать собеседника. Ведь говорил тот все это по простоте души, от чистого сердца.

Хёнтхэ не мог не спросить о старшем сержанте Сону.

— Он тоже теперь в Сеуле?

— Да. Но у него были проблемы, и сейчас он лежит в больнице.

Хёнтхэ подумал, не связана ли его болезнь с запоями, и спросил:

— Видно, ваш друг все это время продолжал пить?

— Да нет. Со спиртным он завязал. Попал в больницу, потому что душа его не могла обрести покой... Но сейчас ему уже намного лучше, и скоро его выпишут. Я как раз шел навестить его. Наверное, сегодня точно скажут, когда выписываться. — Ан мягко улыбнулся и сказал: — Сделайте одолжение... Если вы не очень заняты, не могли бы вы вместе со мной пойти к нему в больницу? Если он увидит вас, то очень обрадуется. В прошлый раз я повел к нему пастора и миссионера из нашей церкви, так он был ужасно им рад.

Хёнтхэ догадался, что Ан сегодня остановил его на улице в надежде повести с собой в больницу, чтобы порадовать больного.

Как выглядит старший сержант Сону, Хёнтхэ совершенно не помнил. Сержанта Ана он также не мог вспомнить. Для него это были просто случайные люди, которых когда-то, во время войны, он встретил в питейной. Скорее всего, для старшего сержанта Сону он также ничего не значил.

Хёнтхэ решил, что идти навещать больного не стоит. Он даже не был уверен, что тот узнает его, не говоря уж

о том, обрадуется ли он его приходу. Но вдруг в далеком уголке его памяти возник образ парня в военной форме. Тот шел нетвердой походкой, потом в нерешительности остановился, медленно, очень медленно развернулся и направился к Хёнтхэ. На лице его была усмешка.

Неожиданно Хёнтхэ захотелось все-таки встретиться со старшим сержантом Сону. Он хотел посмотреть на человека, который тронулся умом, не выдержав каких-то личных душевных переживаний, а теперь опять вернулся к жизни.

Вдвоем с Аном они прошли через район Ангукдон и добрались до Столичного военного госпиталя.

По дороге Ан рассказал, как старший сержант Сону попал в больницу.

Оказалось, что в позапрошлом году осенью Ан демобилизовался и поступил в семинарию, а старший сержант Сону, непонятно по какой причине, заупрямился и остался служить в армии. Вскоре его батальон перевели в Сеул, и тогда-то с ним и случилась эта история.

В то время сержант Сону, по совету Ана, бросил пить и каждое воскресенье ходил в церковь. Однажды после воскресной службы они вместе ехали на автобусе. Старший сержант Сону не отрывал глаз от одного школьника, а когда тот сошел с автобуса, выбежал вслед за ним, хотя это была не его остановка. Ан спросил, знает ли он этого школьника, но сержант Сону ничего не ответил и только с серьезным видом продолжал идти за мальчиком. Тот свернул в переулок. Тогда сержант Сону завернул вслед за ним, вдруг подбежал к нему и, схватив рукой задний карман на его штанах, с силой оторвал его. Когда школьник испуганно повернулся к ним, старший сержант Сону дрожащей рукой протянул ему оторванный карман.

— Он сказал, что карман немного оторвался и, увидев это, ему ужасно захотелось оторвать его до конца. На тот момент я не подумал ничего серьезного, просто решил, что он немного душевно ослаб. Но где-то через месяц с ним произошел другой странный случай.

Это был также воскресный день, и они вместе были в церкви.

Во время церковной службы старший сержант Сону выглядел очень нервным, никак не мог успокоиться. Казалось, он и не слышит, о чем говорит пастор. Он изо всех сил старался сдерживать себя, да так, что на висках даже вздулись вены.

Но в конце концов он не выдержал и протянул руку к спине сидящего впереди человека. На одежде у того торчала нитка. Старший сержант Сону осторожно оторвал ее и быстро заложил в Библию. Лицо его сразу прояснилось, и он удовлетворенно заулыбался.

После службы, когда они вышли из церкви, старший сержант Сону спросил Ана, нет ли у него спичек. Ан ответил, что нет, и тогда Сону достал из Библии обрывок нитки, скатал его и закопал во дворе церкви, да еще плотно утоптал землю.

— После этого случая он больше не выходил с базы и не посещал церковь, поэтому я сам пошел его проводить. Там мне сказали, что он начал странно себя вести и его отвезли в Столичный военный госпиталь.

Ан отправился напрямик в больницу. Когда он сообщил врачу, что с детства дружил со старшим сержантом Сону, лечащий врач принялся расспрашивать его о подробностях личной жизни пациента. Сказал, что это нужно для лечения. Ану пришлось рассказать врачу обо всем: что родители сержанта Сону были расстреляны на Севере во время войны; что, желая отомстить за них, он убил одного предателя, а потом каждый раз, когда напивался, говорил, что призрак убитого преследует его.

Когда Ан увидел старшего сержанта Сону, тот лежал в палате с тремя другими пациентами.

Увидев Ана, он вполне нормально поздоровался: «Давно не виделись!» Но когда Ан спросил, все ли в порядке, Сону только ответил: «Ну, как сказать...», немного помялся и вовсе замолчал. Затем он стал поправлять лежащую ровно Библию, вытирать обложку и стряхивать невидимую пыль. Возможно, врач был прав. Он сказал, что такие движения являются признаком того, что Сону изо всех сил пытается стереть из глубин подсознания тре-

вогу и навязчивые идеи, вызванные сомнениями в Боге и осознанием своей вины.

Каждый раз, навещая старшего сержанта Сону, Ан понимал, что состояние его только ухудшается. Казалось, он узнает Ана, но молчит и отказывается с ним общаться. Постепенно к душевному расстройству добавились симптомы шизофрении.

— В критические дни он был вообще не в себе. Врач спрашивает, пообедал ли он, а он отвечает: «Да, я сходил на прогулку». Показывая на лампу, его спрашивают: «Что это?», а он говорит: «Господь Бог». Скажет эти нелепые ответы и сидит себе, бессмысленно улыбается. Еще он разорвал в клочья Библию, а ведь так дорожил ею. Да, это было ужасно! Душа разрывалась видеть все это.

Ан с минуту помолчал. Казалось, он погрузился в воспоминания.

— А с недавних пор состояние его чудом стало улучшаться. Конечно, прежде всего благодаря тому, что ему попался хороший врач. Я еще никогда такого добросовестного врача не встречал. Уже прошло больше года, но он не прекращает лечения, проводит электротерапию, психотерапию, словом, делает все, что в его силах. А я вот только денно и нощно молюсь за своего товарища. В любом случае, думаю, на него снизошла Божья благодать. В последние дни он так серьезно читает Библию. Кстати, помните, что он раньше говорил? Что Бог и существует, и не существует: для тех, кто верит в него, он существует, а для тех, кто нет, — не существует. Он еще тогда сказал, что не верит в Бога, поэтому ему не о чем беспокоиться. Теперь он наконец понял, что Бог есть... Словом, теперь все уже позади.

Психиатрическое отделение находилось в передней левой части госпиталя. Они поднялись по ступенькам, вошли в здание и оказались в довольно широком коридоре с палатами по обеим сторонам. Несмотря на то что на улице был еще день, внутри было так темно и мрачно, что хотелось включить свет.

Ан, видимо, бывал здесь часто и уже имел знакомых. Он весело поздоровался с солдатом, сидящим у входа, и прошел мимо.

— Эй, товарищ! — позвал его сзади солдат.

Когда Ан развернулся, он сказал:

— Вы в сто третью палату к старшему сержанту Сону?

— Да.

— Тогда зайдите сначала к капитану Паку.

— Это к заведующему отделения?

— Да.

Ан повернулся к Хёнтхэ и сказал:

— Наверняка хотят поговорить о выписке. Подождите меня здесь минутку.

Ан прошел ко второму кабинету слева и постучал. Изнутри ответили. Ан открыл дверь и вошел.

Прошло довольно много времени, и Ан вышел вместе с невысоким круглолицым военным врачом. Даже в этом темном коридоре можно было разглядеть, что лицо Ана стало совершенно бледным.

— Почему же он опять это сделал...

— Кто знает...

— Значит, навестить его никак нельзя?

— Это совершенно бессмысленно. Больной никого не узнаёт. Правда, сегодня с утра приступы бешенства стали слабее.

— А что стало причиной на этот раз?

— Пока ничего определенного сообщить вам не могу. Накануне он даже сказал мне, что впервые в жизни чувствует ясность в голове и самочувствие хорошее. А вчера после обеда, как я уже рассказал, ваш товарищ заявил, что хочет поточить карандаш, и медбрат отнес ему фруктовый нож. Он ведь когда читал Библию, всегда подчеркивал прочитанное карандашом, поэтому мы ничего не заподозрили. А когда медбрат дал ему нож и собрался выходить, больной вдруг налетел на него сзади и воткнул нож в спину. Слава богу, нож был тупой, не то бы ужас что случилось. Мне сообщили, что, ударяя медбрата ножом, он выкрикивал нечто странное: «А ну-ка, посмотрим, падает

ли мужчина на спину, когда умирает». Вчера он всю ночь твердил эту фразу.

В голосе военного врача, подробно рассказывающего о случившемся, звучало разочарование от того, что все его усилия оказались напрасными.

— Если он немного успокоился, мне хотелось бы с ним увидеться.

Лицо Ана выражало горечь и отчаяние.

— Вряд ли это возможно, он и сейчас продолжает что-то бормотать... Но если уж вы так этого хотите, пойдемте, можете посмотреть на него через дверь.

Врач шагал впереди.

Хёнтхэ последовал за Аном, который теперь избегал его взгляда.

У палаты в конце коридора врач остановился. Он взял-ся за ручку двери и проверил, закрыта ли она, а потом стал в сторону. На двери была табличка: «№ 108». Видимо, после случившегося Сону перевели одиночную палату. Из комнаты доносилось хриплое бормотание больного. Прислушавшись, можно было разобрать, что он говорит.

— ...Я насадил тебя как благородную лозу — самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы...

Ан плотно прижался всем телом к двери и, закрыв глаза, весь превратился в слух.

— ...вся земля будет опустошена, но совершенного истребления не сделаю. Восплачет о сем земля, и небеса помрачатся вверху...

Лицо Ана немного просветлело. Продолжая прислушиваться к бормотанию, он открыл глаза и тихим голосом сказал врачу:

— Это из книги пророка Иеремии. Он любил ее читать. А сейчас он это читает вслух или говорит наизусть?

— Он говорит сам с собой. После вчерашнего случая, как и в прошлый раз, он разорвал Библию, и теперь ее у него нет.

— Доктор, как вы думаете, у него есть шанс на выздоровление?

— Не могу ничего сказать, нужно будет еще за ним понаблюдать.

Даже Хёнтхэ, стоящий рядом, понял, что врач находит состояние больного безнадежным.

Из палаты продолжало доноситься хриплое бормотанье.

— ...Горе мне в моем сокрушении; мучительна рана моя, но я говорю сам в себе: «подлинно, это моя скорбь, и я буду нести ее»...

Хёнтхэ расстался с Аном, который решил остаться, чтобы проследить за состоянием больного, и вышел из больницы. Непонятно почему, его разбирала злость. Он шел куда глаза глядят. Вдруг он понял, что злиться ему не с чего. Какое ему дело до того, что старший сержант Сону снова помешался?

Хёнтхэ почувствовал, что ужасно устал. Ему хотелось лечь.

Вернувшись в этот день домой, он опять погрузился в «медвежью спячку».

XVII

— Я тебе билет на самолет уже купила. Так и знай: ты улетаешь во вторник, — решительным голосом объявила мать, позвав Хёнтхэ к себе в спальню, когда тот собирался выйти на прогулку после многодневного сна.

Все то время, пока Хёнтхэ находился в «медвежьей спячке» после возвращения из военного госпиталя, куда пошел с Аном, мать постоянно заходила к нему в комнату и уговаривала.

— Вот уже два месяца, как тебе выдали визу, а ты все валяешь дурака, ничем не занимаешься. И о чем ты только думаешь? Я уже целых три раза меняла в кассе дату вылета. Хоть убей, больше не могу никого ни о чем просить. В этот раз послушай меня, пожалуйста, уезжай.

К этому она добавляла, что уже договорилась насчет него со знакомыми, которые сейчас живут в Америке, и даже перечисляла их имена. Каждый раз Хёнтхэ, не задумываясь, отвечал: «Да, нужно уехать».

Мать, видно, была уверена, что не поторопись она лично с этим делом, сын никак не соберется. Поэтому она пошла и сама выкупила билет, а затем всунула его в руки сыну.

— Все остальное уже готово, пойди получи профилактические уколы, подумай, что тебе нужно с собой взять, и собери чемодан. Не то потом будешь бегать в последний момент. И подстригись, пожалуйста...

Потом немного поразмыслив, она решила, что уж с последним можно не торопиться, и добавила:

— Ну, подстричься вообще-то лучше накануне отъезда.

Конечно, для любой матери сын, каким бы взрослым он ни был, всегда остается ребенком. Временами эта материнская любовь в тягость, а иногда даже отталкивает. Но в этот день, до того как выйти из комнаты матери после нотаций, Хёнтхэ почему-то захотелось что-нибудь сказать ей.

— Мама, не нужно ехать провожать меня.

— Почему это?

Мать посмотрела на него с недоумением.

— Да так...

Как бы он ее ни отговаривал, она все равно поедет в аэропорт проводить его. И будет плакать. На миг она чисто по-матерински пожалеет о том, что сама поторопила сына с отъездом в такую даль. Но Хёнтхэ не выкажет ни капельки грусти и сожаления. Наоборот, он с улыбкой на лице взглянет в последний раз на лица родных. Посмотрит на отца, который, даже отправляя сына в дальний путь, будет стоять поодаль, заложив руки за спину, думать о своих предпринимательских планах и смотреть в сторону сына отсутствующим взглядом; посмотрит на братишку, который, слегка подзадоренный полетом старшего брата в дальние края, будет с еще большим удовольствием представлять в мыслях, как преодолевает горный маршрут, запланированный на предстоящие выходные; потом еще раз посмотрит на мать, которая впадет в еще большую грусть, увидев его беспечное лицо, потому что она вообразит, будто он скрывает свои чувства, чтобы не расстраивать ее. Но Хёнтхэ так и не покажет своей грусти от расставания с семьей. Он только минуту побеспокоится

о здоровье матери. В последнее время лекарства хорошие, и ей становится лучше, поэтому особо переживать ему не стоит. Наконец он поймет, что нет таких семейных дел, которые обязательно требуют его вмешательства. Со спокойной душой он развернется и пойдет на посадку. Оглядываться не станет. И все на этом закончится.

Хёнтхэ повернулся и вышел из спальни матери.

Он довольно долго не выходил из дома, и теперь ему казалось, что на улице светло как никогда. Для марта погода была относительно теплой. Пальто давило на плечи.

Хёнтхэ направился в больницу в районе Таокдон, где лежал Сокки. Дорогу он хорошо знал. Но сегодня на глаза ему попадались магазинчики, которых он не мог припомнить, и, проходя мимо, он стал внимательно рассматривать их. Однако в памяти у него они долго не задерживались.

Хёнтхэ шел и думал все об одном. Он понимал, что попал в окончательный тупик и теперь пришло время принять решение. Успокаивая себя, что нужно лишь сесть на самолет, он пытался думать о чем-нибудь другом. «Наверняка за это время Сокки стало намного лучше. Да, с его горячностью он немного помучается, пока привыкнет делать все одной рукой. Ишь ты, не может в очках смотреть на морщинистое лицо матери! Такой здоровый, а мать свою гонит: иди да иди. Вот ведь! Мужик, а такой добряк».

Когда Хёнтхэ зашел в палату, Сокки стоял и глядел в окно. Он обернулся, посмотрел на Хёнтхэ прищуренными глазами и поприветствовал:

— Приятель, а я думал, ты дуба дал...

Чувствовалось, что он был несказанно рад приходу друга.

— Ты как раз вовремя.

— Почему это?

— Завтра выписываюсь.

— А врач тебе разрешил?

— Врач сказал — послезавтра, но какая разница: что завтра, что послезавтра? Вот я и уговорил его. Ты ведь знаешь, какой завтра день?

— Какой?

— Да ведь суббота! Суббота! Ты что, забыл наш питейный день?

«Ну и что с того, что завтра питейный день?» — подумал Хёнтхэ. Он непонимающими глазами смотрел на Сокки.

— Наверное, даже от одного стакана у меня голова кругом пойдет.

Сокки теребил правой рукой подбородок. Лицо его, обросшее щетиной, осунулось.

— Не болтай глупостей. После выписки сиди дома, никуда не выходи. По крайней мере хоть несколько дней.

— Нет уж! Я и так все это время сидел здесь, как в клетке, чуть с ума не сошел. Наоборот, мне будет полезно подвигаться. Врач сказал, что в первый раз видит такого пациента, как я, у которого так быстро мышцы восстанавливаются. Мне теперь все можно. Короче, завтра нужно будет смочить горло. Я готов!

Хёнтхэ перевел разговор на другую тему:

— А я скоро уезжаю.

Он рассказал, что у него куплен билет на следующий вторник. Сокки долго прищуренными глазами смотрел на Хёнтхэ.

— Точно, тебе ведь уже давно визу дали, — произнес он разочарованным тоном. Лицо его на секунду помрачнело.

— Вот дает! — неожиданно сказал он неизвестно кому.

Затем громким голосом продолжил:

— Ну, придется тогда завтра совместить питейный день с твоими проводами. Ты Юнгу уже сказал о своем отъезде? Выходит, в любом случае мне нужно поторопиться с выпиской. Слушай, передай письмо моему отцу. Я хотел дать его матери, но так даже лучше. Если бы она отнесла его, он бы опять стал ругать ее из-за меня. В прошлый раз, когда нужно было заплатить за больницу, отец и без того, видно, устроил ей скандал.

Сокки достал из-под подушки конверт и сунул его Хёнтхэ.

— А почему письмо о выписке такое толстое?

Сокки вдруг громко рассмеялся.

— Ничего не поделаешь. Надо сделать так, чтобы отец прочитал его и согласился заплатить оставшуюся сумму за лечение — целых шестьдесят пять тысяч.

— И что, шедевр накатал?

Сокки, продолжая смеяться, ответил:

— А как же иначе? Но суть его проста. Я прошу отца взять меня в помощники. Вот и старался, написал целый доклад, чтобы убедить его.

Хёнтхэ тоже рассмеялся.

— Отличное дело! Выходит, наш служитель правосудия будет теперь помощником нотариуса?

— Это только если он возьмет меня на работу. Он в этом деле уже тридцать лет, разве ему так просто угодить? Ему достаточно краем уха услышать просьбу клиента, чтобы написать на чистом листе бумаги письменную жалобу, не сделав ни одной описки.

— Ну, если не помощником, то уж стажером точно возьмет.

Двое приятелей рассмеялись. Особого повода для смеха не было, но они продолжали смеяться.

Хёнтхэ встал со стула.

— Ты уходишь? Вот, возьми письмо. Так, выходит, во вторник... погоди, ты сказал, во вторник, да? А во сколько вылет?

— В одиннадцать.

На самом деле Хёнтхэ не знал, во сколько у него рейс.

— Ну, завтра ведь увидимся, вот тогда и поговорим обо всем.

Хёнтхэ вышел из больницы и у здания Министерства иностранных дел на улице Ыльчиро Ипку сел в попутное такси, ехавшее в сторону района Хвегидон.

Когда они проехали район Чоннянни и добрались до нужного места, Хёнтхэ остановил машину и вышел.

В окрестностях птицефермы Юнгу понастроили квартир для малоимущих семей и появились частные жилые дома, которых раньше не было. К тому же открылось несколько магазинов.

Хёнтхэ вспомнил, что как-то нарисовал Суги карту этой местности. Словно пытаясь оттолкнуть от себя мысли о ней, он стал оглядываться по сторонам и искать табачную лавку, которую указал на бумажке. Теперь она затесалась между другими магазинчиками.

Когда Хёнтхэ открыл калитку и вошел во двор, Юнгу прикреплял дверцу к новопостроенному курятнику. Он работал на пару с плотником, и даже издалека было видно, что движения его полны энергии.

Войдя во двор, Хёнтхэ не стал звать приятеля. Он просто стоял и ждал, рассматривая курятники. Многочисленные куры суетливо клевали корм. В одном из курятников мальчик насыпал из ведра корм, и птицы кружились вокруг него стаей.

Наконец Юнгу заметил Хёнтхэ и спросил:

— Здорово! Когда это ты успел прийти?

— Да щас, только что.

Юнгу оторвался от работы и подошел к Хёнтхэ.

Как и положено человеку, который всегда находится на открытом воздухе, он сильно загорел, кожа на лице его была гладкой и упругой. Казалось, даже его черные кудрявые волосы с прилипшими к ним опилками и соломой свидетельствуют о его упорном характере.

— Ты, я вижу, поставил дело на широкую ногу?

— Ну прям. Просто я понял, что заниматься курами понемногу совсем невыгодно. Рискну, попробую расширить дело.

Хотя он говорил, что идет на риск, голос его звучал уверенно. Было видно, что он уже все просчитал.

Из курятника вышел старик с корзиной яиц, прошел мимо Хёнтхэ и двинулся в сторону кладовки. Юнгу нанял его, потому что с покупкой новых цыплят без дополнительного работника было не справиться.

— Хочешь попробовать яйцо?

— Нет, не хочу.

— Люди думают, что тот, кто занимается птицефермой, может когда захочет есть яйца. Только это совсем не так.

Он говорил как настоящий деловой человек.

— Извини, хотел бы пригласить тебя в дом, но сейчас у меня в гостиной партия новых цыплят... А в спальне мы спим все вдвоем, поэтому там бардак.

— Ничего, мне скоро уходить.

— Ты так давно у меня не был, надо хоть посидеть, поговорить.

Юнгу окрикнул старика, выходящего из кладовки:

— Дедуль, принеси нам, пожалуйста, вон ту скамейку.

Старик пошел в сторону строящегося курятника и при-
ташил оттуда скамейку. Было видно, что ее смастерили на
скорую руку совсем недавно, во время постройки. Отесан-
ные доски еще не успели потемнеть.

Юнгу сдул со скамейки пыль, и они вдвоем присели.

Приятель поделился с Хэнтхэ трудностями птицевод-
ства, а потом спросил:

— А как там Сокки? Я все собираюсь его навестить,
и никак... Он уже вроде месяц в больнице?

— Дня через два-три его выпишут.

Хэнтхэ не стал говорить о том, что Сокки собирался
выйти из больницы завтра и что тот предлагал сразу же
после выписки устроить питейный день. О том, что у него
куплен билет на вторник, он тоже не стал сообщать.

— Да, он тоже слишком много пьет. Кстати...

— Да ладно, иди работай. Я поехал. Если есть деньги,
одолжи, а?

Юнгу с самого начала знал, что Хэнтхэ приехал к нему
не просто проветриться или отдохнуть, а с какой-то целью.
Но он и подумать не мог, что речь пойдет о деньгах, ведь
он только три дня назад отправил ему через мальчика-
помощника очередные тридцать тысяч.

— Мальчик тебе деньги отнес?

— Да.

— А сколько еще нужно?

— Дай сколько есть. Ну, тысяч шестьдесят или семьдесят.

«Опять завел себе новую подругу», — подумал Юнгу
и порадовался тому, что не согласился на предложение
Хэнтхэ вернуть деньги тогда, когда они ему понадобятся
и он сам попросит о них. «Он вот так неожиданно прихо-
дит и просит вернуть деньги, хотя я каждый месяц воз-
вращаю ему определенную сумму. Представляю, какая бы
вышла ерунда, если бы я послушался его совета».

— Вот беда! Я наскреб все деньги, что были, и вложил
в постройку вон того курятника...

— Тогда ничего не поделаешь.

Хёнтхэ встал со скамейки.

— Погоди.

Юнгу было неудобно отправить его с пустыми руками.

— Вон у того пацана должно быть немного денег. Он их не тратит, копит. Подожди минутку.

Юнгу подозвал мальчишку и зашел с ним в дом. Через некоторое время он вышел с деньгами в руках.

— Здесь сорок пять тысяч. Возьмешь хоть это?

Это были разглаженные, чистые купюры.

— Это тебе не в долг. Будем считать, что я заранее вернул тебе деньги за полтора месяца.

Хёнтхэ вышел от Юнгу, снова сел в попутное такси и поехал в город.

Он вышел из машины у здания Министерства внутренних дел и напрямик пошел в больницу к Сокки.

Хёнтхэ зашел в первый кабинет справа. Врач оторвался от вечерней газеты. Оказалось, Сокки говорил правду, ему уже можно было выписываться. Выйдя из кабинета врача, Хёнтхэ добавил к деньгам, которые получил от Юнгу, все имевшиеся с собой деньги и оплатил лечение приятеля.

Рассчитавшись за все, Хёнтхэ достал из кармана пальто письмо Сокки, которое тот просил передать отцу. На одном углу конверта он написал:

«И без этого письма ты принят на работу. Тебе нужно только поговорить со своим отцом».

Он хотел было дать письмо стоящей рядом медсестре, чтобы она передала его Сокки, но, немного подумав, добавил еще одну фразу:

«Завтрашний питейный день отменяется».

На улице уже появились вечерние тени.

Хёнтхэ зашел в кофейню у дороги. Он заказал кофе и выпил его.

Выйдя из кофейни, без особой цели пошел в сторону кинотеатра «Синема Корея». Там купил билет на уже начавшийся фильм, даже не посмотрев, как он называется.

На экране проносились раскрашенные сцены. По всей видимости, фильм был о цирке, но сюжет особого внимания

не заслуживал. Актриса, игравшая главную роль, у которой временами только с одной стороны приподнимался уголок рта, была ему более или менее известна, актера же он видел впервые. Фильм был грубо раскрашен неестественно яркими красками. Несмотря на это, Хёнтхэ старался сосредоточиться на фильме и понять его содержание. «Как же звали эту актрису?» До конца фильма он так и не вспомнил ее имени. Смотреть фильм еще раз с самого начала ему не хотелось. Спускаясь по лестнице, он прикурил и тут вдруг вспомнил имя актрисы: «Энн Бакстер!»

Хёнтхэ направился в кофейню «Возвращение». Увидев его, официантка удивленно спросила: «С вами что-то случилось?» В это время дня, один, да еще и трезвый, он сюда никогда не приходил. Хёнтхэ заказал чай с виски. Вычерпав маленькой ложкой сахар, осевший на дно кружки, он вылил половину чая и добавил туда виски. Размешав ложечкой жидкость, Хёнтхэ стал маленькими глотками отпивать из кружки. Он никогда еще не пил чай с виски так спокойно и неторопливо.

Хёнтхэ прикурил новую сигарету. Тело его взывало о добавочной порции спиртного. Он заказал кофе без сливок и пил как можно медленнее, все думая об одном и том же. «Я попал в окончательный тупик, и теперь пришло время принять решение».

Хёнтхэ прислушался к звукам пластинки. Это был джаз. Легкий и веселый ритм мешал ему сосредоточиться на мысли, но он все же попытался сконцентрироваться. Хёнтхэ курил сигареты одну за другой. От длительного курения язык его онемел, казалось, на него налип еще один слой кожи. Он все равно продолжал курить. Голова закружилась, но мысли стали проясняться.

Хёнтхэ пошел к кассе и рассчитался. Когда он развернулся, на глаза ему попался телефонный аппарат. Он поднял трубку и стал набирать номер. Пошли гудки. Оттого ли, что была уже ночь и телефон стоял в пустой просторной комнате, гудки раздавались особенно гулко. Они были похожи на стон какого-то живого существа. Трубку подняли. «Алло!» — это был звонкий голос девочки-служанки.

Наверняка кто-то из родных услышал его звонок. «Алло! Алло!» — еще несколько раз повторила девочка. Хёнтхэ сделал вид, что никто ему не отвечает, и положил трубку.

К ночи воздух похолодал.

Хёнтхэ стал бродить по городу без особой цели. С широкой улицы он свернул в переулок, затем опять вышел на широкую дорогу и продолжал идти куда глаза глядят. Когда он завернул в какой-то узкий переулок, в одном из домов с темными окнами послышался кашель ребенка. Его было слышно даже тогда, когда Хёнтхэ уже свернул на другую улицу. В поисках чего он сейчас здесь блуждает?

Хёнтхэ увидел торговца, который собирал с уличного лотка скобяные изделия, выставленные на продажу. Не обращая на него особого внимания, Хёнтхэ уже собрался пройти мимо, как вдруг ему вспомнились крики: «Коли его, коли!» Тут на лице его появилась улыбка. Он подумал, что нашел для себя хоть какое-то дело. Купив кинжал, он положил его в карман пальто.

Хёнтхэ казалось, что теперь убить человека ему будет даже легче, чем во время рукопашного боя на войне. Для начала он пошел в тот трактир, в котором завязалась драка. Внутри заведения за выпивкой сидело несколько компаний. Хёнтхэ внимательно рассмотрел каждого посетителя и спросил хозяйку, не приходили ли те парни в серой и темно-синей куртках. Она ответила, что после того случая они и носа не показывали. Хёнтхэ обошел все питейные заведения в округе. Движения его стали быстрыми и ловкими, как в былые времена на войне, в глазах горел огонек.

Хёнтхэ обошел и весь район Мёндон. Бродя по городу в поисках парней, он постепенно понял, что заколоть их ножом не было сейчас делом первостепенной важности. Больше всего ему хотелось, по крайней мере, их найти. Завыла сирена, предупреждающая о комендантском часе. Глядя на закрывающиеся трактиры и фары спешащих автомобилей, Хёнтхэ почувствовал, что совершенно одинок. И чем больше одиночество давило на него, тем больше в нем горело желание сделать что-нибудь своими силами. Но на что же он способен?

Возвращаться домой в таком состоянии ему не хотелось.

В доме увеселения «Пхеньян» девочка-служанка, поставив друг к другу скамейки, готовила себе лежанку возле печки.

Хёнтхэ собирался пройти во внутреннюю комнату, но остановился. Изнутри раздавался женский плач. Кто-то громко и горько рыдал. Среди плача можно было слышать три-четыре глухих удара. Казалось, кого-то бьют кулаком по спине. Затем послышался разгневанный голос хозяйки: «Да кто ты такая, чтобы отказываться от самого начальника областной канцелярии? Ах ты, стерва, убить тебя мало!»

Девочка-служанка, которой, видимо, стало неудобно перед слышавшим все это Хёнтхэ, крикнула:

— Хозяюшка, к вам гости!

Дверь открылась.

— Ой, так это вы, господин Син!

Вид у нее был немного растерянный, но она сразу же заулыбалась, надела туфли и подошла к нему.

— Этак мы и вправду совсем вас забудем, — сказала она и торопливо потянула его в комнату за кухней.

Не снимая пальто, Хёнтхэ достал из кармана все оставшиеся у него деньги и сунул их хозяйке. Всего вышло около шести-семи тысяч хван мелкими купюрами.

Слюнявя пальцы, хозяйка посчитала деньги и сказала:

— Какой же вы скряга! Могли бы ведь сразу заплатить за весь месяц.

Она искоса посмотрела на Хёнтхэ. Но сказано все было шутливо, и было очевидно, что она довольна и такой суммой.

— Сегодня пить не буду.

— Как же так? Вы ведь вроде сегодня совсем трезвый? Хотя, ваша правда, нужно же временами быть и примерным женишком.

Хозяйка вышла и недолгое время спустя занесла постель. За ней, как и в прошлый раз, явилась Кехян с под-

ушкой под мышкой. По ней совсем не было видно, что она только что плакала. Выражение лица ее было холодным.

— Прошу вас, постарайтесь, чтобы утром она могла встать пораньше.

Хозяйка двусмысленно улыбнулась и вышла.

Оставшись наедине с Кехян, Хёнтхэ спросил ее:

— Сегодня приходил тот начальник?

Она ничего не ответила.

— Хозяйка тебя часто бьет?

Она снова промолчала.

Кожа ее по-прежнему была холодной и гладкой, словно фарфоровый кувшин. Но на этот раз с Хёнтхэ случилось непредвиденное. Его мужественность не просыпалась. Кехян лежала ровно и не двигалась. Чем больше он пытался что-то сделать, тем слабее становилось его мужское желание. Не видя другого выхода, он лег рядом и начал медленно гладить ее тело. Ему нужно было время, чтобы мужество его воспряло. Под ладонью он чувствовал лишь фарфоровый кувшин. Гладящая рука добралась до ее груди. Он плотно сжал ладонью буторок и почувствовал в середине его крепкий комочек. Он всосал его насколько это было возможно и прикусил зубами. Она негромко вскрикнула, но продолжала лежать не шелохнувшись. Хёнтхэ понял, что заниматься с этой девушкой любовью не имеет никакого смысла, и, наконец, успокоился. Он лег в стороне от нее.

В голове прояснилось. Опять на него нахлынула мысль, что он окончательно попал в тупик. Нужно просто сесть на самолет! Но что изменится, если он даже и улетит отсюда? Это будет лишь продолжение теперешней жизни. Продолжение бессмысленной жизни. Да ведь грешно же так жить! Но и что? Вопрос был лишь в том, есть ли у него силы вынести все это.

Голова у Хёнтхэ была ясная, но в теле чувствовалась усталость. Многочасовое блуждание по городу давало о себе знать. Благо до этого он выспался во время своей «медвежьей спячки». А ведь раньше, на войне, такие нагрузки были ему нипочем.

Пока сознание его продолжало отчетливо работать, утомленное тело стало погружаться в сон. Вдруг он был разбужен каким-то звуком.

Это было всхлипывание Кехян.

— Что с тобой?

Она долго ничего не отвечала, но потом проговорила:

— Жить не хочу.

Впервые в словах ее прозвучало чувство. Было неожиданно услышать такое от этой фарфоровой куклы.

Хёнтхэ посмотрел на нее. Она продолжала ровно лежать на спине. Он понял, что теперь и она не сможет приносить ему душевное успокоение. Вдруг вспомнив о своем кинжале, Хёнтхэ вскочил, достал его из пальто и протянул Кехян.

Она, продолжая лежать, посмотрела на кинжал.

— Вот, возьми. Да нет же, не за острие, за рукоять...

Затем он опять лег рядом, повернувшись к ней спиной.

Кехян перестала всхлипывать и лежало тихо.

Хёнтхэ, как ни в чем не бывало, лежал и ждал. Так он пролежал довольно долго.

...Он стоял под огромным деревом. Ветви и листва скрывали небо. Неожиданно появилась эскадрилья бомбардировщиков и начала вести обстрел с воздуха. Но Хёнтхэ не стал прятаться за дерево, он стоял прямо лицом к самолетам. Пули засвистели со всех сторон. Обстрелянные ветки и листья падали на землю. Пролетевшая эскадрилья блеснула на солнце серебряными крыльями и, развернувшись, опять направила свои носы на Хёнтхэ. Он опять встал лицом к самолетам. Пули засвистели со всех сторон. Снова ветки и листья принялись падать на землю. И так каждый раз: бомбардировщики пролетали, стреляя, а он становился к ним лицом. Наконец дерево осталось без веток и листьев. Он подумал, что теперь это дерево, как после обрезки, начнет приносить много плодов. Хёнтхэ снова развернулся лицом к приближающимся самолетам. И как раз в тот момент, когда огонь бомбардировщиков должен был добраться до него, воздушная эскадрилья вдруг замерла на месте. Черт подери! Хёнтхэ открыл глаза.

За спиной послышался стон. В темноте виднелось лицо Кехян, которая лежала и издавала тяжелые стоны. Ее матрас и одеяло были пропитаны темными пятнами крови. Хёнтхэ подумал, что ему нет до нее дела. Но тут среди стонов он различил какое-то бормотание. Казалось, говорит это она именно ему. Он приблизился к ней и приставил ухо к ее губам. Но она отвернулась от него. Вдруг Хёнтхэ опять почувствовал себя совершенно одиноким. Сознание прояснилось. Он вновь отчетливо понимал, что оказался в окончательном тупике. «Я должен хоть что-то сделать своими руками!» Он подобрал кинжал, валявшийся у правой руки Кехян. Уж на этот раз он с легкостью осуществит задуманное. Нужно лишь покрепче сжать кинжал. Но тут он всем своим существом понял, что и это не будет иметь никакого смысла. Даже чудаковатая Кехян смогла опередить его, что же он может сделать сейчас... Хёнтхэ продолжал стоять, сжимая в руках кинжал. В темноте лицо его расплылось в самоуничижительной улыбке.

Однажды утром, в начале июня, когда погода прояснилась после затяжных дождей, Юнгу выбрал кур, которые уже с самого начала были чахлыми и теперь плохо неслись, чтобы продать торговцу куриным мясом.

В этом году, основываясь на прошлогоднем опыте, Юнгу стал еще тщательнее ухаживать за цыплятами, благодаря чему дело его пошло куда успешнее. Если в прошлом году у него умерло пятнадцать процентов кур, то в этом году он потерял вдвое меньше. К тому же теперь молодки клевали друг друга намного реже. Скорее всего, результат дало то, что, купив цыплят, он сразу же стал особенно внимательно следить за освещением: ярко включал лампу только тогда, когда давал корм, в остальное же время в курятнике всегда был тусклый свет.

— А правда, что даже если покупаешь только несушек, среди них потом обязательно оказывается немало петухов? — спросил торговец куриным мясом, получая из рук Юнгу кур и кладя их в клетку на багажнике велосипеда.

— Ни много ни мало — процентов десять.

Владельцы инкубаторов, чтобы определить, курочка это или петушок, прощупывают попки сотням цыплят, поэтому, конечно, можно предположить, что они могут и ошибиться. Однако вполне правомерно будет сказать, что определенное количество петушков продается вместо курочек умышленно. Ведь факт, что к покупателям петушков, выращивающих птицу на мясо, никогда не попадают куры-несушки.

— А вы слышали, что определить пол можно даже по яйцу? Говорят, из продолговатого яйца вылупляется петушок, а из кругловатого — курочка.

Юнгу считал это чепухой, поэтому ничего не ответил.

— Хотя если бы это было правдой, то люди бы уже давно на этом большие деньги сделали, — словно отвечая самому себе, пробурчал торговец с красным, как у пьяницы, носом.

Передавая одну за другой отсортированных заранее чахлах кур, Юнгу думал о том, что если только в следующем году осуществится его план сдавать оплодотворенные яйца со своей фермы на вылупление, то количество нездоровых кур значительно сократится. Среди цыплят, купленных в инкубатории, были и цыплята плохой породы, поэтому ему хотелось вывести собственных качественных кур. Для этого он решил сначала отобрать несушек и петухов с большим, толстым гребешком, с блестящими перьями и желтыми лапками и клювом, а затем собирать от них яйца на вылупление.

— Ух ты, а вот эта хоть и с выпавшим задом, но очень даже приличная... Наверно, скоро сдохнет, — продолжал пустословить торговец, получая из рук Юнгу очередную куру, у которой вся задница была в крови от выпавшего яйцевода.

— Ничего, продержится. Все несла яйца с двумя желтками, и вот что с ней стало. А толку-то? Ведь за двойные яйца дороже не платят.

— Представляете, у одного моего знакомого жена тоже три раза подряд родила двойняшек, а потом отдала концы.

Было не понять, говорил ли этот мужик правду или просто молол языком.

Юнгу пропустил его болтовню мимо ушей и пошел в курятник, чтобы отобрать еще двух кур для круглого числа.

Торговец посмотрел в сторону калитки и прокричал Юнгу, что к нему пришли. Когда Юнгу увидел гостью, он не сразу признал в ней Сути. Девушка в голубом шелковом традиционном костюме и белых туфлях на плоской подошве ничем не походила на ту Сути, которая приезжала сюда прошлой зимой. И дело было не только в одежде.

— Здравствуйте!

Обеими руками она держала перед собой сумочку, ее ненакрашенное лицо, выдавливающее из себя улыбку, осунулось до неузнаваемости. Казалось, это была совсем другая девушка.

Ломая голову над тем, для чего она могла опять сюда приехать, Юнгу даже забыл поздороваться.

— Вы, видно, всегда очень заняты. Не торопитесь, я подожду, пока вы не закончите.

Юнгу пошел в кладовку и принес скамейку.

— Тогда посидите здесь немного.

— Да нет, я лучше пойду посмотрю на кур.

Сути положила сумочку на скамейку и подошла к одному из курятников. Вдруг ей показалось, что в глазах ее просветлело. Море гладких белых перьев под лучами яркого солнца и плавающие в нем красные гребешки создавали необыкновенный контраст. Широко раскрыв глаза, Сути стала любоваться этим зрелищем.

Она простояла так с минуту. Но эта минута показалась ей очень долгой. То, как она ехала на попутном такси с Сеульского вокзала, как потом шла сюда пешком, теперь чудилось ей ужасно далеким прошлым. Вдруг белое и красное смешалось, закачалось и стало совершенно черным. Она только успела подумать о том, что ей нельзя падать. Вцепившись руками в сетку курятника, Сути опустила веки.

Чуть погодя она вернулась к скамейке и бухнулась на нее, подперла ладонями лоб. В ушах постепенно отчетливее стали слышаться слова Юнгу и торговца.

Затем наступила тишина, и вдруг раздалось:

— Вам плохо?

Это был голос Юнгу.

Сути подняла к нему лицо. На лбу ее проступил мелкий пот.

— Вы очень бледная.

— Все в порядке... Где у вас тут можно попить?

Юнгу принес чашку с водой. Сегодня он был дома один. Мальчик-помощник со стариком пошли собирать для кур листья акации.

Сути выпила холодной воды и сказала:

— Просто куриные перья ослепили меня... Ваш бизнес заметно расширился.

Сути достала из сумочки носовой платок и, прикладывая его к лицу, стала вытирать капельки пота.

Юнгу опять задумался — для чего же она приехала к нему на этот раз. Но как он ни ломал голову, понять, почему она здесь, не мог. С тех пор, как Хёнтхэ посадили в тюрьму после того случая с проституткой, прошло уже три месяца. Может, она приехала, чтобы узнать новости о нем? Во время суда Хёнтхэ был аккуратно подстрижен, чего раньше никогда не случалось, и цвет лица его был даже здоровее, чем до заключения. Выслушав обвинение, он сказал, что полностью признает себя виновным. Позже прокурор объявил, что, учитывая психическое состояние обвиняемого, его поведение должно рассматриваться не как подстрекательство или пособничество в самоубийстве, а как самое настоящее убийство, основанное на невыполнении гражданского долга. Кроме того, он утверждал, что хотя бы в целях предупреждения распространяющегося среди подростков этого общественного зла, обвиняемого нужно строго наказать, и потребовал приговорить его к пожизненному заключению.

— У вас тут хорошо, спокойно.

— Теперь уже нет. В округе понастроили столько домов. Они заговорили на отвлеченные темы.

На самом деле Сути очень долго раздумывала перед тем, как приехать к Юнгу, но в конце концов набралась смелости. Она больше не могла находиться ни дома, ни на работе, поэтому и решилась. Однако теперь, явившись

сюда, никак не могла начать разговор о цели своего приезда.

Сути еще раз вытерла платком пот с лица и, набравшись решимости, сказала:

— Честно говоря, у меня к вам есть просьба.

Она опустила глаза и продолжила:

— Не могла бы я у вас пожить некоторое время?

Юнгу никак не понимал, о чем она говорит.

Лицо Сути с опущенными в землю глазами стало бледнее, она крепко сжала руками сумочку:

— Я беременна.

Тут наконец Юнгу понял, в чем дело. Он невольно окинул взглядом Сути. Только теперь он разглядел, что сидит она как-то неловко.

Почувствовав на себе взгляд Юнгу, Сути прикрыла живот сумочкой и тихо, но отчетливо произнесла:

— Вы даже представить себе не можете, как я сначала хотела избавиться от ребенка.

Юнгу посмотрел на сумочку Сути:

— Я вас, конечно, понимаю, но у нас здесь совсем нет условий.

— Мне ужасно неудобно просить вас о помощи. Но разрешите мне, пожалуйста, остаться только до родов, потом я вас больше не потревожу. Буду помогать вам всем, чем смогу. Если хотите, могу вам готовить... Если у вас нет свободной комнаты, можете дать мне хоть угол в сарае. Деньги у меня есть, я вам заплачу.

Юнгу достал из кармана сигарету и засунул ее в мундштук.

— Почему вы не рассказали ему обо всем?

— Тогда я проклинала его. И поверьте, сейчас я тоже совсем не хочу обсуждать с ним что бы то ни было.

— Понятно...

Юнгу подумал еще немного, затем сказал:

— Раз уж так получилось, может, вам лучше сообщить обо всем его родителям? Они бы вам помогли.

— Нет.

Сути подняла голову.

— Это совершенно исключено. Я хочу жить своими силами.

— Да, я, конечно, вас понимаю. Но, может, все-таки известить их? Если вы обо всем им расскажете, они вас не оставят.

— Не будем больше об этом. Для меня это уже решенный вопрос.

Юнгу прикурил сигарету.

— Знаете, я вас прекрасно понимаю... Но если его родители узнают обо всем, а вы будете жить здесь, то и вы, и я окажемся в очень неудобном положении. Если честно... Никто не знает, какие потери мне пришлось за все это время перенести. Я не хотел бы больше попадать из-за кого-либо в неприятности.

До сих пор в глубине души Юнгу был уверен, что смерть Миран как-то связана с Хёнтхэ.

— Поэтому мне кажется, вам лучше пойти к нему домой и...

— Я вас поняла.

Суги перевела дух и тихо встала. В первый раз за все это время она посмотрела Юнгу прямо в глаза и сказала:

— Я не знаю, какого рода потери вы перенесли. Но разве есть у нас молодые люди, которые совершенно не пострадали на этой войне? Я думаю, что Хёнтхэ тоже один из пострадавших. Возможно, и я одна из них.

— Да, может быть... И поэтому вы хотите родить и вырастить его ребенка?

Она отвела взгляд в сторону.

— Не знаю... Знаю только, что должна донести этот крест до конца... Прощайте.

Суги повернулась и спокойно пошла к калитке.

Май, 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕРЕВЬЯ НА КОСОГОРЕ

Часть первая.	7
Часть вторая.	103

Хван Сунвон
ДЕРЕВЬЯ НА КОСОГОРЕ

Роман

Перевод с корейского
Пак Чжун Со
Елены Ким

Ответственный редактор
С. В. Смоляков
Корректор
А. А. Нотик
Художник
П. П. Лосев
Оригинал-макет
М. А. Василенко

Издательский Дом «Гиперион»,
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2А
Тел./факс +7 (953) 167-00-28
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 18.04.2020. Подписано в печать 25.09.2020.
Усл. печ. л. 10,92. Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 6308.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

